
S 17/255

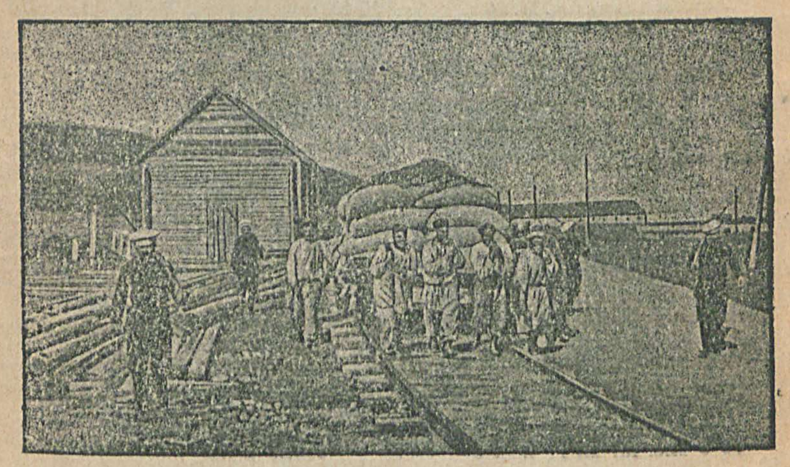
П. Лаббэ.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ДОПОЛНЕНІЕМЪ ОТЗЫВОВЪ РУССКИХЪ ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ:

А. П. Чехова, В. М. Дорошевича, И. П. Миролюбова и др.

Съ 49 рисунками.

переводъ **Н. Васина**.

Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина,
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

П. Лаббэ.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ДОПОЛНЕНІЕМЪ ОТЗЫВОВЪ РУССКИХЪ ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ:

А. П. Чехова, В. М. Дорошевича, И. П. Миролюбова и др.

Съ 49исурками.н

переводъ **Н. Васина.**

Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина,
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 3 ноября 1903 г.

Товарищество типо-литографіи **Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.**
Марьина роща, соб. домъ.

1903.

Глава I.

Описаніе и положеніе острова.—Общій видъ.—Прибытіе въ Александровскій постъ.

Островъ Сахалинъ служитъ Россіи исправительной колоніей; онъ расположенъ на сѣверъ отъ Японіи, между 45°57′ и 54°24′ сѣверной широты; длина его достигаетъ приблизительно до 900 километровъ, а ширина колеблется между 25 и 150; его поверхность равна одной шестой поверхности Франціи (75.360 кв. кил.). Хотя крайніе пункты его широты приблизительно соотвѣтствуютъ широтѣ Гамбурга и Авиньона, климатъ на немъ очень суровый: холодное теченіе, идущее отъ Камчатки и омывающее восточный берегъ острова, частенько заноситъ сюда даже въ іюнѣ мѣсяцѣ ледяныя горы; средняя температура января—30°. Густой снѣгъ здѣсь выпадаетъ уже въ октябрѣ, а въ декабрѣ можно перебраться на континентъ на саняхъ, запряженныхъ собаками.

Однимъ изъ первыхъ, открывшихъ этотъ край, былъ Ла-Перузъ, и географическія имена, данныя имъ, остались безъ измѣненія и у русскихъ: до сихъ поръ еще существуетъ мысъ Крильонъ, вершина Жонкьеръ, Ланерузскій проливъ. Всѣ эти мѣста опасны и хорошо извѣстны въ лѣтописяхъ мореплаванія; свободное ото льдовъ въ теченіе только нѣсколькихъ мѣсяцевъ море почти постоянно покрыто густыми туманами, а бури здѣсь очень часты. Къ сѣверу отъ залива де-Кастри Татарскій проливъ сильно сжатъ между островомъ и континентомъ, и воды его здѣсь такъ мелки, что большіе пароходы не осмѣливаются входить въ него; это—морскій рукавъ, соединяющій устье Амура съ Японскимъ моремъ. Здѣсь мало встрѣчается судовъ; *Ярославль*, принадлежащій Добровольному флоту, два раза въ годъ привозитъ въ Александровскій постъ, столицу острова, новыхъ каторжниковъ; нѣсколько другихъ пароходовъ совершаютъ рейсы между Владивостокомъ и устьемъ Амура съ заходомъ въ конти нентальныя гавани св. Ольги, Сахалинскій-Портъ Александровскъ и Корсаковскъ; на отдыхъ у острова останавли-

ваются еще нѣкоторыя судна; это русскія, норвежскія и японскія суда, плавающія по Охотскому морю до Камчатки. Я слишкомъ мало встрѣчалъ ихъ во время своего путешествія, но я очень часто замѣчалъ такія суда, стоящими на мели, съ поломанными мачтами; всѣ они были покинуты, а весь экипажъ ихъ иногда погибъ. Передъ Александровскомъ, когда море бываетъ низко, видны недалеко въ сторонѣ мачты и трубы потонувшаго и навсегда погибшаго парохода.

Слово Сахалинъ — манджурское и значитъ «скала на поверхности черной рѣки». Въ XVIII вѣкѣ островъ составлялъ японскую собственность, когда японцы занимали южную часть его. Русскіе появляются здѣсь только потомъ, а по договору съ Японіей отъ 26 января 1856 года сѣверная часть острова переходитъ въ ихъ руки. Въ 1867 году русскіе рѣшили организовать здѣсь добычу каменнаго угля, употребляя для этой работы ссыльныхъ каторжниковъ. Въ 1869 году произошла первая значительная присылка каторжниковъ: ихъ было восемьсотъ человѣкъ. Въ 1875 году по договору островъ становится цѣликомъ рус-

скимъ, а Японія въ обмѣнъ за него получила Курильскіе острова, изъ которыхъ нельзя извлечь никакой существенной пользы.

Первая колонія была устроена въ Корсаковскомъ, а потомъ появились и другія. Понявъ, что колонизація удастся только въ томъ случаѣ, если на островѣ организуется семейная жизнь, въ 1883 году рѣшили туда привезти женщинъ. Съ 1884 г. ссыльные пересылались сюда на пароходахъ изъ Одессы въ Александровскій. Во время моего пріѣзда было двадцать восемь тысячъ сто шестьдесятъ шесть каторжниковъ, а женщины не составляли и пятой части всего числа. Кромѣ каторжниковъ на островѣ есть и природные здѣшніе жители, принадлежащіе къ разнымъ племенамъ: гиляки, ороки, тунгузы и айно.

Губернаторомъ острова въ настоящее время состоитъ генералъ, бывшій прокуроръ военнаго суда; онъ зависитъ отъ министерства юстиціи и отъ генералъ-губернатора Амурской области. Въ административномъ отношеніи островъ раздѣленъ на три округа, носящихъ названія отъ главнаго селенія: Александровскій, Корсаковскій и Тымовскій;

однако мѣстопребываніе начальника последняго округа находится не въ Тымовскомъ, а въ Рыковскомъ. У начальника округа есть помощникъ, тюремные смотрители, поселенческіе надзиратели, доктора и судья. Въ каждомъ главномъ мѣстечкѣ округа расположенъ военный отрядъ подъ начальствомъ полковника. Губернаторъ живетъ въ Александровскомъ съ войсками, съ канцеляріей и съ начальниками главныхъ службъ, инженеромъ, главнымъ докторомъ, землемѣромъ, прокуроромъ и т. п.

На Сахалинѣ вниманіе путешественника привлекаютъ три вещи, мало изученныя: физическая, политическая и экономическая географія, исправительный вопросъ и туземное населеніе.

Два первыхъ вопроса почти неотдѣлимы одинъ отъ другого. На самомъ дѣлѣ именно для ссыльныхъ каждый годъ устраиваются новыя деревни, которыя постепенно измѣняютъ географію острова; они же въ нихъ являются и строителями и поселенцами.

Главному прокурору во Владивостокѣ я сказалъ, что хотѣлъ бы осмотрѣть всѣ

тюрьмы; онъ прервалъ меня: «Не говорите *тюрьмы*, говорите *казармы*!»

Эти слова поразили меня, а однако на самомъ дѣлѣ сахалинскія тюрьмы отчасти походятъ на большія нездоровыя казармы, а узники живутъ въ нихъ въ ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ, но не слишкомъ много заботясь о завтрашнемъ днѣ; тюрьмы съ отдѣленіями нѣтъ, и только къ моему отъѣзду готовились произвести такой опытъ въ Рыковскомъ. Правду сказать, исправленіе для каторжника начинается съ того момента, кокъ онъ покидаетъ тюрьму, всегда до окончанія срока своего наказанія. Онъ долженъ тогда поселиться внутри острова, въ какомъ-нибудь невоздѣланномъ мѣстечкѣ, построить тамъ себѣ домъ, отыскать поле и обработать его, а для этой работы онъ снабжается запасомъ муки, которую получаетъ каждый мѣсяцъ въ теченіе одного или двухъ лѣтъ, пилой, топоромъ и веревками, отпускаемыми ему въ кредитъ. Итакъ, когда замѣчаютъ, что онъ заплатилъ нѣкоторымъ образомъ свой долгъ обществу, ему позволяютъ уйти изъ тюрьмы, хотя для него начинаются самыя ужасныя жизненныя

условія. Въ моментъ освобожденія это освобожденіе бываетъ почти невозможно для него, и несчастный въ силу обстоятельствъ бываетъ принужденъ совершить новое преступленіе; онъ снова возвращается въ тюрьму, гдѣ онъ вполнѣ увѣренъ, что будетъ ѣсть, почти ничего не работая. Къ чему же тогда пребываніе въ тюрьмѣ, разъ освободившійся каторжникъ сожалѣетъ о ней, какъ только сдѣлается поселенцемъ? Результаты исправительнаго поселенія оказались не тѣ, какъ на нихъ надѣялись; это ошибка самой системы, которая построена такъ, что лѣнивецъ никогда не выучится работать въ сахалинской тюрьмѣ, а трудолюбивый научится тамъ лѣности; это ошибка общества, которое, разъ оно беретъ на себя право наказывать, имѣетъ обязанность дать освобожденному средства снова сдѣлаться человѣкомъ; это ошибка, наконецъ, всѣхъ тѣхъ, кто забываетъ, что преступленіе, за которое осужденный несъ положенное по закону наказаніе,—преступленіе очищенное, о которомъ никто, за исключеніемъ виновнаго, не долженъ больше помнить!

Кромѣ того, совершается другая ошибка,

разъ хотятъ привязать силы осужденныхъ къ земледѣлію: зерновые хлѣба не достигаютъ созрѣванія на почвѣ, въ которой иногда въ августѣ мѣсяцѣ на разстояніи одного метра отъ поверхности находится ледъ; напротивъ, здѣсь хорошо родятся картофель, рѣпа и капуста. Въ долинахъ земля хороша; она частенько состоитъ изъ глины и песку, но къ несчастью встрѣчаются огромныя болота, покрытыя высокой травой и кустарникомъ, одни—образовавшіяся отъ ключей, другія — стоячія болота на почвѣ, не пропускающей воды; частенько также земля представляетъ изъ себя не особенно толстый слой, лежащій на каменной породѣ, и въ такомъ случаѣ ея питательныя средства скоро ослабѣваютъ. Кромѣ того, и рѣки и рѣчки носятъ тотъ же характеръ; это скорѣе, даже самыя большія, горные потоки, наводненіе отъ которыхъ ужасно.

Островъ можно раздѣлить на пять главныхъ бассейновъ; самые значительные изъ нихъ, это бассейны Пороная и Тыми. На 52° кряжъ горный, составляющій основаніе всего острова, раздѣляется на двѣ цѣпи продолговатой долиной, въ глубинѣ кото

рой, спустившись съ соединяющаго обѣ цѣпи узла, текутъ по самому мередіану, только въ противоположныхъ направленіяхъ, Тыми и Поронай, рѣчки почти одинаковой длины. Поронай имѣетъ въ длину почти около 250 километровъ, но японскія джонки поднимаются по нему только на нѣсколько километровъ. Его бассейнъ покрытъ огромными болотами и тундрой. Бассейнъ Тыми лучше для поселенія, но онъ расположенъ сѣвернѣе, и зима тамъ дольше.

Вотъ среднія температуры года: январь—21°2, февраль—15°2, мартъ—8°7, апрѣль—0°7, май+5°, іюнь+11°, іюль+16°2, августъ+17°, сентябрь+13°4, октябрь+4°7, ноябрь—4°, декабрь — 14°7. Климатъ не особенно суровый для русскаго, а въ сѣверной Сибири есть мѣста, гдѣ онъ номного суровѣе. Сами каторжники говорили мнѣ: кто умѣетъ работать, въ концѣ концовъ увидитъ, что его работа на Сахалинѣ не пропадаетъ даромъ. Нѣкоторые говорили, что въ родной деревнѣ они жили не такъ хорошо, какъ на мѣстѣ ссылки; другіе, когда оканчивалось ихъ наказаніе, охотно оставались въ своихъ новыхъ деревняхъ, а

есть и такіе, которые, побывавъ на берегахъ Амура, снова возвращались и просили губернатора острова снова отвести имъ поле.

Администрація заставляетъ каторжниковъ работать въ рудникахъ; на Сахалинѣ есть огромныя залежи каменнаго угля; здѣсь нашли нефть, янтарь, мраморъ и, говорятъ, золотоносный песокъ; еще не всѣ открыты богатства, заключающіяся въ горахъ, состоящихъ изъ вулканическихъ и базальтовыхъ скалъ, высота которыхъ достигаетъ до 1,200 метровъ. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой гавани, эксплуатація природныхъ богатствъ очень трудна. На самомъ дѣлѣ по берегамъ острова нѣтъ ни одного залива, который можно было бы приспособить для гавани; на восточномъ берегу есть только одинъ глубокій Найскій заливъ, но каналъ въ него узокъ и неудобенъ; на противоположномъ берегу есть довольно большое количество очень маленькихъ бухтъ, недоступныхъ для судна довольно порядочной вмѣстимости. Въ дни бурной погоды суда убѣгаютъ отсюда и укрываются на другой сторонѣ пролива въ одной изъ хорошо защищен-

ныхъ гаваней, которыхъ очень много на континентѣ.

Горы занимаютъ бо́льшую часть острова; у нихъ обнаженныя вершины; эти вершины не скалисты, но суровость климата не позволяетъ на такой высотѣ пробиваться никакой растительности. У подножія ихъ произрастаетъ ель, пихта, лиственница, вязъ, береза, тополь, кленъ, ясень и ива; на болѣе возвышенномъ поясѣ видны только одна ель и лиственница, выше идетъ камчатская береза, и, наконецъ, голая вершина.

Долины, часто очень живописныя, представляютъ два совершенно различныхъ вида: то это тундра, то роскошная растительность. Тундра состоитъ изъ черной и рыхлой земли, въ которую глубоко уходитъ нога; она покрыта травой и мохомъ, на которыхъ, промежъ мелкихъ невзрачныхъ лиственницъ, пасутся слада дикихъ оленей; частенько встрѣчаются болота или озера, скрытыя подъ высокимъ тростникомъ, около которыхъ живутъ многочисленные гуси, утки, чирки и бекасы. Пробираться по этимъ пустымъ мѣстамъ грустно и трудно.

Иногда дорога, почти всегда скверная, идетъ вдоль извилистыхъ и быстрыхъ рѣчекъ, сжатыхъ крутыми горами. Часто лѣсъ совершенно выжженъ, и на разстоянiи нѣсколькихъ верстъ медленно двигаешься впередъ посреди обуглившихся стволовъ, часто еще дымящихся; до самаго горизонта видны только такiе стволы, а зимой, подъ снѣгомъ, они кажутся кусками огромнаго угля, видъ которыхъ тогда очень фантастиченъ. Потомъ слѣдуютъ роскошныя мѣста, гдѣ трава выше роста человѣка и испещрена цвѣтами на длинныхъ стебелькахъ, голубыми маргаритками и розовыми барвинками; они образуютъ купола зелени, подъ которыми текутъ ручейки, весело журча по камешкамъ. Лѣсъ тогда полонъ поваленныхъ деревьевъ, съ гнiющими стволами, съ вырванными корнями, непроходимыхъ лiанъ; доступъ туда невозможенъ, сами бѣглые каторжники не рѣшаются скрываться въ нихъ; одни только мѣстные туземцы знаютъ секреты такого лѣса, а въ таинственной глубинѣ его живутъ медвѣди, россомахи, лисицы и мускусные олени. Выдры, соболи и горностаи очень многочисленны

по берегамъ рѣкъ, а лѣса укрываютъ огромное количество разнообразныхъ птицъ. Любопытное явленіе: теплое время года такъ быстро проходитъ на Сахалинѣ, что въ лѣсу сразу видны всѣ оттѣнки: посреди весенней зелени и осенней желтизны, рябина и кленъ отливаютъ красными, сверкающими тонами. Почва покрыта дикими ягодами и цвѣтами, запахъ которыхъ наполняетъ всѣ долины; долина Наибы была покрыта снѣгомъ, когда я покинулъ ее, цвѣты попадали и вѣтви были покрыты льдомъ, а однако повсюду былъ разлитъ еще запахъ поблекшихъ цвѣтовъ.

Кромѣ каторжниковъ на островѣ было 1912 гиляковъ, 1296 айно, 773 орока, 157 тунгузовъ. Ороки и тунгузы были окрещены, не вполнѣ понимая зачѣмъ? какъ? Это теперь православные, которые рѣшительно ничего не понимаютъ въ своей новой религіи и у которыхъ стало только однимъ богомъ больше, чѣмъ прежде. Они занимаются разведеніемъ сѣверныхъ оленей, но главными занятіями этихъ туземцевъ служатъ рыбная ловля и охота. Сахалинъ можно было бы назвать страною мѣховъ. Если соболь, хотя очень хорошій,

здѣсь и хуже камчатскаго соболя, то медвѣди, выдры, лисицы и горностаи носятъ здѣсь великолѣпныя шубы, а пробы, выставленныя въ 1900 году въ русскомъ отдѣлѣ парижской выставки, должны были заинтересовать самыхъ кокетливыхъ изъ нашихъ парижанокъ.

Рыбная ловля служитъ самымъ главнымъ источникомъ богатства, и исправительная работа, если бы ее употреблять на рыбныхъ промыслахъ и на фабрикованіе кон сервовъ, дала бы такіе результаты, размѣры которыхъ нельзя себѣ и представить. Рыба иногда идетъ такими густыми слоями, что айно ловятъ ее руками; смотря по времени года сардины, анчоусы и всѣ породы лососи появляютсяздѣсь въ безчисленномъ количествѣ; омары и другія чудовищныя ракообразныя многочисленны здѣсь весной, а устрицы, очень большія, довольно вкусны; наконецъ, я очень часто замѣчалъ въ сторонѣ небольшихъ китовъ, ловля которыхъ, кажется, интересуетъ только однихъ японцевъ. Послѣдніе устроили на Сахалинѣ большіе рыбные промысла, обогащающіе портовыхъ торговцевъ острова Іезо; въ виду безчисленныхъ недоразумѣ-

ній, происходящихъ между русскими и японцами, присутствіе японскаго консула въ Корсаковскомъ сдѣлалось необходимымъ. Вопросъ о японскомъ рыбномъ промыслѣ на русскомъ Дальнемъ Востокѣ имѣетъ для Японіи такое значеніе, что вполнѣ возможно, что если онъ когда-нибудь послужитъ причиною войны между двумя государствами, несомнѣнно Россія будетъ сговорчивѣе, чѣмъ это думаютъ японцы, потому что, согласившись на какія-нибудь концессіи какъ на Камчаткѣ, такъ и на Сахалинѣ, она, можетъ-быть, пріобрѣтетъ свободу дѣйствовать по своему усмотрѣнію въ Манджуріи.

Вообще, несмотря на все, островъ Сахалинъ могъ бы сдѣлаться цвѣтущимъ, но сейчасъ онъ является только однимъ пунктомъ въ очень обширныхъ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи, гдѣ есть столько другихъ провинцій болѣе богатыхъ, болѣе доступныхъ и менѣе трудныхъ для колонизаціи. Россіи нужно много сдѣлать, много начать въ своихъ огромныхъ азіатскихъ владѣніяхъ, и она не достигла никакого практическаго результата въ разбрасываніи повсюду. Сахалинъ уже и такъ дорого стоитъ имперіи,

которая много истратила и много еще истратитъ на него денегъ; мои читатели могутъ сами судить, выполнила ли она свою задачу и имѣло ли успѣхъ карательное поселеніе; лично я не вѣрю въ это...

Русскіе о Сахалинѣ иначе не говорятъ, какъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ ужасомъ, и всѣ мои московскіе и петербургскіе друзья отсовѣтывали мнѣ отправляться въ дорогу. Однако я поѣхалъ. Эго было лѣтомъ 1899 года. Изъ Владивостока пароходъ *Байкалъ* везъ меня въ маленькое мѣстечко, главный городъ острова Сахалина, Александровскій постъ; послѣ короткаго захода на континентальномъ берегу въ бухты св. Ольги и Порта Императора, черезъ нѣсколько дней мы замѣтили большой странный мысъ, на которомъ возвышался маякъ и который оканчивался чудовищными скалами, носящими названіе Трехъ Братьевъ. Берегъ состоитъ изъ большихъ черныхъ, а иногда красноватыхъ утесовъ, разсѣченныхъ по всѣмъ направленіямъ; обвалы образовали многочисленные рифы, и весь берегъ ка-

зался величественнымъ, печальнымъ и дикимъ; городъ выстроенъ амфитеатромъ у подножія высокихъ горъ съ голыми вершинами, и солнечные лучи, разливавшіеся по немъ во время моего пріѣзда, прида-

„Три Брата" около Александровскаго.

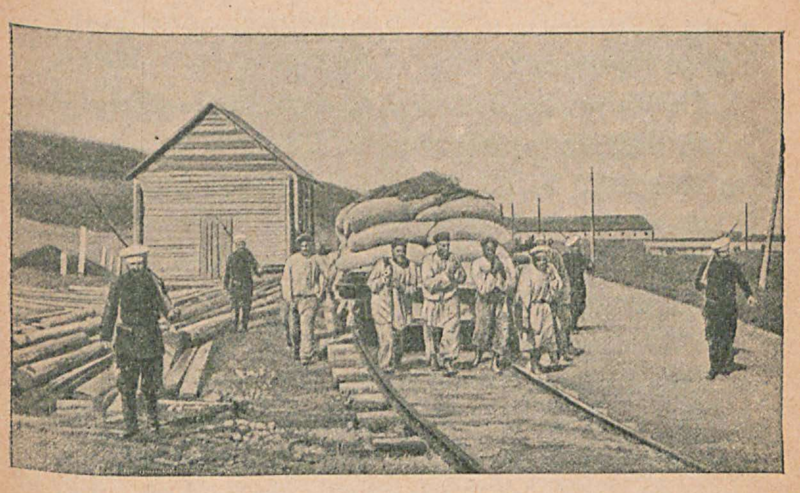
вали ему обманчивую красоту; надъ городомъ, въ сторонѣ, горѣлъ еловый лѣсъ.

Къ намъ подошла маленькая шлюпка, потому что капитанъ бросилъ якорь довольно далеко отъ берега; начальникъ округа приглашалъ меня сойти на землю; и я очень счастливъ, что могу написать его имя, потому что г. Семевскій, еще новичокъ на Сахалинѣ, внесъ въ дѣло, для котораго онъ былъ созданъ, прямоту и

искренность, за что всѣ, кто только приходитъ въ общеніе съ нимъ, цѣнятъ и уважаютъ его.

Какіе-то люди, съ наполовину обритыми головами, въ костюмѣ острожниковъ, уже возились съ моимъ багажомъ, и капитанъ парохода посовѣтовалъ смотрѣть за ними съ неослабнымъ вниманіемъ, потому что ловкіе носильщики, искусствомъ которыхъ я восхищался, были въ то же время и опытными ворами. Сопровождаемый ими, я достигъ берега, гдѣ меня ждала уже повозка. На деревянной набережной вяло работала цѣлая толпа каторжниковъ, разгружая большія полныя угля барки, и каждый изъ нихъ осматривалъ меня сверху донизу испытующимъ и злымъ взглядомъ, несомнѣнно стараясь угадать, какой новый врагъ прибылъ къ нимъ. Нѣкоторые изъ нихъ гнали по рельсамъ вагонетки, нагруженныя мѣшками и товаромъ; они частенько останавливались по дорогѣ, чѣмъ приводили въ необычайную ярость наблюдавшихъ за ними солдатъ; они работали медленно, очевидно не интересуясь дѣломъ, порученнымъ имъ. При моемъ проѣздѣ они снимали шапки, но это они кланялись

моей повозкѣ. Русскій чиновникъ всегда носитъ форму; когда на немъ нѣтъ никакого офиціальнаго мундира, платья съ цвѣтнымъ воротникомъ и съ золотыми или серебряными погонами, то онъ является обык-

Каторжники на работѣ въ Александровскомъ.

новеннымъ торговцемъ или даже мужикомъ, и я не замедлилъ это испытать на себѣ. Вечеромъ въ самый день пріѣзда я остановилъ на улицѣ одного полицейскаго солдата, спрашивая его, не видалъ ли онъ случайно на улицѣ начальника округа.

— У тебя, братъ, есть свои ноги бѣгать за нимъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ.—А въ осо-

бенности запомни впредь, что полиція создана не для того, чтобы давать справки людямъ, какъ ты.

Въ повозкѣ, въ которой я проѣзжалъ между ссыльными, я являлся для нихъ особой; пѣшкомъ я былъ принятъ солдатомъ за каторжника.

Любопытно отмѣтить, что первой моей заботой, по прибытіи въ этотъ отдаленный край, было облечься во фракъ, надѣваемый по уставу во всей Россіи, чтобы итти представляться къ начальству. Впрочемъ генералъ Ляпуновъ принялъ меня очень любезно, также какъ и всѣ чиновники, которымъ онъ меня представилъ и съ которыми я впослѣдствіи имѣлъ дѣло, какъ въ Александровскѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ острова. Между ними находился агрономъ г. фонъ-Фрикенъ. Я рѣдко встрѣчалъ за свои путешествія болѣе любезнаго и болѣе услужливаго человѣка и навсегда сохранилъ о немъ очень хорошее воспоминаніе. Храбрый охотникъ на медвѣдей, что тѣмъ болѣе замѣчательно, такъ какъ онъ уже давно лишился одной руки, онъ былъ также очень искуснымъ фотографомъ, и нѣсколько его ненапечатанныхъ

еще снимковъ иллюстрируютъ теперь мою работу.

Губернаторъ сообщилъ мнѣ, что всѣ двери будутъ открыты для меня и что по всему острову я могу осматривать все, что захочу, днемъ и ночью. Я воспользовался этимъ и очень часто ходилъ въ тюрьмы ночью; тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что я видѣлъ только то, что мнѣ хотѣли показать окружные начальники или нѣкоторые тюремные смотрители.

Про жестокость тюремныхъ чиновниковъ и про русскую каторгу написано слишкомъ много книгъ. Большинство русскихъ читало про жестокости и всевозможныя притѣсненія, которыя создали печальную извѣстность имени Сахалина. Русская душа такъ дѣйствительно высоко гуманна, что я всегда все это считалъ за преувеличенные разсказы; къ несчастью они были правы.

Очевидно, въ настоящее время между сахалинскими чиновниками честные люди оказываются въ значительно бо́льшемъ числѣ, чѣмъ это хотѣли признать. Ихъ ремесло настолько уже сурово и жестоко, что на ихъ счетъ слѣдовало бы выра-

жаться съ нѣкоторой снисходительностью и великодушіемъ. Я припоминаю, какъ одинъ изъ нихъ съ плачемъ говорилъ мнѣ о своей семьѣ, покинутой въ Россіи; дѣтей было много, расходы большіе, такъ что отецъ и мать работали вдали другъ отъ друга, чтобы дать своимъ дѣтямъ хоть какое-нибудь образованіе. Этотъ чиновникъ былъ не единственнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи. Другіе изъ нихъ пріѣзжали сюда также молодыми, подталкиваемые надеждой на лучшую пенсію при отставкѣ, которую они могли получить только при долгой службѣ на Дальнемъ Востокѣ.

Не менѣе вѣрно и то, что служба на Сахалинѣ вредна для тѣхъ, кто проживетъ слишкомъ долго; вообще служба здѣсь очень деморализующая; жизнь трудна, развлеченій никакихъ нѣтъ, а зима тянется нѣсколько долгихъ мѣсяцевъ. Въ такой тяжелой атмосферѣ тюрьмы человѣкъ легко теряетъ всякое понятіе о чести и справедливости, становится строгъ къ другимъ и очень снисходителенъ къ самому себѣ. Если подвернувшійся путешественникъ ничего не видитъ, то онъ слышитъ

печальные разсказы, а тотъ, у кого не особенно чиста совѣсть, охотно разсказываетъ грязныя исторіи про своихъ сосѣдей.

Типъ каторжника.

У русскаго два недостатка: онъ любитъ водку и карты; на Сахалинѣ эти недостатки скоро становятся пороками. Игорные долги часто достигаютъ очень большой суммы, но представители промышленности или владивостокскіе коммерческіе русскіе или нѣмецкіе дома очень легко выдаютъ ссуды. Я не думаю здѣсь сдергивать занавѣсъ со всѣхъ скандаловъ, а просто отмѣчаю то, о чемъ всѣ говорятъ въ дальней Сибири; очень часто судъ начинаетъ безконечныя разслѣдованія по поводу важныхъ дѣлъ, позорныхъ для сахалинскихъ чиновниковъ. Трудно услѣдить,

кто производитъ секретную торговлю шкурами и алкоголемъ; печально узнать, что нѣкоторые получаютъ оклады или подарки (называй, какъ хочешь), предлагаемые жадными до выгодъ торговцами; съ сожалѣніемъ, наконецъ, думаешь, что тюремные смотрители могутъ выгадывать на провіантѣ каторжниковъ, выдавать имъ неполное количество муки и, сверхъ того, побои.

Я однако не хотѣлъ бы распространяться о всемъ позорѣ, котораго заслуживаютъ нѣкоторые. Есть книги, авторы которыхъ, кажется, взяли за правило быть не слишкомъ нѣжными къ осужденнымъ ни очень строгими къ охраняющимъ ихъ; однако слѣдуетъ быть справедливымъ по отношенію ко всѣмъ, что я и постараюсь исполнить, не указывая личностей.

Нѣкоторые отбывшіе наказаніе каторжники оказывали мнѣ большія услуги, а одинъ изъ нихъ былъ даже нѣсколько времени моимъ товарищемъ по путешествію во время экспедиціи къ айно; я благодарю всѣхъ ихъ, хотя и не называю. Я считаю безполезнымъ припоминать, что они были осужденными; я дѣлалъ видъ, что признаю суровый законъ, по которому всякій саха-

линскій освобожденный имѣетъ въ своихъ официіальныхъ бумагахъ отмѣтку о званіи ех-каторжника.

Наконецъ, я буду мало говорить о политическихъ ссыльныхъ, которыхъ, къ счастію, въ настоящее время на Сахалинѣ меньше, чѣмъ прежде. Однако разскажу о всѣхъ услугахъ, оказанныхъ ими странѣ, куда они были сосланы. Большинство работъ и статей о туземцахъ острова принадлежитъ ихъ перу; они именно исполняли трудную задачу школьныхъ учителей для дѣтей каторжниковъ; они также завѣдывали метеорологическими станціями. Роль ихъ была научная и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственная. Нѣкоторые изъ нихъ безплатно и отъ всего сердца занялись просвѣщеніемъ туземцевъ; одинъ изъ нихъ, между прочимъ, научилъ ихъ культурѣ картофеля, другой училъ ихъ дѣтей русскому языку; отъ нихъ именно и только отъ нихъ гиляки узнали и оцѣнили качества русскаго характера, такъ какъ каторжники показывали имъ только одни его недостатки. Всякій разъ, какъ администрація обращалась за содѣйствіемъ къ политическимъ преступникамъ, тѣ никогда

не продавали своихъ трудовъ, разъ рѣчь шла о дѣлѣ человѣколюбія.

Глава II.

Прибытіе въ Александровскій постъ.—Перевозка преступниковъ изъ Одессы на Сахалинъ.—Тюрьмы и больницы.

Несмотря на приглашеніе, сдѣланное мнѣ губернаторомъ, я въ Александровскѣ не воспользовался гостепріимствомъ ни одного чиновника; мнѣ хотѣлось жить посреди каторжниковъ, и, согласно моему желанію, мнѣ дали домъ, который занимаютъ обыкновенно они. Въ немъ отсутствовалъ всякій комфортъ, но въ одной комнатѣ у меня былъ столъ для работы, а въ другой кровать для отдыха. Слуга, высокій малый съ густой бородой, жилъ вмѣстѣ со мной, и не знаю, почему я принялъ его за служащаго въ полиціи, обязаннаго заботиться обо мнѣ и въ случаѣ необходимости защищать; впрочемъ онъ скоро же сдѣлался для меня симпатиченъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда я спросилъ его, не знаетъ ли онъ какого-либо каторжника,

который могъ бы сообщить мнѣ какія-нибудь свѣдѣнія о принудительныхъ работахъ въ Нерчинскѣ въ Сибири.

— Къ вашимъ услугамъ,—тотчасъ же отвѣтилъ онъ.

— Какъ! Ты былъ въ тюрьмѣ въ Нерчинскѣ?—воскликнулъ я.

— Да, за первое преступленіе.

И Василій Черкашинъ объяснилъ мнѣ, что его обвиняли въ довольно многочисленныхъ преступленіяхъ.

— А я только всего два раза и убилъ-то,—скромно прибавилъ онъ.

Василій разсказалъ мнѣ всю свою жизнь. Онъ убилъ товарища и былъ сосланъ въ Нерчинскъ; потомъ убѣжалъ, его поймали снова, и онъ кого-то убилъ въ борьбѣ съ арестовавшими его солдатами. Его сослали на Сахалинъ, и у него была теперь одна дума, какъ бы попытаться снова убѣжать. Онъ надѣется переплыть проливъ въ бочкѣ, которая послужитъ ему баркой.

— Мы всѣ знаемъ писарей, — прибавилъ Василій, — которые живутъ вдоль Амура и которые за сорокъ рублей фабрикуютъ поддѣльные паспорта для бѣглецовъ. Я досталъ денегъ и могу добраться

до своей родной деревни, на югѣ Россіи, около Харькова, гдѣ меня схватили.

— И вотъ ты на островѣ и снова готовъ бѣжать?

— Нѣтъ, теперь я не такъ ужъ силенъ,—отвѣчалъ Василій;—здоровье ослабло, а здѣсь и живу я лучше, чѣмъ жилъ бы въ родной деревнѣ.

Василій предложилъ мнѣ разсказать про свое путешествіе на пароходѣ *Ярославль*, который два раза въ годъ привозитъ изъ Одессы каторжниковъ, приговоренныхъ къ Сахалину. Чтобы имѣть самый вѣрный разсказъ, я попросилъ его пригласить одного или двоихъ сосѣдей, которые дополнили бы пропуски въ его разсказѣ. Онъ привелъ ко мнѣ женщину и старика; первая убила своего двухлѣтняго ребенка; второй остановилъ въ лѣсу какую-то женщину и удушилъ ее.

Когда судно уходитъ изъ Одессы, осужденныхъ помѣщаютъ въ трюмъ и запираютъ въ рѣшетчатыя клѣтки. Передъ отъѣздомъ бываетъ докторскій осмотръ, но онъ очень плохъ, и доктора часто отпускаютъ въ дорогу больныхъ, одержимыхъ тяжкими припадками или чахоткой въ по-

слѣднемъ градусѣ; нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжаютъ на Сахалинъ, чтобы только умереть, если не умрутъ еще дорогой.

Убійца.

Ноги ихъ заковываютъ въ кандалы до Краснаго моря; жара тогда становится слишкомъ сильной, и они уже не могутъ больше таскать ихъ. Каждый день арестантовъ

поочередно вводятъ въ комнату, гдѣ они проходятъ подъ широкой трубой и получаютъ душъ, который кажется великолѣпнымъ этимъ несчастнымъ, потому что въ ихъ клѣткахъ воздуху мало и имъ нельзя дышать. Подъ тропиками становится такъ жарко, что имъ позволяютъ снять свое платье, и они тогда живутъ почти голыми въ ужасающемъ воздухѣ: въ одной клѣткѣ ихъ часто бываетъ болѣе восьмидесяти человѣкъ и такъ бываетъ тѣсно, что они спятъ голова съ головой. Пища очень достаточная, а Василій находитъ ее даже хорошей.

Докторъ навѣщаетъ ихъ каждый день, а для больныхъ организованъ даже лазаретъ. Они никогда не могутъ подняться на палубу.

Женщины бываютъ заключены отдѣльно, но и съ ними обходятся также сурово.

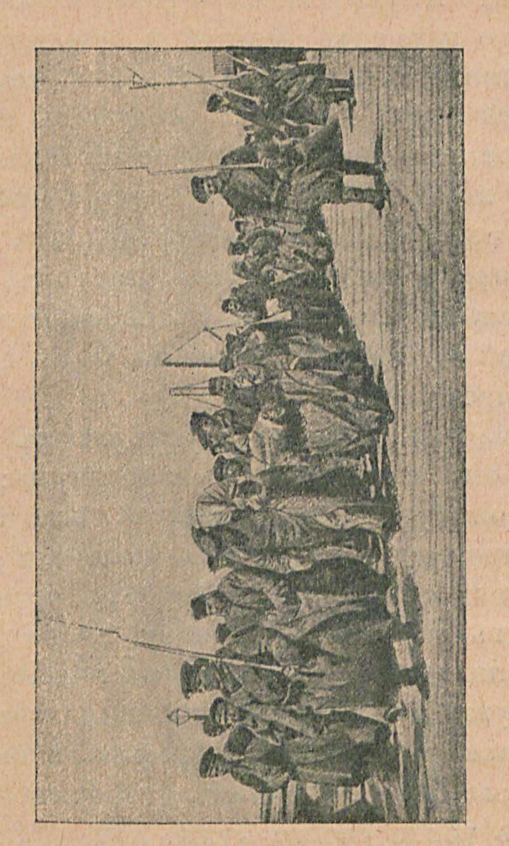
— За нѣкоторыми исключеніями,—сказалъ старый каторжникъ, перебивая Василія и указывая на слушавшую ихъ женщину.

— Да,—сказала тогда послѣдняя;—я была вѣжлива со стражей, и они за это хорошо обращались со мной!

Какая жизнь, какіе нравы! Наказанія на пароходѣ не сладкія: это—розги и кандалы, а часто карцеръ, темный и безъ воздуха, гдѣ узникъ задыхается. Въ 1901 году, въ полный зной, *Ярославль* получилъ значительное поврежденіе, которое заставило его зайти въ Сайгонъ, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль семьсотъ одиннадцать узниковъ претерпѣвали передъ портомъ, подъ тягостнымъ зноемъ и въ своей отвратительной смѣси, такія мученія, какія трудно себѣ представить!

Какъ только судно приходитъ въ Сахалинъ, оно выдерживаетъ карантинъ; докторъ осматриваетъ больныхъ, ихъ ведутъ въ тюремную баню, ихъ пожитки подвергаютъ дезинфекціи. Осмотръ не всегда бываетъ серьезный, почему Елена Бубелисъ, лицо съ сомнительнымъ поломъ, скорѣе мужчина, чѣмъ женщина, была черезъ нѣсколько лѣтъ по пріѣздѣ выдана замужъ за ссыльнаго; впрочемъ говорятъ, она вскорѣ убила своего мужа.

Администрація острова распредѣляетъ каторжниковъ между различными тюрьмами, и каждый изъ нихъ, покидая судно, получаетъ нѣкоторую сумму денегъ—по десяти

Прибытіе каторжниковъ.

копеекъ съ убитой во время путешествія крысы, потому что крысы на русскихъ судахъ сильно размножаются и пожираютъ припасы.

Когда старикъ и женщина, помогавшіе Василію въ его разсказѣ, вышли, я спросилъ у него:

— Ты приводилъ ко мнѣ своихъ пріятелей?

— Какъ вы могли это подумать? Это убійцы!..

Василій страшно боялся воровъ и не сразу отпиралъ дверь, когда я возвращался нѣсколько поздно. Онъ повторялъ мнѣ, что улицы Александровска малонадежны ночью и что на нихъ можно натолкнуться на опасную встрѣчу. Благодаря его за добрые совѣты, я и самъ кое-что совѣтовалъ ему и на немъ произвелъ первый опытъ своихъ качествъ моралиста. Тотъ, кто будетъ читать мои путевыя замѣтки, можетъ подумать, что я достигъ своей цѣли, такъ какъ тамъ частенько стоитъ имя моего служителя, сопровождаемое дружескимъ эпитетомъ: честный Василій. На самомъ дѣлѣ честный Василій обкрадывалъ меня съ поразительной ловкостью, а когда я

замѣтилъ воровство, мои подозрѣнія остановились бы на всякомъ другомъ, но не на немъ: онъ проливалъ такія горькія слезы, когда подумалъ, что я его обвиняю! Я оставилъ Сахалинъ, не узнавъ имени моего вора или воровъ, потому что потомъ, послѣ 500 франковъ, украденныхъ въ Александровскѣ, постепенно исчезли лорнетъ, фотографическій аппаратъ и ружье.

Василій изъ боязни полицейскаго обыска спряталъ украденныя у меня деньги у одного городского торговца. Послѣ моего отъѣзда, когда настала зима и когда можно было перебраться черезъ проливъ на саняхъ, онъ пошелъ за своими деньгами къ укрывателю. Послѣдній хорошо зналъ, что деньги, довѣренныя ему, были украдены.

— О какихъ деньгахъ ты говоришь? — спросилъ онъ Василія.

— О деньгахъ француза!

— Но ты съ ума сошелъ, дорогой Василій: ты мнѣ никогда не давалъ денегъ!

Каторжникъ сначала былъ ошеломленъ, потомъ кричалъ, угрожалъ, гремѣлъ; все было напрасно. Онъ пошелъ и разсказалъ про свое приключеніе двумъ такимъ же, какъ онъ самъ, бездѣльникамъ, и слѣ-

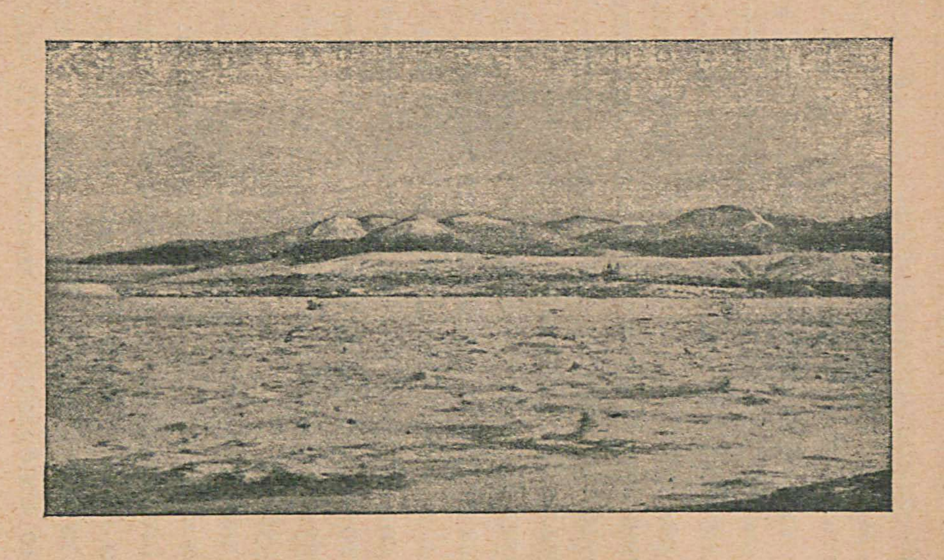
дующей ночью они разгромили магазинъ и убили бутылками хозяина квартиры, его жену и мальчика; они перерыли весь домъ, но деньги были хорошо спрятаны, и они ничего не нашли.

На другой день Василій былъ арестованъ; ему удалось бѣжать, но онъ былъ почти тутъ же пойманъ. Мнѣ говорили, что онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ свирѣпыхъ между острожниками; теперь у него, такого спокойнаго два года тому назадъ, кажется, манія къ преступленіямъ, и я начинаю сомнѣваться въ своей способности моралиста!

Впрочемъ, я не могъ оставить Сахалина благополучно, неограбленнымъ. Всѣ путешественники терпѣли отъ воровства; самъ главный начальникъ тюремъ, хорошо охраняемый, говорилъ мнѣ про это, когда я видѣлъ его въ С.-Петербургѣ. Онъ тотчасъ же, какъ только увидѣлъ, что я все знаю, сознался мнѣ, что каторжники утащили у него только одни чемоданы, неимѣвшіе никакой стоимости, какъ будто такимъ способомъ хотѣли сказать ему: «Вотъ видишь, ты главный начальникъ,

но мы и тебя можемъ такъ же обокрасть, какъ и всякаго другого!»

Городъ Александровскъ своими широкими улицами, пересѣкающимися подъ прямыми углами, походитъ на всѣ другіе города Россіи. Дома, построенные изъ дерева, почти всѣ сдѣланы на одинъ образецъ; дома чиновниковъ просто немного попросторнѣе, а дома каторжниковъ менѣе удобны. Александровскіе ссыльные, какъ и тѣ, что живутъ внутри острова, принадлежатъ къ самымъ различнымъ племенамъ, а религіи почти такъ же многочисленны, какъ и народности. Чтобы перечислить всѣ представленныя здѣсь племена, надо было бы привести полную статистику русской этнографіи. Кромѣ русской церкви, въ Александровскѣ есть еще католическая церковь и мечеть. У мусульманъ есть свои духовные, также сосланные по полуполитическимъ причинамъ; католическій кюрэ и протестантскій пасторъ имѣютъ на Сахалинѣ многочисленныхъ прихожанъ; но они почти не выѣзжаютъ изъ Владивостока, гдѣ имѣютъ мѣстопребываніе, и ихъ пріѣздъ на островъ продолжается столько, сколько полагается на стоянку судна.

Портъ Александровскій зимой.

Есть школа, въ которой учителемъ былъ одинъ симпатичный политическій ссыльный, и пріютъ, о которомъ я не буду говорить, потому что во время моего пріѣзда въ Александровскъ онъ былъ недостаточенъ для того числа дѣтей, которые искали тамъ убѣжища. Онъ будетъ перестроенъ, расширенъ, и новое убѣжище станетъ однимъ изъ лучшихъ трудовъ дѣятельности администраціи острова подъ управленіемъ генерала Ляпунова.

Другими замѣчательными памятниками города являются тюрьма, мастерскія, больницы, музей. Слово *памятникъ* очень ужъ громко, потому что всѣ эти сооруженія— не что иное, какъ бараки, похожіе другъ на друга и которые можно принять одинъ за другой.

Александровскія больницы, къ несчастію, похожи на другія больницы острова: онѣ большей частью слишкомъ малы для того числа больныхъ, которому онѣ даютъ пріютъ, а при такихъ условіяхъ ихъ невозможно содержать въ чистотѣ. Печальное зрѣлище представляетъ ихъ видъ, и доктора стыдятся, когда ихъ посѣтитъ иностранецъ. Больные, сжатые въ слишкомъ узкихъ ком-

натахъ, задыхаются. Доктора могутъ едва только изолировать больныхъ съ заразными болѣзнями, и тутъ-то я понялъ то, что мнѣ сказалъ однажды каторжникъ:

— Мы больше боимся больницы, чѣмъ болѣзни!

Доктора не отвѣтственны за такое плачевное состоянiе дѣла. На Сахалинѣ теперь уже не видно прежнихъ ужасныхъ служителей медицины, которые бывали свойственниками тюремныхъ надзирателей и которые съ самой преступной безпечностью позволяли бить каторжниковъ. Старые ссыльные разсказываютъ такъ: нынѣ почти во всѣхъ своихъ докторахъ они видятъ гуманность, а это—самая лучшая похвала, какую только можно имъ сдѣлать. Одинъ изъ нихъ даже имѣлъ смѣлость вслухъ осуждать тѣлесныя наказанiя.

— Когда полицiя,—заявилъ онъ,—спроситъ меня, достаточно ли крѣпокъ такой-то арестантъ, чтобы снести наказанiе плетью или розгами, всегда отвѣчу «нѣтъ», потому что это безчеловѣчное наказанiе такъ же унизительно и для того, кто назначаетъ его, какъ и для того, кто его получаетъ!

На самомъ дѣлѣ докторъ Фолькенштейнъ сдѣлалъ на островѣ прекрасное и полезное дѣло, какого ждали отъ него всѣ.

Больныхъ очень много на Сахалинѣ, но эпидеміи рѣдки, и когда они развиваются, то бываютъ занесены суднами. Припадки, порождаемые невоздержанностью, болѣзни кожи, происходящія отъ переполненія и грязи тюремъ, въ особенности многочисленны. Наконецъ, на Сахалинѣ много помѣшанныхъ; лично я думаю, что Россія является страной, гдѣ больше всего бываетъ случаевъ умопомѣшательства; но между каторжниками эта болѣзнь въ особенности распространена.

Въ Александровскѣ есть больница для помѣшанныхъ, которую я осмотрѣлъ особенно тщательно и которая состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, достаточно удаленныхъ другъ отъ друга; большинство содержимыхъ были ссыльные, ставшіе помѣшанными или, вѣрнѣе сказать, идіотами вслѣдствіе продолжительнаго пьянства; другіе были дѣти, родившіеся на островѣ, а родители ихъ были закоренѣлые пьяницы. Алкоголизмъ порождаетъ также и буйныхъ помѣшанныхъ, за которыми постоянно

должна слѣдить стража. Ни одинъ изъ больныхъ, по показаніямъ доктора, смотрѣвшаго за помѣшанными въ 1900 году, не сошелъ съума отъ угрызеній совѣсти; ни одинъ изъ нихъ не видитъ снова совершеннаго имъ преступленія. Докторъ подробно осматривалъ со мной госпитали и показалъ между прочимъ очень любопытныхъ субъектовъ.

Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Зайцевъ, былъ офицеромъ и попалъ въ ссылку

Сумасшедшій офицеръ Зайцевъ (профиль въ зеркало).

за убійство, и его преступленіе было преступленіемъ сумасшедшаго. Придя къ себѣ, онъ захватилъ своего денщика съ дѣвуш-

кой, возлюбленнымъ которой тотчасъ же и сдѣлался; толкаемый ревностью, онъ убилъ своего денщика. Зайцевъ вошелъ, очень любезно протянулъ руку доктору, который объяснилъ ему, зачѣмъ я явился на Сахалинъ.

— Изучить нашъ островъ!—воскликнулъ ех-офицеръ.—Вотъ, сударь, интересная задача. Но какъ вы можете жить въ этой дикой странѣ, посреди наихудшихъ преступниковъ?..

Посѣтивъ госпитали, я разговаривалъ вечеромъ съ Василіемъ и старымъ каторжникомъ, нашимъ сосѣдомъ. Оба они сказали мнѣ, что больница для помѣшанныхъ—благословенное небомъ мѣсто и единственный пріютъ на островѣ, гдѣ хорошо кормятъ, не заставляя работать.

— Я дѣлалъ все возможное, чтобы сойти съ ума,—сказалъ старикъ;—я поддѣлывался подъ идіота, нарочно выказывалъ буйное умопомѣшательство. Ничего мнѣ не удалось, а въ награду меня отодрали розгами послѣ двухъ такихъ попытокъ. Но не изъ-за пищи я хотѣлъ туда!

Потомъ онъ прибавилъ:

— Мой товарищъ былъ счастливѣе.

— Разскажешь мнѣ про него, дядя? — спросилъ я его.

— Онъ часто говорилъ мнѣ при встрѣчѣ: «Смотри, какъ я притворяюсь идіотомъ, а ты въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ болванъ». Его заперли и кормили, а онъ хвалилъ доктора, который, хотя и видѣлъ у него только жаръ, но писалъ на него рапорты!

— А я сегодня не видалъ ли твоего товарища?

Каторжникъ испугался, не сказалъ ли онъ лишняго; поэтому онъ поспѣшилъ хладнокровно объявить:

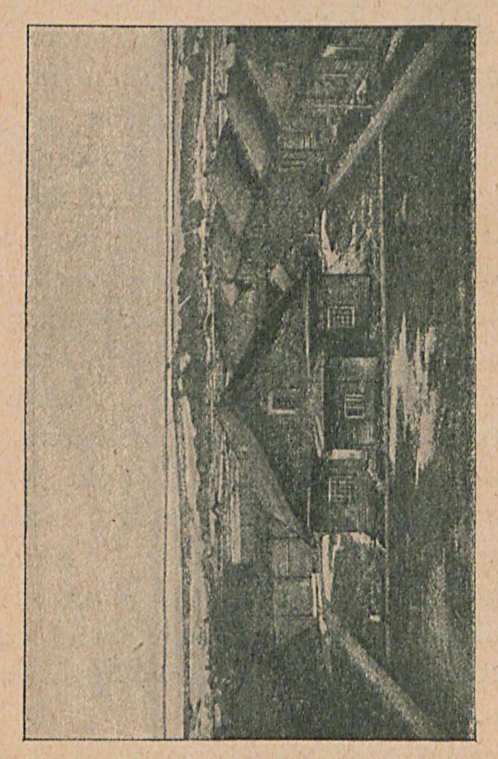
— Онъ умеръ отъ обжорства: въ больницѣ слишкомъ хорошо кормятъ больныхъ! Онъ принялъ самый лучшій конецъ, о какомъ только можетъ мечтать каторжникъ. Мы, ежедневно голодающіе, имѣемъ только одно желаніе: умереть отъ объядѣнія!

Глава III.

Жизнь каторжниковъ въ тюрьмѣ.—Исправительная тюрьма.—Наказанія.—Лихоимство.

Какъ разсказывалъ Василій, каторжники выдерживались въ карантинѣ по своемъ прибытіи на островъ Сахалинъ; администрація, смотря по необходимости, должна разослать ихъ по разнымъ тюрьмамъ. Вообще ссыльные, родившіеся въ Туркестанѣ и на Кавказѣ, непривыкшіе къ суровости русской зимы, назначаются въ Корсаковскъ, главное мѣсто въ южной части острова, гдѣ температура мягче, и они могутъ вынести ее. Докторъ предварительно осматриваетъ новоприбывшихъ и въ случаѣ нужды отсылаетъ больныхъ въ больницу; освидѣтельствовывать женщинъ поручено акушеркѣ.

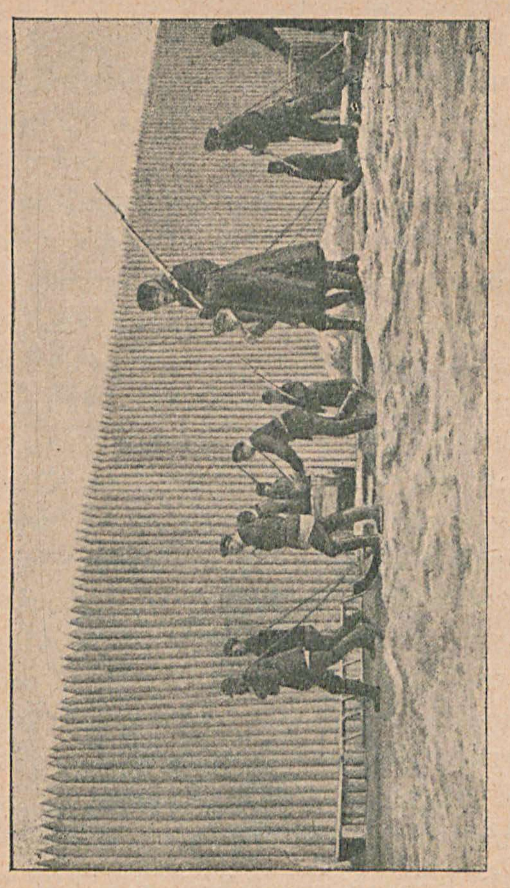
Во время моего путешествія на Сахалинѣ было шесть тюремъ, въ которыхъ жило 8333 осужденныхъ; двѣ изъ нихъ лежали почти рядомъ, это—тюрьмы Александровская и Дуэсская, на берегу Татарскаго пролива; еще три были построены въ самомъ центрѣ острова: въ Рыковскомъ, въ

Внутренній видъ тюрьмы.

Дербинскѣ—въ верхнемъ теченіи Тыми и въ Онорѣ—въ бассейнѣ Пороная; шестая тюрьма находилась въ Корсаковскѣ. Я посѣтилъ всѣ эти тюрьмы и даже жилъ въ одной изъ нихъ. Хотя онѣ и не были построены по одному и тому же образцу, но всѣ носили одинъ и тотъ же характеръ, и у всѣхъ почти былъ одинаковый видъ; это были деревянные бараки, болѣе или менѣе обширные, болѣе или менѣе древніе, болѣе или менѣе грязные; у нихъ былъ обширный внутреннійдворъ, общія залы для заключенныхъ, кухни, бани, мастерскія; комнаты плохо освѣщались, заключали недостаточно воздуха, и часто болѣе пятидесяти каторжниковъ задыхались здѣсь, набившись дружка на дружку. Стѣнами служили палисады, вдоль которыхъ съ цѣпями на ногахъ ходило нѣсколько заключенныхъ подъ наблюденіемъ сторожей и солдатъ.

Каждая тюрьма состоитъ изъ двухъ совершенно различныхъ отдѣленій: тюрьма испытуемыхъ и тюрьма исправляющихся. Ссыльные, осужденные навсегда, остается восемь лѣтъ въ первой и три года во второй; осужденные самое большее на два-

Стѣны тюрьмы.

дцать лѣтъ, проводятъ пять лѣтъ на испытаніи и три года въ исправительной; наказаніе отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ заключаетъ четыре года испытанія и три исправленія; отъ двѣнадцати до пятнадцати,— два и три; отъ восьми до двѣнадцати— полтора и два. Ссыльные, осужденные меньше чѣмъ на восемь лѣтъ, остаются только по одному году въ каждой тюрьмѣ.

Когда кончится положенный указанный сейчасъ срокъ, ссыльные становятся поселенцами; это въ нѣкоторомъ родѣ освобожденные, но они принуждены жить въ извѣстномъ мѣстѣ. На нихъ налагается очень трудная задача заселить островъ; надѣливъ ихъ топорами, пилами, веревками, ихъ посылаютъ на какую-нибудь лѣсную прогалину, гдѣ они должны построить себѣ дома, обработать поля, однимъ словомъ создать деревню. Черезъ два года имъ перестаютъ выдавать нѣкоторые продукты, которые до сихъ поръ мѣшали имъ умереть съ голода: они теперь намного несчастнѣе, чѣмъ были въ періодъ заключенія, и теперь они часто совершаютъ какой-нибудь проступокъ или даже преступленіе съ единственной цѣлью вернуться въ тюрьму. Они

остаются четырнадцать лѣтъ въ своей новой деревнѣ, а потомъ снова дѣлаются крестьянами; тогда они могутъ жить на континентѣ и даже получить, по царскому манифесту, позволеніе возвратиться въ Россію; но въѣздъ въ Москву и С.-Петербургъ имъ навсегда воспрещенъ. Царскій манифестъ можетъ смягчить наказаніе всѣхъ каторжныхъ, но онъ издается только въ случаѣ коронованія или рожденія наслѣдника.

Есть каторжники, которые не проходятъ чрезъ испытательную тюрьму; нѣкоторые же сразу по своемъ прибытіи на островъ становятся поселенцами. Бродяги, захваченные безъ вида и отказывающіеся объявить свое имя, пересылаются на Сахалинъ и получаютъ землю въ одной изъ деревень; иногда это дѣйствительно очень интересные люди, но самыми лучшими между каторжниками являются люди, совершившіе убійство въ состояніи опьянѣнія; для этихъ людей, часто добрыхъ и симпатичныхъ, несмотря на ихъ преступленіе, испытательная тюрьма является гибельнымъ пребываніемъ, гдѣ они теряютъ всѣ свои качества и понемногу захва-

тываются окружающей испорченностью. Если смотрѣть на нихъ, какъ на злостныхъ преступниковъ, то этимъ совершается жестокость и въ тоже время несправедливость.

Если жена волею слѣдуетъ за своимъ мужемъ, то послѣднiй избавляется черезъ самопожертвованiе своей подруги отъ тюрьмы; тогда они оба посылаются, какъ поселенцы, въ одно изъ селъ, гдѣ жизни должны построить домъ на предоставленной въ ихъ распоряженiе землѣ.

Болѣе подробно описываетъ, такъ сказать, формуляръ каторги В. М. Дорошевичъ въ своей книгѣ „Сахалинъ“.

Выражаясь по-сахалински, въ „пятомъ“ (1895) году на Сахалинъ было сослано 2.212 человѣкъ, въ „шестомъ“—2.725.

Замѣчательное дѣло: мы ежегодно приговариваемъ къ каторжнымъ работамъ отъ двухъ до трехъ тысячъ, рѣшительно не зная, что же такое эта самая каторга?

Что значатъ эти приговоры „безъ срока“, на 20, на 15, на 10 лѣтъ, на 4, на 2 года?

А потому, прежде чѣмъ ввести васъ во внутреннiй бытъ каторги, познакомить съ ея оригинальнымъ дѣленiемъ на касты, ея обычаями, нравами, взглядами на религiю, законъ, преступленiе и наказанiе,—я долженъ познакомить васъ съ тѣмъ, что такое

эта самая „каторга“, какому наказанію подвергаются люди, ссылаемые на Сахалинъ.

Всѣ каторжники дѣлятся на два разряда: разрядъ испытуемыхъ и разрядъ исправляющихся.

Въ разрядъ испытуемыхъ попадаютъ люди, приговоренные не меньше, какъ на 15 лѣтъ каторги.

Безсрочные каторжники должны пробыть въ разрядѣ испытуемыхъ 8 лѣтъ, присужденные къ работамъ не свыше 20 лѣтъ—5 лѣтъ и присужденные къ работамъ отъ 15 до 20 лѣтъ—четыре года. Остальные, обыкновенно, сейчасъ же зачисляются въ разрядъ „исправляющихся“.

Только тюрьма для испытуемыхъ и представляетъ собою „тюрьму“ такъ, какъ ее обыкновенно понимаютъ.

„Испытуемая“, или, какъ ее обыкновенно зовутъ въ просторѣчьѣ, „кандальная“ тюрьма построена обыкновенно совершенно отдѣльно, огорожена высокими „палями“,—заборомъ. Вдоль стѣнъ ходятъ часовые, что не мѣшаетъ „испытуемымъ“ бѣгать и изъ этихъ стѣнъ на виду у этихъ часовыхъ. Какой стѣной удержишь, какимъ часовымъ испугаешь человѣка, которому, кромѣ жизни, нечего уже больше терять, и которому смерть кажется „сластью“ въ сравненіи съ этой ужасной жизнью въ „кандальной“?

Доступъ постороннимъ лицамъ въ тюрьму для испытуемыхъ закрытъ. Ихъ держатъ какъ зачумленныхъ совершенно изолированно отъ остальной каторги; даже больницы для „испытуемыхъ"—совершенно отдѣльныя. Но это, конечно, ничуть не мѣшаетъ „исправляющимся" арестантамъ всетаки проникать въ „кандальную", проносить туда водку, играть въ карты. Изобрѣтательности, находчивости каторги нѣтъ предѣловъ. Да къ тому же на Сахалинѣ все покупается, и покупается очень дешево.

Отъ весны до осени,—съ начала и до окончанія „сезона бѣговъ",—испытуемымъ арестантамъ бреютъ половину головы и заковываютъ въ ножные кандалы. И тогда сахалинскій воздухъ, и безъ того проклятый, наполняется еще и лязгомъ кандаловъ. Еще издали, подъѣзжая къ тюрьмѣ, вы слышите, какъ гремитъ цѣпями „кандальная". Отъ весны до осени наполовину бритые арестанты теряютъ человѣческій обликъ и пріобрѣтаютъ „обликъ звѣриный", омерзительный и отвратительный. Что, конечно, глубоко мучитъ тѣхъ испытуемыхъ, которые ни о какихъ „побѣгахъ" не думаютъ и рѣшили было терпѣливо нести свою тяжкую долю. Это заставляетъ ихъ рѣшаться на такіе поступки, которые при другихъ условіяхъ, быть-можетъ, и не пришли бы имъ въ голову.

Время работъ какъ „испытуемыхъ“, такъ и „исправляющихся“ полагается по расписанію, глядя по времени года, отъ 7 до 11 час. въ сутки. Но это расписаніе никогда не соблюдается. Если есть пароходы,— въ особенности Добровольнаго флота, которые терпѣть не могутъ никакихъ задержекъ, — каторжные работаютъ, „сколько влѣзетъ“ и даже сколько не влѣзетъ. Тогда каторжане превращаются совсѣмъ въ крѣпостныхъ гг. капитановъ. И я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ работы, начинавшіяся въ 5 часовъ утра, оканчивались въ 11 часовъ вечера: разгружался пароходъ Добровольнаго флота.

Кромѣ трехъ дней для говѣнья и воскресеній, праздничныхъ дней для „испытуемыхъ“ каторжниковъ полагается въ годъ 14.

Крещеніе, Вознесеніе Господне, Троицынъ и Духовъ дни, Благовѣщеніе,—все это не праздники для испытуемыхъ. Но и это требованіе закона не всегда соблюдается. И изъ этихъ 14 дней отдыха у „испытуемыхъ“ отнимается нѣсколько. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ каторжныхъ гнали разгружать пароходъ Добровольнаго флота въ праздникъ, въ который они по закону освобождены отъ работы. Заставляли ихъ работать тогда, въ такой день, когда даже крѣпостные въ былое время освобождались отъ работъ.

Отсюда возникаютъ тѣ бунты, которые вызываютъ „соотвѣтствующія мѣры“ для усмиренія. Мѣры, при которыхъ часто достается людямъ, ни въ чемъ неповиннымъ, и которыя еще больше озлобляютъ и безъ того достаточно мучащуюся каторгу.

Если вы къ этому прибавите дурную, вовсе не питательную пищу, одежду и обувь, рѣшительно не грѣющія при мало-мальскомъ холодѣ, вы, быть-можетъ, поймете и причины того, что терпѣніе этихъ „испытуемыхъ“ людей подчасъ лопается, и причины ихъ безумныхъ побѣговъ, и причину того озлобленія, которымъ дышитъ каторга.

Я, по возможности, избѣгалъ посѣщать кандальныя тюрьмы вмѣстѣ съ гг. смотрителями. *Мнѣ* хотѣлось провалиться на мѣстѣ отъ тѣхъ вещей, которыя имъ въ лицо говорили каторжане. Говорили съ такой дерзостью, какая никогда не приснится намъ. Съ дерзостью людей, которымъ больше уже нечего бояться. Говорили, рискуя многимъ, чтобы только излить свое озлобленное чувство, говорили потому, что уже, вѣроятно, языкъ не могъ молчать.

Въ „кандальной“ Рыковской тюрьмѣ, когда я пріѣхалъ туда, царило такое озлобленіе, что смотритель не сразу рѣшился меня вести.

— Да это такіе мерзавцы, которыхъ и

смотрѣть не стоитъ!—„разговаривалъ“ онъ меня.

— Да вѣдь я и на Сахалинъ пріѣхалъ смотрѣть не рыцарей чести!

„Кандальное“ отдѣленіе сидѣло уже двѣ недѣли „на парашѣ“. Они отказывались работать, ихъ уже двѣ недѣли держали взаперти, никуда не выпуская изъ „номера“, только утромъ и вечеромъ мѣняя „парашу“, стоявшую въ углу. Въ этомъ зловонномъ воздухѣ люди, сидѣвшіе взаперти, казались дѣйствительно звѣрями. И я не стану скрывать, было довольно жутко проходить между ними. Каждый разъ, когда я касался вопроса: „Почему не идете на работу?“— было видно, что я касаюсь наболѣвшаго мѣста.

— И не пойдемъ!—кричали мнѣ со всѣхъ сторонъ.—Пускай переморятъ всѣхъ, — не пойдемъ!

— Ты за что?—обратился я къ одному, стоявщему „какъ истуканъ“ у стѣнки и смотрѣвшему злобнымъ взглядомъ.

— А тебѣ на что?—отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, что одинъ изъ каторжниковъ тронулъ меня за рукавъ и тихонько сказалъ:

— Баринъ, поотойдите отъ него!

Принимая меня за начальство, они нарочно говорили такимъ тономъ, стараясь вызвать меня на рѣзкость, на дерзость,

думая сорвать на мнѣ накопившееся озлобленіе.

„Испытуемые“ посылаются на работы не иначе, какъ подъ конвоемъ солдатъ. И вы часто увидите такую, напримѣръ, сцену. „Испытуемые“ разогнали пустую вагонетку, на которой они перевозятъ мѣшки съ мукою, и повскакали на нее. Вагонетка летитъ по рельсамъ. А за ней, одной рукой поддерживая шинель, въ которой онъ путается, и съ ружьемъ въ другой, задыхаясь, весь въ поту, бѣжитъ солдатъ. А на вагонетку каторжане его не пускаютъ.

Такова „кандальная“ тюрьма.

По правиламъ, въ ней содержатся только наиболѣе тяжкіе преступники, отъ „пятнадцатилѣтнихъ“ до безсрочныхъ каторжниковъ включительно.

Но, входя въ „кандальную“, не думайте, что васъ окружаютъ исключительно „изверги рода человѣческаго“. Нѣтъ. На ряду съ отцеубійцами вы найдете здѣсь и людей, вся вина которыхъ заключается въ томъ, что онъ загулялъ и не явился на повѣрку. Въ толпѣ людей, одно имя которыхъ способно наводить ужасъ, среди „луганскаго“ Полуляхова, „одесскаго“ Томилова, „московскаго“ Викторова, можно было видѣть въ кандалахъ бывшаго офицера К—ра, посаженнаго въ кандальную на мѣсяцъ за то, что онъ не снялъ шапки при встрѣчѣ

съ г. горнымъ инженеромъ. Я знаю случай, когда жена одного изъ гг. служащихъ просила посадить въ кандальную одного каторжника за то... что онъ ухаживалъ за ея горничной, вызывалъ на свиданія и тѣмъ мѣшалъ правильному отправленію обязанностей. И посадили, временно перевели „исправляющагося“ въ разрядъ „испытуемыхъ“, по дамской просьбѣ.

Какъ видите, здѣсь смѣшано все, какъ бываетъ смѣшано въ выгребной ямѣ.

И человѣкъ, только не снявшій шапки, гніетъ нравственно въ обществѣ убійцъ по профессіи.

Окончивъ „срокъ испытуемости“, долгосрочный каторжанинъ изъ „кандальной“ переходитъ въ „вольную тюрьму“...

Такъ въ простонародьѣ зовется „отдѣленіе для исправляющихся“.

Сюда же попадаютъ прямо, по прибытіи на Сахалинъ, и „краткосрочные“ каторжники, т.-е. приговоренные не болѣе, чѣмъ на 15 лѣтъ каторги.

„Исправляющимся“ дается болѣе льготъ. Десять мѣсяцевъ у нихъ считается за годъ. Праздничныхъ дней полагается въ годъ 22. Имъ не бреютъ головъ, ихъ не заковываютъ. На работу они выходятъ не подъ конвоемъ солдатъ, а подъ присмотромъ надзирателя. Часто даже и вовсе безъ всякаго присмотра. И вотъ тутъ-то происходитъ

чрезвычайно курьезное явленіе. Самыя тяжкія, истинно „каторжныя" работы, напримѣръ вытаска бревенъ изъ тайги, заготовка и таска дровъ, достаются на долю „исправляющихся"—менѣе тяжкихъ преступниковъ, въ то время какъ тягчайшіе преступники изъ отдѣленія испытуемыхъ исполняютъ наиболѣе легкія работы. Человѣкъ, приговоренный на 4, на 5 лѣтъ за какое-нибудь нечаянное убійство во время драки, съ утра до ночи мучится въ непроходимой тайгѣ, въ то время, какъ человѣкъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ перерѣзавшій цѣлую семью, катаетъ себѣ вагонетки по рельсамъ.

— Помилуйте! Развѣ мы можемъ посылать „испытуемыхъ" въ тайгу? Конвоя не хватитъ, солдатъ мало.

Судите сами, можетъ ли такой „порядокъ" внушить каторгѣ какое-нибудь понятіе о „справедливости" наказанія, — единственное сознаніе, которое еще можетъ какъ-нибудь помирить преступника съ тяжестью переносимаго наказанія.

— Какая ужъ тутъ правда! — говорятъ „исправляющіеся".—Что кандальникъ головорѣзъ, такъ онъ поэтому и живи себѣ бариномъ: вагончики по рельцамъ катай. А что я смирный да покорный и меня безъ конвоя послать можно, такъ я и мучься въ

тайгѣ. Нешто мое-то супротивъ его-то—преступленье?

Тюрьма для исправляющихся, это—менѣе всего тюрьма. Прежде всего, это—ночлежный домъ, грязный, отвратительный, ужасный.

Когда я вошелъ въ первый разъ подъ вечеръ въ „номеръ», гдѣ содержатся бревнотаски, дровотаски и, вообще, занимающіеся болѣе тяжкими работами, у меня закружилась голова и начало „мутить“,—такой тамъ „духъ“.

Каждый разъ, когда мнѣ случалось провести нѣсколько часовъ въ тюрьмѣ, мое платье и бѣлье было полно паразитовъ. Чтобы дать вамъ понятіе объ этой ужасающей грязи, я скажу только, что долженъ былъ выбросить все платье, въ которомъ я ходилъ по тюрьмамъ, и остригся подъ гребенку. Другихъ средствъ „борьбы“ не было! И въ такой обстановкѣ живутъ люди, которымъ нужны силы для работы.

Второе назначеніе „вольной тюрьмы“—быть игорнымъ домомъ. Игра идетъ съ утра до ночи и съ ночи до утра. Въ каждую данную минуту заложатъ банкъ въ нѣсколько десятковъ рублей. Игра идетъ на деньги и на вещи, на пайки хлѣба за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, на предстоящую дачку казеннаго платья. Все это сейчасъ же можно реализовать у тюремныхъ ро-

стовщиковъ, вертящихся тутъ же. Играютъ каторжане между собой. Сюда же являются играть и поселенцы. Играютъ старики и... дѣти. При мнѣ въ Дербинской тюремной богадѣльнѣ поселенецъ, явившійся продавать въ казну картофель, проигралъ вырученныя деньги, телѣгу и лошадь. Въ Рыковской тюрьмѣ къ смотрителю при мнѣ явилась съ воемъ баба-поселенка.

— Послала мальченку въ тюрьму хлѣба купить. А они, изверги, заманули его въ номеръ и обыграли.

— Не вѣрьте ей, ваше высокоблагородіе,—оправдывалась каторга,—она сама посылаетъ мальченку играть. Каждый день онъ къ намъ ходитъ. Выиграетъ,—небось, ничего, а проигралъ — „заманули". Заманешь его, какъ же!

На повѣрку, это все оказалось правдой...

„Исправляющіеся" выходятъ изъ тюрьмы въ теченіе дня свободно. Они обязаны только исполнить заданный „урокъ" и явиться вечеромъ къ повѣркѣ. Все остальное время они шатаются, гдѣ имъ угодно. Точно такъ же свободно входятъ и выходятъ изъ тюрьмы посторонніе лица; это облегчаетъ сбытъ краденаго. Около „тюрьмы исправляющихся" всегда толпится нѣсколько десятковъ поселенцевъ, по большей части татаръ. Это—все ростовщики, покупатели краденаго.

Третья роль, которую играетъ „вольная тюрьма“, это — быть притономъ и бездомовныхъ и даже бѣглыхъ. Такъ характеризовалъ сахалинскія вольныя тюрьмы и пріѣзжавшій для ревизіи генералъ Гродековъ.

Тюрьма, надо ей отдать справедливость, съ большой жалостью относится къ участи „поселенцевъ“. Вѣдь „поселенецъ“, это — будущее „каторжника“. Зайдя во время обѣда въ „вольную тюрьму“, вы всегда застанете тамъ кормящихся поселенцевъ. Хлѣба каторжане имъ не даютъ.

— Потому самимъ не хватаетъ.

А похлебки, „баланды“, которую каторга продаетъ по 5 копеекъ ведро на кормъ свиньямъ, отпускаютъ сколько угодно. Такимъ образомъ, въ годы безработицы и голодовки, въ „вольной тюрьмѣ“, говоря посахалински, „кормится въ одну ручку“ подчасъ до 200 поселенцевъ. Въ вольную же тюрьму ходятъ ночевать и бездомовные поселенцы, пришедшіе „съ голоду“ въ постъ изъ дальнѣйшихъ поселеній и неимѣющіе гдѣ преклонить голову.

Они приходятъ передъ вечеромъ, забираются подъ нары и тамъ спятъ до утра.

Право, есть что-то глубоко-трогательное въ этомъ милосердіи, которое оказываютъ нищіе нищимъ. И сколько разъ воспоминаніе объ этомъ поддерживало меня въ тѣ

трудныя минуты, когда мой умъ мутился, и каторга, благодаря творящимся въ ней ужасамъ, казалась мнѣ только „скопищемъ злодѣевъ“. Нѣтъ, даже въ тюрьмѣ, въ этой злой, гнойной ямѣ, живетъ „человѣкъ!“

За хорошее поведеніе арестанта, по истеченіи нѣкотораго времени, могутъ освободить совсѣмъ отъ тюрьмы. Онъ переходитъ тогда въ „вольную каторжную команду“, живетъ не въ тюрьмѣ, а на частной квартирѣ, и исполняетъ только заданный на день „урокъ“.

И если бы вы знали, какъ все, что есть мало-мальски порядочнаго въ тюрьмѣ, стремится къ этому! Какъ они мечтаютъ вырваться изъ этой физической и нравственной грязи тюрьмы и поселиться на вольной, на „своей“ квартиркѣ. Но, къ сожалѣнію, это не всѣмъ удается, не всѣмъ желающимъ дается. Самъ смотритель не можетъ знать каждаго изъ сотенъ своихъ арестантовъ. Аттестація о „хорошемъ поведеніи“ зависитъ отъ надзирателей, часто самихъ бывшихъ каторжниковъ. „Представленіе“ о переводѣ въ вольную команду составляется писарями, назначаемыми исключительно изъ каторжныхъ. Они все держатъ въ своихъ рукахъ. И часто, изъ-за неимѣнія двухъ-трехъ рублей, бѣднягѣ-каторжанину приходится отказаться отъ ме-

чты о „своемъ“ углѣ, отъ всякой надежды на облегченіе участи...

Вырвавшіеся всѣми правдами и неправдами въ „вольную команду“ или снимаютъ гдѣ-нибудь койку за полтинникъ въ мѣсяцъ или живутъ по двое въ хибаркахъ. Въ каждомъ посту есть такая „каторжная слободка“.

Какъ только арестанты вошли въ испытательную тюрьму, всѣмъ каторжникамъ бреется голова, и они постоянно должны имѣть на ногахъ кандалы; теперь уже не накладываютъ, какъ прежде, имъ на лицо трехъ буквъ, которыя во всю жизнь сохраняли безчестное доказательство ихъ осужденія. Лѣтомъ они поднимаются въ четыре часа, а зимой въ пять; они умываются и какъ плохо! Потомъ пьютъ чай. Старшій надзиратель распредѣляетъ потомъ работу и читаетъ выписку того, что надо исполнить въ теченіе дня; онъ указываетъ, кто долженъ работать въ портѣ, кто пойдетъ поправлять обвалившійся мостъ; другіе займутся устройствомъ дороги и т. д.

И. П. Миролюбовъ такъ описываетъ работы каторжанъ въ своей книгѣ „Восемь лѣтъ на Сахалинѣ“.

Начинающаяся колонизація округа вызывала множество построекъ, а потому ка-

ждую зиму первою заботою администраціи была заготовка строительнаго матеріала. Употреблялись только два вида деревьевъ для срубовъ жилыхъ домовъ: тяжелая лиственница—для нижнихъ вѣнцовъ и легкая ель—для верхнихъ. Пихтою пренебрегали, какъ слабымъ лѣсомъ, а сосны и кедра на Сахалинѣ вовсе нѣтъ.

У всего населенія,—и у каторжнаго и у поселенца,—хожденіе въ тайгу за бревнами или за дровами составляетъ содержаніе почти каждаго дня въ продолженіе всей зимы. Мнѣ захотѣлось поближе познакомиться съ этимъ главнымъ зимнимъ промысломъ, и я прослѣдилъ за каторжными до мѣста порубки лѣса.

Еще до разсвѣта, часа въ три-четыре ночи, команда каторжныхъ выстроилась на тюремномъ дворѣ „на раскомандировку". Морозъ въ тридцать градусовъ. Бѣлый паръ, какъ изъ трубы парохода, валитъ изо рта и ноздрей каждаго. Въ короткихъ подпоясанныхъ полушубкахъ озябшіе арестанты переминаются съ ноги на ногу. Немногіе изъ нихъ въ валенкахъ и въ папахахъ, перешитыхъ изъ старыхъ тулуповъ; большинство въ казенныхъ бродняхъ (просторные сапоги изъ желтой кожи), набитыхъ соломою, и въ сѣрыхъ суконныхъ шапкахъ съ наушниками. Въ рукахъ или на плечѣ веревка-лямка для тяги бревна. У нѣкото-

рыхъ за поясомъ топоръ, у другихъ чайникъ или котелокъ.

Старшій надзиратель съ фонаремъ въ рукахъ вмѣстѣ съ тюремнымъ писаремъ быстро разбилъ весь народъ на партіи по три, по четыре, по пяти и больше человѣкъ, смотря по размѣру назначеннаго бревна. Когда только кончилась раскомандировка, всѣ разомъ двинулись на Тымовскую дорогу съ шумомъ, съ криками, чуть не бѣгомъ, назябшись на тюремномъ дворѣ. Миновавъ казенныя зданія и церковь, вся толпа повернула налѣво по Дербинской дорогѣ.

Черезъ часъ вся команда каторжныхъ свернула въ лѣсъ и растянулась длинною лентою по направленію къ горамъ.

Кое-гдѣ уже слышны удары топора. Это работаютъ „рубщики", пришедшіе сюда нѣсколько раньше Около густыхъ елокъ съ ушедшими въ снѣжный коверъ нижними вѣтвями весело затрещали костры. Кругомъ ихъ небольшими группами расположились рабочіе погрѣться и покурить. Иные, набивъ котелокъ снѣгомъ, кипятятъ воду для чая.

Я пошелъ, лучше сказать, полѣзъ къ рубщикамъ. Здѣсь и лѣтомъ надо постоянно перелѣзать черезъ наваленные одинъ на другой стволы, а зимой этотъ трудъ усложняется еще глубокимъ снѣгомъ.

— Берегись!—закричалъ мнѣ одинъ изъ рабочихъ.

Я метнулся въ сторону, сильно разгребая снѣгъ руками и грудью. Въ это время дерево скрипнуло, треснуло въ надрубленномъ мѣстѣ, затрещали и верхнія вѣтви, ломаясь о другія деревья. Трескъ становился сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ гигантская ель сразу хлопнулась на землю, громовымъ грохотомъ раскатываясь по тайгѣ.

Рабочіе вмѣсто аршина стали топорищемъ отмѣривать на стволѣ двѣнадцать аршинъ. Я подошелъ поближе къ дереву. Оно переломилось на три части. Что-то безпомощное и жалкое было въ этомъ разбитомъ гигантѣ. Пока рубили дерево, пока оно падало, занятый собою, я не думалъ о немъ, но теперь этотъ видъ поваленной ели возбуждалъ во мнѣ невыразимую жалость, какъ бы къ живому существу.

Заказано было бревно шести вершковъ въ отрубѣ; но, отмѣривъ двѣнадцать аршинъ, рабочіе нашли, что не хватаетъ полвершка до требуемой толщины.

Поднялась ругань между ними.

— Я вѣдь говорилъ, что тонко!—горячился самый бойкій изъ нихъ, рыжеволосый сухой парень, который, однако, главнымъ образомъ и рѣшилъ рубить дерево.— Подходящее бы было, его не оставили бы здѣсь расти. И вчера мы его обошли. Нѣтъ, надо было говорить косому: сойдетъ, сойдетъ... Вотъ-те и сошло!

— Можетъ, и это сгодится?—робко замѣтилъ здоровый на видъ, но смирный мужикъ въ теплыхъ чуняхъ (суконные сапоги).

— Если тебѣ охота прогуляться въ тайгу второй разъ,—иронически отвѣтилъ первый,—то тащи, пожалуй... Ну, чего смотрите? Замерзнуть хотите? Айда въ лѣсъ!

Наконецъ, мы остановились передъ стройной елью. Сомнѣнія ни у кого не было: она дастъ болѣе шести вершковъ въ отрубѣ. Тихоня-мужикъ въ чуняхъ началъ было рубить ее.

— Бери выше,—кричитъ ему рыжій.— И такъ толста будетъ. Да забирай больше сюда, чтобы легла она между этими пихточками.

Я заранѣе отошелъ за сосѣднее дерево и снова наблюдалъ паденіе гиганта. На этотъ разъ ель упала на небольшую пихту, сломала ее и рухнулась вершиною подъ гору.

Освободивъ отрубленное бревно отъ вѣтвей и коры и сдѣлавъ на концѣ его зарубку для веревки, рабочіе немедля потянули его на дорогу. Я помогалъ имъ по мѣрѣ возможности. Всѣ мы крайне утомились и забыли про жестокій морозъ, протаскивая бревно среди чащи лѣса надъ кучами наваленныхъ стволовъ. Едва самъ выкарабкиваешься въ такомъ снѣгу, а тутъ еще надо тащить за собою неповоротливое тяжелое дерево. Но всему бываетъ конецъ,—вышли

и мы на дорогу и вложили свое чистенькое, бѣленькое бревно въ выбоину отъ раньше протянутыхъ бревенъ.

— Стой, ребята!—скомандовалъ рыжій.— Надо смочить лѣсинку.

Каждый, сколько могъ, поусердствовалъ, и одна сторона бревна обтянулась тонкою корочкою льда. Это дѣлалось для того, чтобы легче скользило дерево по снѣгу. На большой дорогѣ, гдѣ пройдетъ по одному и тому же мѣсту ежедневно до сотни бревенъ, выбивается плотная колея, гладкая, какъ полированный металлъ. Тутъ только поспѣвай итти за бревномъ! Обыкновенно двое тянутъ на веревкахъ за зарубку передняго конца дерева, а другіе двое, зацѣпивъ веревку за всаженный топоръ, подтягиваютъ сзади. Разгоряченные, вспотѣвшіе, они не должны останавливаться для отдыха, иначе на сильномъ морозѣ моментально промерзнутъ ихъ плохія шубенки. Какъ не устанутъ, а ужъ безъ передышки дотянутъ бревно до тюремнаго двора, гдѣ принимаетъ его надзиратель съ аршиномъ въ рукахъ. Если онъ забракуетъ дерево, рабочіе должны снова итти въ тайгу; а не успѣютъ въ тотъ же день,—идутъ въ ближайшее воскресенье.

Наваливъ свое бревно на другія въ штабель, измученные, голодные рабочіе спѣшатъ пообѣдать, сряду и чаю напиться; и если

уже поздно, то скорѣй спать: завтра опять надо подыматься въ три часа ночи!..

Вдали при концѣ дороги копошились арестанты. Надзиратели назначали имъ дневные уроки, каждому отмѣривая колышками длину и ширину канавы. Меня поразили большіе размѣры уроковъ, и я не удержался, чтобы тихонько не передать своего впечатлѣнія старшему надзирателю.

— Приказано такъ! — уклончиво отвѣтилъ онъ, пожимая плечами.

Безъ звука возраженій арестанты становились голыми ногами въ воду и тотчасъ же покорно принимались за работу. Лопата за лопатой тяжелая глина выбрасывалась на полотно дороги. Вода размывала ее и мутными потоками снова стекала въ канавы. Я попробовалъ рукою воду: она была холодна, какъ ледъ. Тучи комаровъ и черной мошки, мелкой, какъ песокъ, немилосердно жалили и лицо, и руки, и ноги этихъ подневольныхъ работниковъ. Съ каждымъ взмахомъ лопаты они бѣшено отмахивались отъ нихъ локтями и снова наклонялись къ водѣ за глиной.

Одновременно подвозилась на дорогу земля изъ сосѣднихъ сухихъ луговъ въ тяжелыхъ деревянныхъ тачкахъ. Непріятный скрипъ ихъ былъ вполнѣ соотвѣтствующею музыкою этимъ труднымъ работамъ.

Въ защиту отъ насѣкомыхъ обвязавъ

себѣ голову и шею платками, мы съ надзирателемъ обошли вязкое болото и выбрались на просѣку, заросшую высокою травою. По ней коса еще ни разу не ходила. Здѣсь мы провѣшали линію дальнѣйшей дороги и разбили кольями направленіе новыхъ канавъ. Наша работа затянулась на нѣсколько часовъ. Когда мы возвращались въ лагерь, солнце стояло уже высоко и сильно жарило рабочихъ. Они испытывали странное сочетаніе жары и холода. Ноги въ холодной водѣ (глубоко промерзшая зимою почва только что оттаяла), а наклоненная голова, тяжелая, какъ налитая свинцомъ, пеклась на солнцѣ. Каторжные дѣлали отчаянныя усилія. У всѣхъ лица страшно напряжены, руки нѣмѣли отъ непрестанныхъ взмаховъ, а у многихъ сдѣлана еще только половина заданнаго урока.

Старшій объявилъ командѣ итти обѣдать. Тачки сразу остановились. Изъ канавъ повылѣзли грязные и мокрые рабочіе. Мы пошли за ними въ лагерь тоже обѣдать.

По дорогѣ я сталъ говорить, какъ тяжелы дорожныя работы для сахалинскихъ ссыльныхъ.

— Что говорить, — замѣтилъ бывалый надзиратель, хорошо знакомый и съ рудниками,—самая тяжелая работа! Ужъ какъ скверно въ угольныхъ копяхъ, все-таки рабочему человѣку тамъ легче, чѣмъ здѣсь.

Тамъ и сыро, и темно, и душно въ спертомъ воздухѣ, и ползти-то надо съ тачкой по тѣсному низкому ходу, иной разъ въ аршинъ вышиною, зато онъ успѣетъ кончить свой урокъ къ обѣду, а остальное время: хочешь—отдыхай, хочешь—работай за отдѣльную плату. А здѣсь вотъ и свѣтло, и воздухъ чистый, и пташки поютъ, и работа среди кустовъ и цвѣтовъ, но не веселитъ все это, когда тебя поджариваютъ и комары, и мошка, и солнце, да и нашъ братъ, надзиратель, нѣтъ-нѣтъ да и ругнетъ или ожжетъ кулакомъ иного отдыхающаго рабочаго. А съ другого что возьмешь!? Тщедушный, болѣзненный... Въ чемъ только душа держится!..

— Да вѣдь теперь,—замѣчаю я,—всѣхъ рабочихъ распредѣляютъ по разрядамъ соотвѣтственно силѣ и здоровью. Развѣ у васъ это не принимается во вниманіе?

— Они раздѣлены только на бумагѣ въ канцеляріяхъ. Работы пропасть, а народу въ тюрьмѣ мало, — намъ и приказываютъ назначать всѣмъ одинъ урокъ. Ужъ это самъ отъ себя поставишь слабосильнаго на легкій грунтъ и на болѣе узкую канаву, да и то онъ едва справляется съ ней. Самая каторжная работа! Это похуже и таcканія бревенъ зимою. Не даромъ народъ и бѣжитъ съ дороги. Сколько теперь у насъ считается въ бѣгахъ!

Въ одиннадцать часовъ полагается обѣдъ, и тогда заключенные могутъ немного отдохнуть. Работа снова начинается въ часъ и продолжается до шести, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, потому что зимою на Сахалинѣ ночь наступаетъ рано. Въ шесть часовъ— ужинъ, а потомъ перекличка; молитва поется хоромъ. Табакъ допускается въ тюрьмѣ, но водка и карты воспрещены; однако тамъ иногда выпиваютъ, а въ карты играютъ часто. Каждый день можно отбирать карты: острожники очень искусны и дѣлаютъ себѣ новыя изъ картона, бумаги, даже полотна; я привезъ оттуда двое картъ, однѣ были сдѣланы изъ подошвы, а другія изъ древесныхъ листьевъ. Во время игры они ставятъ все, что есть у нихъ, даже одежду и пищу. Я удивился, когда увидѣлъ, что они играютъ ночью подъ благосклоннымъ окомъ часового, который за свое потворство, вѣроятно, получаетъ плату.

А. П. Чеховъ въ своей книгѣ „Островъ Сахалинъ“ такъ описываетъ продовольствіе каторжанъ.

Одежды и обуви арестанты, повидимому, получаютъ достаточно. Каторжнымъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, выдается

по армяку и полушубку ежегодно, между тѣмъ, солдатъ, который работаетъ на Сахалинѣ не меньше каторжнаго, получаетъ мундиръ на три, а шинель на два года; изъ обуви арестантъ изнашиваетъ въ годъ четыре пары чирковъ и двѣ пары бродней, солдатъ же—одну пару голеницъ и $2^1/_2$ подошвъ. Но солдатъ поставленъ въ лучшія санитарныя условія: у него есть постель и мѣсто, гдѣ можно въ дурную погоду обсушиться, каторжный же поневолѣ долженъ гноить свое платье и обувь, такъ какъ, за неимѣніемъ постели, спитъ на армякѣ и на всякихъ обноскахъ, гніющихъ и своими испареніями портящихъ воздухъ, а обсушиться ему негдѣ; зачастую онъ и спитъ въ мокрой одеждѣ, такъ что, пока каторжнаго не поставятъ въ болѣе человѣческія условія, вопросъ, насколько одежда и обувь удовлетворяютъ въ количественномъ отношеніи, будетъ открытымъ. Что касается качества, то тутъ повторяется та же исторія, что съ хлѣбомъ: кто живетъ передъ глазами у начальства, тотъ получаетъ лучшее платье, кто же въ командировкѣ, тотъ—худшее.

Пища въ тюрьмѣ только достаточна; въ Онорѣ она однако хороша, по отзывамъ самихъ заключенныхъ. Они часто мнѣ говорили, что для нихъ всегда бываетъ праздникъ,

когда имъ объявятъ, что тюрьму посѣтитъ какой-нибудь путешественникъ или какое-нибудь знатное лицо: въ этотъ день супъ бываетъ питательнѣе, потому что всякій разъ посѣтитель приглашается отпробовать дневное блюдо. Два раза въ недѣлю должны давать рыбу, а въ остальные дни — солонину; однако рыбы не появляется на столѣ нѣкоторыхъ тюремъ, и это на островѣ, гдѣ рыбные промыслы очень значительны. Солонины каждый человѣкъ на свою долю получаетъ кусокъ, вѣсящій 30 золотниковъ; въ воскресенье пища состоитъ изъ каши и свѣжей говядины. Хлѣбъ, приготовляемый арестантами, хорошъ, и сами чиновники покупаютъ его для собственнаго стола. Супъ обыкновенно приготовляется изъ муки, риса, картофеля и капусты; что же касается до воскреснаго свѣжаго мяса, то оно часто замѣняется солониной, потому что смотритель тюрьмы находитъ въ этомъ для себя выгоду. Наконецъ арестантъ каждый мѣсяцъ получаетъ кирпичнаго чаю, вѣсомъ въ одинъ ливръ. Кирпичный чай хорошо извѣстенъ и очень распространенъ въ Сибири: туземцы, крестьяне и даже мелкіе чиновники покупаютъ и употребля-

ютъ его. Это—кирпичикъ черноватаго цвѣта, похожій на кусокъ дерева; онъ получается отъ обработки сильнымъ сжатіемъ чайныхъ листьевъ, подвергшихся спеціальной обработкѣ; кирпичикъ разламывается на мелкіе кусочки, и каждый изъ нихъ заваривается, какъ обыкновенные чайные листья.

Описывая пищу ссыльныхъ, А. П. Чеховъ тоже указываетъ на лихоимство смотрителей.

Сахалинскій ссыльный, пока состоитъ на казенномъ довольствіи, получаетъ ежедневно: 3 ф. печенаго хлѣба, 40 зол. мяса, около 15 зол. крупы и разныхъ приварочныхъ продуктовъ на 1 копейку; въ постный же день мясо замѣняется 1 фунтомъ рыбы.

Однажды я и инспекторъ сельскаго хозяйства г. фонъ-Фрикенъ возвращались изъ Краснаго Яра въ Александровскъ: я въ тарантасѣ, онъ верхомъ. Было жарко, а въ тайгѣ душно. Арестанты, работавшіе на дорогѣ между постомъ и Краснымъ Яромъ безъ шапокъ и въ мокрыхъ отъ поту рубахахъ, когда я поравнялся съ ними, неожиданно, принявъ меня, вѣроятно, за чиновника, остановили моихъ лошадей и обратились ко мнѣ съ жалобой на то, что имъ выдаіотъ хлѣбъ, котораго нѣтъ возможности ѣсть. Когда я сказалъ, что лучше бы

имъ обратиться къ начальству, то мнѣ отвѣтили:

— Мы говорили старшему надзирателю Давыдову, а онъ намъ: вы—бунтовщики.

Хлѣбъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасный. При взломѣ онъ отсвѣчивалъ на солнцѣ мельчайшими капельками воды, прилипалъ къ пальцамъ и имѣлъ видъ грязной, осклизлой массы, которую непріятно было держать въ рукахъ. Мнѣ было поднесено нѣсколько порцій, и весь хлѣбъ былъ одинаково недопеченъ, изъ дурно смолотой муки и, очевидно, съ невѣроятнымъ припекомъ. Пекли его въ Ново-Михайловкѣ подъ наблюденіемъ старшаго надзирателя Давыдова.

3 фунта хлѣба, входящіе въ пищевой пай, очень часто, вслѣдствіе злоупотребленій припекомъ, содержатъ муки гораздо меньше, чѣмъ слѣдуетъ по табели. Хлѣбопеки-каторжные въ только-что упомянутой Ново-Михайловкѣ свою порцію хлѣба продавали, а сами питались избыткомъ, который получался отъ припека. Въ Александровской тюрьмѣ тѣ, которые довольствуются изъ котла, получаютъ порядочный хлѣбъ, живущимъ же по квартирамъ выдается хлѣбъ похуже, а работающимъ внѣ поста—еще хуже; другими словами, хорошъ только тотъ хлѣбъ, который можетъ попасться на глаза начальнику округа или смотрителю. Чтобы увеличить припекъ,

хлѣбопеки и надзиратели, прикосновенные къ пищевому довольствію, пускаются на разныя ухищренія, выработанныя еще сибирскою практикой, изъ которыхъ, напримѣръ, обвариваніе муки кипяткомъ — одно изъ самыхъ невинныхъ; чтобъ увеличить вѣсъ хлѣба, когда-то въ Тымовскомъ округѣ муку мѣшали съ просѣянной глиной. Злоупотребленія подобнаго рода совершаются тѣмъ легче, что чиновники не могутъ цѣлый день сидѣть въ пекарнѣ и сторожить или осматривать каждую порцію, а жалобъ со стороны арестантовъ почти никогда не бываетъ.

Независимо отъ того, хорошъ хлѣбъ или плохъ, съѣдается обыкновенно не весь паекъ. Арестантъ ѣстъ его съ расчетомъ, такъ какъ, по обычаю, давно уже установившемуся въ нашихъ тюрьмахъ и въ ссылкѣ, казенный хлѣбъ служитъ чѣмъ-то въ родѣ ходячей размѣнной монеты. Хлѣбомъ арестантъ платитъ тому, кто убираетъ камеру, кто работаетъ вмѣсто него, кто мирволитъ его слабостямъ; хлѣбомъ онъ платитъ за иголки, нитки и мыло; чтобы разнообразить свою скудную, крайне однообразную, всегда соленую пищу, онъ копитъ хлѣбъ и потомъ мѣняетъ въ майданѣ на молоко, бѣлую булку, сахаръ, водку... И, такимъ образомъ, если слѣдуемые по табели три фунта кажутся вполнѣ достаточ-

ными въ количественномъ отношеніи, то, при знакомствѣ съ качествомъ хлѣба и съ бытовыми условіями тюрьмы, это достоинство пайка становится призрачнымъ и цифры уже теряютъ свою силу. Мясо употребляется въ пищу только соленое, рыба также; даютъ ихъ въ вареномъ видѣ, въ супѣ. Тюремный супъ или похлебка представляетъ полужидкую кашицу отъ разварившейся крупы и картофеля, въ которой плаваютъ красные кусочки мяса или рыбы и которую хвалятъ нѣкоторые чиновники, но сами не рѣшаются ѣсть. Супъ, даже тотъ, который варятъ для больныхъ, имѣетъ очень соленый вкусъ. Ожидаютъ ли въ тюрьмѣ посѣтителей, виденъ ли на горизонтѣ пароходный дымокъ, поругались ли въ кухнѣ надзиратели или кашевары,—все это обстоятельства, которыя имѣютъ вліяніе на вкусъ супа, его цвѣтъ и запахъ; послѣдній часто бываетъ противенъ, и даже перецъ и лавровый листъ не помогаютъ. Особенно дурною славой въ этомъ отношеніи пользуется супъ изъ соленой рыбы— и понятно почему; во-первыхъ, этотъ продуктъ легко портится, и потому обыкновенно спѣшатъ пускать въ дѣло ту рыбу, которая уже начала портиться; во-вторыхъ, въ котелъ поступаетъ и та больная рыба, которую въ верховьяхъ ловятъ каторжные поселенцы. Въ Корсаковской тюрьмѣ одно

время кормили арестантовъ супомъ изъ соленой селедки; по словамъ завѣдующаго медицинскою частью, супъ этотъ отличался безвкусіемъ, селедка очень скоро разваривалась на мелкіе кусочки, присутствіе мелкихъ костей затрудняло проглатываніе и производило катары желудочно-кишечнаго канала. Какъ часто арестанты выплескиваютъ изъ мисокъ супъ, за невозможностью ѣсть его, неизвѣстно, но это бываетъ.

Какъ ѣдятъ арестанты? Столовыхъ нѣтъ. Въ полдень къ бараку или пристройкѣ, въ которой помѣщается кухня, тянутся арестанты гусемъ, какъ къ желѣзно-дорожной кассѣ. У каждаго въ рукахъ какая-нибудь посуда. Къ этому времени супъ обыкновенно бываетъ уже готовъ и, разваренный, „прѣетъ“ въ закрытыхъ котлахъ. У кашевара къ длинной палкѣ придѣланъ „бочокъ“, которымъ онъ черпаетъ изъ котла и каждому подходящему наливаетъ порцію, при чемъ онъ можетъ зачерпнуть бочкомъ сразу двѣ порціи мяса или ни одного кусочка, смотря по желанію. Когда, наконецъ, подходятъ самые задніе, то супъ уже не супъ, а густая, тепловатая масса на днѣ котла, которую приходится разбавлять водой. Получивъ свои порціи, арестанты идутъ прочь; одни ѣдятъ на ходу, другіе сидя на землѣ, третьи у себя на нарахъ. Надзора за тѣмъ, чтобы всѣ непремѣнно ѣли, не продавали и

не мѣняли своихъ порцій, нѣтъ. Никто не спрашиваетъ о томъ, всѣ ли обѣдали, не заснулъ ли кто; и если тѣмъ, которые распоряжаются въ кухнѣ, сказать, что на каторгѣ, въ средѣ угнетенныхъ и нравственно исковерканныхъ людей, не мало такихъ, за которыми надо слѣдить, чтобы они ѣли, и даже кормить ихъ насильно, то это замѣчаніе вызоветъ только недоумѣлое выраженіе на лицахъ и отвѣтъ: „Не могу знать, ваше высокоблагородіе!“

Будучи почти постоянно закованными, несчастные арестанты становятся злыми; докторъ въ видахъ здоровья, а смотритель тюрьмы въ видѣ награды могутъ освобождать ихъ отъ кандаловъ. Понятно, это должно быть ихъ постоянной темой для разговоровъ; они подготовляютъ злые удары ко дню, когда покинутъ испытательную тюрьму; испорченные минусы принимаютъ понемногу пороки другихъ, а никто и не попытается ихъ просвѣтить. Стража и начальники тюремъ подаютъ еще болѣе плохіе примѣры и то выказываютъ по отношенію къ заключеннымъ суровую злобу, то непростительную снисходительность.

Арестанты не испытываютъ никакого влеченія къ работѣ.

— Къ чему насъ мучить,—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ;—у насъ всегда есть готовый хлѣбъ; русскіе крестьяне, платящіе подати, кормятъ насъ и работаютъ за насъ!

Правда, къ чему работать безъ пользы? Они работаютъ какъ разъ столько, чтобы не быть наказанными или побитыми. Однако, когда какое-нибудь судно броситъ якорь передъ Александровскомъ или Корсаковскомъ и привезетъ съ собою товаръ или уголь, они имѣютъ право надѣяться на справедливое вознагражденіе. На самомъ дѣлѣ капитанъ обязанъ платить за каждаго человѣка, отпущеннаго администраціей острова въ его распоряженіе, а казначейство, получающее эти суммы, отпускаетъ имъ десять процентовъ изъ полученныхъ денегъ. Это вознагражденіе кладется въ казначейство вмѣстѣ съ деньгами, принесенными изъ Россіи ссыльными, которые по закону должны отказаться отъ нихъ по прибытіи на Сахалинъ. Если кто-нибудь хочетъ получить часть своихъ де-

негъ, то подаетъ объ этомъ просьбу смотрителю тюрьмы, который отсылаетъ ее начальнику округа; если просьба бываетъ уважена, арестантъ можетъ получить деньги, которыя онъ употребляетъ на покупку того, въ чемъ нуждается, но онъ не можетъ доставать себѣ водки, постояннаго предмета тайныхъ желаній.

Начальники тюремъ получаютъ и вскрываютъ денежныя письма, идущія изъ Россіи по адресу арестантовъ; они должны читать всѣ письма, адресованныя арестантамъ ихъ друзьями или семействомъ, а также и тѣ, которыя пишутся въ отвѣтъ. Впрочемъ, немногіе ссыльные умѣютъ читать и писать, нѣкоторые же умѣютъ только читать.

Сколько непріятныхъ столкновеній,—*пишетъ И. П. Миролюбовъ*,—разыгралось изъ шапочнаго вопроса. Интеллигентному ссыльному тяжело выполнять всѣ требованія, предъявляемыя сахалинскими чиновниками каторжнымъ, относительно внѣшняго почтенія. Обыкновенно при встрѣчѣ съ чиновникомъ, ссыльно-каторжный сходилъ съ тротуара и не за двѣнадцать шаговъ, какъ солдаты, а за двадцать и болѣе, снималъ

шапку и съ обнаженной головой проходилъ мимо начальства со страхомъ и трепетомъ. Не всякій, однако, рисковалъ пройти такимъ образомъ на улицѣ мимо смотрителя Л-а. Многіе предпочитали уклоняться въ сторону и итти въ обходъ дальними проулками. Дошло до того, что стали проходить съ обнаженной головой не только мимо чиновниковъ, но даже и мимо домовъ ихъ.

— Неравно кто-нибудь смотритъ въ окно. Нѣтъ, ужъ лучше снять шапку: цѣлѣе будешь!—замѣчали каторжные. На этомъ основаніи они снимали шапку передъ каждымъ незнакомымъ лицомъ, одѣтымъ въ приличный европейскій костюмъ, будь это купецъ, любопытствующій пассажиръ, или иностранецъ-морякъ съ парохода.

Пробовали иногда ссыльные изъ привилегированнаго сословія раскланиваться при встрѣчѣ съ чиновниками. Нѣкоторые снисходительно терпѣли такіе привѣтствія, но другіе возмущались.

— Ровня что ли мнѣ, чтобы раскланиваться со мною, какъ со знакомымъ на Невскомъ проспектѣ?!—кричали такіе господа.

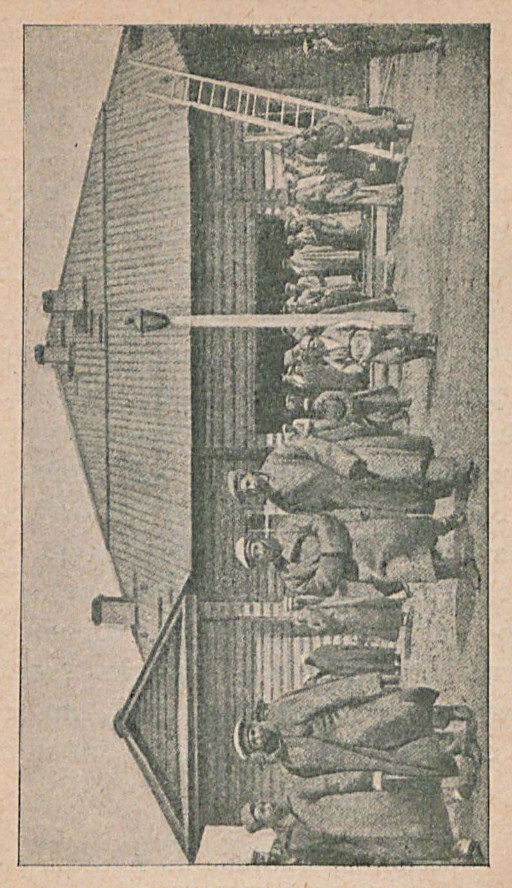
Еще тяжелѣе было для интеллигентныхъ каторжныхъ стоять на улицѣ безъ шапки, когда приходилось разговаривать съ начальствомъ. А какъ просто создаются цѣлыя исторіи изъ пустяковъ! Напримѣръ, стоитъ

толпа рабочихъ (ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ обыкновенно зовутъ рабочими) у склада съ провизіей въ ожиданіи пайка. У всѣхъ руки заняты или мѣшками, или полученной провизіей (кто не пользуется готовой пищей въ тюрьмѣ, ежемѣсячно получаетъ на руки слишкомъ полтора пуда муки, нѣсколько рыбъ, иногда солонину и немного крупы для приварка). Завѣдующій складомъ чиновникъ дѣлаетъ карандашомъ отмѣтки въ книгѣ. По временамъ онъ обращается къ какому-нибудь рабочему съ замѣчаніемъ или вопросомъ, при этомъ, конечно, не стѣсняется подборомъ словъ. И тутъ-то, среди этой сутолоки, вдругъ чиновникъ озлится на близъ стоящаго ссыльно-каторжнаго, занятаго процедурою пріема муки, и крикнетъ:

— Шапку долой, такой-сякой.

И бѣда, если обиженный рабочій отвѣтитъ что-нибудь: ему тогда не миновать розогъ.

Тюрьма исправительная менѣе сурова, чѣмъ испытательная; живущій въ ней арестантъ не носитъ бритой головы, а кромѣ того избавленъ отъ кандаловъ; на работу онъ идетъ безъ конвоя солдатъ, хотя по правиламъ при немъ долженъ находиться сторожъ. Однако иногда на первое время его сопровождаетъ солдатъ, чтобы

Тюрьма испытуемыхъ.

отдать управленію отчетъ о томъ, что сдѣлалъ арестантъ или что онъ можетъ сдѣлать. Если онъ ведетъ себя хорошо, то получаетъ разрѣшеніе поселиться въ деревнѣ, окружающей тюрьму, гдѣ онъ легко найдетъ себѣ квартиру за умѣренную плату, за рубль или за полтора. Здѣсь есть жители, которые сдаютъ комнаты; они должны сообщать имена своихъ квартирантовъ смотрителю тюрьмы, который постоянно можетъ внезапно придти посмотрѣть, какъ живетъ ссыльный. Послѣдній каждое утро долженъ явиться на перекличку, чтобы знать, на какую онъ назначенъ работу, или отправиться въ предназначенную ему мастерскую. Впрочемъ смотрителю много выгоднѣе, чтобы его арестанты жили въ деревнѣ, потому что онъ хотя и выдаетъ еще имъ мясо, муку и кирпичный чай, но сохраняетъ супъ, а это для него новая прибыль.

Арестанты, живущіе въ Александровской тюрьмѣ, *пишетъ А. П. Чеховъ*, пользуются относительною свободой; они не носятъ кандаловъ, могутъ выходить изъ тюрьмы, въ продолженіе дня, куда угодно, не соблю-

даютъ однобразія въ одеждѣ, а носятъ что придется, судя по погодѣ и работѣ. Подслѣдственные, недавно возвращенные съ бѣговъ и временно арестованные по какому-либо случаю сидятъ подъ замкомъ въ особомъ корпусѣ, который называется „кандальной". Самая употребительная угроза на Сахалинѣ такая: „Я посажу тебя въ кандальную". Входъ въ это страшное мѣсто стерегутъ надзиратели, и одинъ изъ нихъ рапортуетъ намъ, что въ кандальной все обстоитъ благополучно.

Гремитъ висячій замокъ, громадный, неуклюжій, точно купленный у антикварія, и мы входимъ въ небольшую камеру, гдѣ на этотъ разъ помѣщается человѣкъ 20, недавно возвращенныхъ съ бѣговъ. Оборванные, немытые, въ кандалахъ, въ безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками; одна половина головы разлохмачена, другая, бритая, уже начинаетъ зарастать. Всѣ они отощали и словно облѣзли, но глядятъ бодро. Постелей нѣтъ, спятъ на голыхъ нарахъ. Въ углу стоитъ „парашка"; каждый можетъ совершать свои естественныя надобности не иначе, какъ въ присутствіи 20 свидѣтелей. Одинъ проситъ, чтобы его отпустили, и клянется, что ужъ больше не будетъ бѣгать; другой проситъ, чтобы сняли съ него кандалы; третій жалуется, что ему даютъ мало хлѣба.

Одни только арестанты исправительной тюрьмы могутъ работать въ мастерскихъ, гдѣ они остаются иногда, зарабатывая средства и для своихъ нуждъ, когда уже становятся поселенцами. У каждаго прибывшаго мужчины въ его бумагахъ есть указаніе, какому или какимъ ремесламъ онъ обученъ; нѣкоторые даже просятъ научить ихъ такому-то ремеслу, которое нравится имъ, и имъ выдается на это согласіе, если это допускаютъ ихъ физическія силы; но чаще всего они предпочитаютъ такъ называемую черную работу въ портѣ или на дорогахъ правильнымъ занятіямъ въ мастерскихъ; однако черная работа въ началѣ кажется самой тяжелой. На самомъ дѣлѣ въ мастерскихъ, сапожной, столярной, кузницѣ, слесарной, каретной, ссыльный принуждается работать, и ему трудно лодорничать; дѣйствительно каждый человѣкъ получаетъ работу, которую онъ долженъ исполнить въ положенный срокъ; повсюду ходятъ надзиратели; подмастерья, которые держатся своихъ мѣстъ, бываютъ взыскательны, а начальникъ округа не щадитъ и ихъ; въ мастерской лѣность становится невозможной. Напротивъ, на тя-

желыхъ работахъ, производимыхъ на дорогахъ, на свалкѣ или переноскѣ лѣса, на разгрузкѣ угля, на починкѣ мостовъ, арестанты далеко отъ деревни, и тутъ они могутъ спать, играть и ничего не дѣлать; наконецъ, здѣсь есть соблазнительная и относительно легкая вещь—попытка убѣжать. Впрочемъ, это предпріятіе очень опасно, потому что солдаты постоянно носятъ на плечѣ заряженное ружье; они имѣютъ право стрѣлять по бѣглецамъ и получаютъ награду по три рубля съ каждаго бѣглеца, котораго они приведутъ снова въ тюрьму.

А. П. Чеховъ такъ описываетъ побѣги:

Какъ на одно изъ главныхъ и особенно важныхъ преимуществъ Сахалина извѣстный комитетъ 1868 г. указывалъ на его островное положеніе. На островѣ, отдѣляемомъ отъ материка бурнымъ моремъ, казалось, не трудно было создать большую морскую тюрьму по плану: „кругомъ вода, а въ середкѣ бѣда", и осуществить римскую ссылку на островъ, гдѣ о побѣгѣ можно было бы только мечтать. На дѣлѣ же, съ самаго начала сахалинской практики, островъ оказался какъ бы островомъ, quasi insula. Проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка, въ зимніе мѣсяцы замерзаетъ совер-

шенно, и та вода, которая лѣтомъ играетъ роль тюремной стѣны, зимою бываетъ ровна и гладка, какъ поле, и всякій желающій можетъ пройти его пѣшкомъ или переѣхать на собакахъ. Да и лѣтомъ проливъ не надеженъ: въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между мысами Погоби и Лазарева, онъ не шире шести-семи верстъ, а въ тихую, ясную погоду нетрудно переплыть на плохой гиляцкой лодкѣ и сто верстъ. Даже тамъ, гдѣ проливъ широкъ, сахалинцы видятъ материковый берегъ довольно ясно; туманная полоса земли съ красивыми горными пиками изо дня въ день манитъ къ себѣ и искушаетъ ссыльнаго, обѣщая ему свободу и родину. Комитетъ, кромѣ этихъ физическихъ условій, не предвидѣлъ еще, или упустилъ изъ виду, побѣги не на материкъ, а внутрь острова, причиняющіе хлопотъ не меньше, чѣмъ побѣги на материкъ, и, такимъ образомъ, островное положеніе Сахалина далеко не оправдало надеждъ комитета.

Но оно все-таки остается преимуществомъ. Изъ Сахалина бѣжать нелегко. Бродяги, на которыхъ въ этомъ отношеніи можно положиться, какъ на спеціалистовъ, заявляютъ откровенно, что бѣжать изъ Сахалина гораздо труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, изъ Карійской или Нерчинской каторги. При совершенной распущенности и всякихъ послабленіяхъ, какія имѣли мѣсто при старой адми-

нистраціи, сахалинскія тюрьмы, все-таки, оставались полными, и арестанты бѣгали не такъ часто, какъ, быть-можетъ, хотѣли того смотрители тюремъ, для которыхъ побѣги составляли одну изъ самыхъ доходныхъ статей. Нынѣшніе чиновники сознаются, что если бы не страхъ передъ физическими препятствіями, то, при разбросанности каторжныхъ работъ и слабости надзора, на островѣ оставались бы только тѣ, кому нравится здѣсь жить, то-есть никто.

Но среди препятствій, удерживающихъ людей отъ побѣговъ, страшно главнымъ образомъ не море. Непроходимая сахалинская тайга, горы, постоянная сырость, туманы, безлюдье, медвѣди, голодъ, мошка, а зимою страшные морозы и метели—вотъ истинные друзья надзора. Въ сахалинской тайгѣ, гдѣ на каждомъ шагу приходится преодолѣвать горы валежнаго лѣса, жесткій, путающійся въ ногахъ богульникъ или бамбукъ, тонуть по поясъ въ болотахъ и ручьяхъ, отмахиваться отъ ужасной мошки,— даже вольные сытые ходоки дѣлаютъ не больше 8 верстъ въ сутки; человѣкъ же, истощенный тюрьмой, питающійся въ тайгѣ гнилушками съ солью и не знающій, гдѣ сѣверъ, а гдѣ югъ, не дѣлаетъ въ общемъ и 3—5 верстъ. Къ тому же, онъ вынужденъ итти не прямою дорогой, а далеко въ обходъ, чтобы не попасть на кордонъ. Про-

ходитъ въ бѣгахъ недѣля-другая, рѣдко мѣсяцъ, и онъ, изнуренный голодомъ, поносами и лихорадкой, искусанный мошкой, съ избитыми, опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибаетъ гдѣ-нибудь въ тайгѣ, или же черезъ силу плетется назадъ и проситъ у Бога, какъ величайшаго счастья, встрѣчи съ солдатомъ или гилякомъ, который доставилъ бы его въ тюрьму.

Многимъ арестантамъ удается убѣжать; въ 1899 году одинъ начальникъ округа говорилъ мнѣ, что въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ одномъ его округѣ было отмѣчено болѣе пятидесяти бѣгствъ. Лѣтомъ арестанты скрываются въ судовомъ трюмѣ или переплываютъ на лодкѣ проливъ, а зимой его они пересѣкаютъ на саняхъ, запряженныхъ собаками. Иногда изъ Сибири приводятъ бродягъ, которыхъ администрація какъ будто узнаетъ, но они придумываютъ себѣ ложныя имена, а всѣ ихъ старые товарищи дѣлаютъ видъ, что только въ первый разъ видятъ ихъ.

Какъ это видно было, Василій могъ пробраться по Сибири и по Европейской Россіи, и не онъ одинъ смогъ совершить такое трудное путешествіе. Въ одномъ баракѣ переселенцевъ въ Забайкальѣ я на-

шелъ одну женщину, которая узнала меня: она видѣла меня на Сахалинѣ, откуда, какъ сама созналась, она убѣжала. Она сдѣлала пѣшкомъ около 3000 верстъ, съ тремя дѣтьми, которыя шли голыми ноженками и изъ которыхъ старшему не было еще и десяти лѣтъ.

Прежде, какъ только арестантъ убѣгалъ, начальникъ округа телеграфировалъ владивостокскому прокурору. Если бѣглецъ бывалъ схваченъ или самъ пришелъ въ тюрьму въ теченіе семи дней, слѣдовавшихъ за его побѣгомъ, онъ наказывался розгами; если время увеличивалось, то наказаніе было строже, и судъ присуждалъ несчастнаго къ нѣсколькимъ годамъ тюрьмы и къ извѣстному числу ударовъ плетью. Теперь нѣсколько милостивѣе: начальникъ округа ждетъ нѣсколько дней, прежде чѣмъ телеграфировать, а семидневный періодъ начинается только со времени отсылки обвинительной телеграммы.

По словамъ И. П. Миролюбова, въ де-Кастри норовятъ приплыть бѣглые ссыльно-каторжные съ Сахалина, потому что отсюда имъ легко добраться до Софійска на Амурѣ.

Смотритель маяка Сп. много разъ былъ

очевидцемъ прибытія сюда бѣглыхъ рабочихъ, или бродягъ, какъ обыкновенно здѣсь ихъ называютъ.

— Чаще всего, — разсказывалъ онъ намъ,—приходится видѣть этихъ несчастныхъ весною. Повѣрите ли, иные приплывутъ на льдинѣ. Да, на льдинѣ, къ которой и прикоснуться-то холодно, а онъ лежитъ на ней цѣлую недѣлю и больше! Зато если и прибьетъ ихъ сюда волной, Боже, на что они похожи! Иззябшіе, мокрые, голодные... Въ чемъ только душа держится? Еще бы! каждый день, каждый часъ находятся на волоскѣ между жизнью и смертью. Если такой бродяга вылѣзетъ на берегъ, онъ не старается бѣжать. Куда тутъ! Онъ еле держится на ногахъ. Опустится безмолвно на землю, дескать, дѣлайте, что хотите. Но мнѣ въ это время и не приходитъ въ голову арестовать ихъ. Во-первыхъ, у меня не кордонъ, не пограничный постъ со спеціальными солдатами для охраны береговъ, а, во-вторыхъ, всѣ, которые сюда достигаютъ такимъ образомъ, по-моему, воскресшіе мертвецы. Подумайте, какъ можетъ подняться рука на человѣка, отдавшагося на произволъ вѣтра и теченія и на такомъ ещеораблѣ, который ежеминутно таетъ! Какъ вамъ угодно, а, по-моему, онъ прямо на смерть идетъ. И если судьба вынесла его на этотъ берегъ, я смотрю на него, какъ на

возвратившагося съ кладбища. Дашь ему поѣсть и отпустишь съ Богомъ.

— А вотъ эта бѣленькая гичка у васъ на берегу, поди, тоже съ Сахалина? Что-то она знакома мнѣ,—замѣтилъ нашъ чиновникъ И—ъ.

— Нѣтъ, батенька, ужъ не отдамъ вамъ! Это—мой трофей. Да, тоже каторжные стащили ее тамъ у васъ въ Александровкѣ и приплыли сюда. Бросили ее вотъ въ этомъ мѣстѣ, а сами—маршъ въ лѣсъ и были таковы!

Вслѣдствіе новаго наказанія, налагаемаго судомъ, попадаются арестанты, присужденные еще къ пяти годамъ; нѣкоторые, вслѣдствіе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ осужденій, должны пробыть въ тюрьмѣ въ теченіе двухъ или трехъ человѣческихъ жизней. Смертная казнь въ Россіи существуетъ только въ случаѣ покушенія противъ императора; къ ней можетъ также приговорить военный судъ. Въ теченіе десяти лѣтъ на Сахалинѣ было три смертныхъ казни; двѣ послѣднія происходили въ 1899 году. Тогда повѣсили двухъ бродягъ, образовавшихъ шайку и наводившихъ ужасъ на всѣхъ поселенцевъ; повсюду съ собой они вносили огонь, грабежъ

и убійства. По обычаю, ихъ ставили въ мѣшкѣ на скамейку подъ лѣстницей; когда веревка была надѣта имъ на шею, скамейка выдергивалась и ихъ тѣла качались въ воздухѣ.

Наказаніемъ на Сахалинѣ служатъ: тюрьма, кандалы, тачка, розги и плеть,—все суровыя средства, но и безполезныя. Одиноч-

Кандалы.

ная тюрьма мрачная и рѣдко провѣтриваемая; арестантъ сидитъ тамъ съ кандалами на ногахъ, и мнѣ постоянно представляется несчастный, на колѣняхъ выпрашивающій прощенія у смотрителя тюрьмы, который отказывается освободить его, даже когда

я прошу его сдѣлать это въ угоду мнѣ. Кандалы, налагаемые на руки, соединяются съ ногами тяжелой цѣпью, которая виситъ между ногами каторжника; иногда цѣпи бываютъ длинными, и несчастный долженъ ходить медленно, толкая передъ собой тачку. Это одно изъ наказанiй, къ которому можетъ приговорить судъ, и которое менѣе тяжело, чѣмъ кажется на видъ, какъ говорили мнѣ нѣкоторые арестанты.

Нѣсколько къ другому выводу приходитъ А. П. Чеховъ:

Въ Воеводской тюрьмѣ содержатся прикованные къ тачкамъ. Всѣхъ ихъ здѣсь восемь человѣкъ. Живутъ они въ общихъ камерахъ вмѣстѣ съ прочими арестантами и время проводятъ въ полномъ бездѣйствiи. По крайней мѣрѣ, въ „Вѣдомости о распредѣленiи ссыльно-каторжныхъ по родамъ работъ" прикованные къ тачкамъ показаны въ числѣ неработающихъ. Каждый изъ нихъ закованъ въ ручные и ножные кандалы; отъ середины ручныхъ кандаловъ идетъ длинная цѣпь аршина въ 3—4, которая прикрѣпляется ко дну небольшой тачки. Цѣпи и тачка стѣсняютъ арестанта; онъ старается дѣлать возможно меньше движенiй, и это, несомнѣнно, отражается на его мускулатурѣ. Руки до такой степени привы-

каютъ къ тому, что всякое даже малѣйшее движеніе сопряжено съ чувствомъ тяжести, что арестантъ послѣ того уже, какъ, наконецъ, разстается съ тачкой и ручными кандалами, долго еще чувствуетъ въ рукахъ неловкость и дѣлаетъ безъ надобности сильныя, рѣзкія движенія; когда, напримѣръ, берется за чашку, то расплескиваетъ чай, какъ страдающій chorea minor. Ночью, во время сна, арестантъ держитъ тачку подъ нарой и, чтобы это было удобнѣе и легче сдѣлать, его помѣщаютъ обыкновенно на краю общей нары.

Розги не слишкомъ устрашаютъ ихъ; но плеть, ужасная плеть, приводитъ ихъ въ отчаяніе. Человѣкъ ложится ничкомъ на какую-то скамейку; ноги вставляются въ два отверстія, и есть также выемки для головы и рукъ; онъ привязывается, а палачъ, которымъ часто является свой же товарищъ, долженъ бить его; если бы удары наносились съ полной силой, мученикъ не пережилъ бы ихъ. Это наказаніе стано-

Плеть.

вится рѣдкимъ, потому что теперь обращаются за совѣтомъ къ врачамъ, а они возстаютъ противъ такого наказанія, объявляя вообще, что арестантъ слишкомъ слабъ, чтобы вынести его. Одинъ только судъ можетъ приговорить каторжника къ ста ударамъ плетьми, начальникъ округа можетъ заставить дать двадцать ударовъ плетью и сто ударовъ розгами, а смотритель тюрьмы только двадцать ударовъ розгами.

Вотъ какъ описываютъ наказаніе розгами другіе авторы. А. П. Чеховъ пишетъ:

Посреди надзирательской стоитъ покатая скамья съ отверстіями для привязыванія рукъ и ногъ. Палачъ Толстыхъ, высокій, плотный человѣкъ, имѣющій сложеніе силача-акробата, безъ сюртука, въ разстегнутой жилеткѣ, киваетъ головой Прохорову; тотъ молча ложится. Толстыхъ неспѣша, тоже молча, спускаетъ ему штаны до колѣнъ и начинаетъ медленно привязывать къ скамьѣ руки и ноги. Смотритель равнодушно поглядываетъ въ окно, докторъ прохаживается. Въ рукахъ у него какія-то капли.

— Можетъ, дать тебѣ стаканъ воды?— спрашиваетъ онъ.

— Ради Бога, ваше высокоблагородіе.

Наконецъ, Прохоровъ привязанъ. Палачъ беретъ плеть съ тремя ременными хвостами и неспѣша расправляетъ ее.

— Поддержись! — говоритъ онъ негромко и, не размахиваясь, а какъ бы только примѣриваясь, наноситъ первый ударъ.

— Ра-азъ! — говоритъ надзиратель дьячковскимъ голосомъ.

Въ первое мгновеніе Прохоровъ молчитъ и даже выраженіе лица у него не мѣняется, но вотъ по тѣлу пробѣгаетъ судорога отъ боли и раздается не крикъ, а визгъ.

— Два! — кричитъ надзиратель.

Палачъ стоитъ сбоку и бьетъ такъ, что плеть ложится поперекъ тѣла. Послѣ каждыхъ пять ударовъ онъ медленно переходитъ на другую сторону и даетъ отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже послѣ 5—10 ударовъ тѣло, покрытое рубцами еще отъ прежнихъ плетей, побагровѣло, посинѣло; кожица лопается на немъ отъ каждаго удара.

— Ваше высокоблагородіе! — слышится сквозь визгъ и плачъ. — Ваше высокоблагородіе! Пощадите, ваше высокоблагородіе!

И потомъ послѣ 20—30 удара Прохоровъ причитываетъ, какъ пьяный или точно въ бреду:

— Я—человѣкъ несчастный, я—человѣкъ убитый... За что же это меня наказываютъ?

Вотъ уже какое-то странное вытягиваніе шеи, звуки рвоты... Прохоровъ не произноситъ ни одного слова, а только мычитъ и хрипитъ; кажется, что съ начала наказанія прошла цѣлая вѣчность, но надзиратель кричитъ только: „Сорокъ два! Сорокъ три!“ До девяноста далеко. Я выхожу наружу. Кругомъ на улицѣ тихо, и раздирающіе звуки изъ надзирательской, мнѣ кажется, проносятся по всему Дуэ. Вотъ прошелъ мимо каторжный въ вольномъ платьѣ, мелькомъ взглянулъ на надзирательскую, и на лицѣ его и даже въ походкѣ выразился ужасъ. Вхожу опять въ надзирательскую, потомъ опять выхожу, а надзиратель все еще считаетъ.

Наконецъ, девяносто. Прохорову быстро распутываютъ руки и ноги и помогаютъ ему подняться. Мѣсто, по которому били, синебагрово отъ кровоподтековъ и кровоточитъ. Зубы стучатъ, лицо желтое, мокрое, глаза блуждаютъ. Когда ему даютъ капель, онъ судорожно кусаетъ стаканъ... Помочили ему голову и повели въ околотокъ.

— Это за убійство, а за побѣгъ еще будетъ особо,—поясняютъ мнѣ, когда мы возвращаемся домой.

На Сахалинѣ всѣ въ одинъ голосъ говорили,—*пишетъ В. М. Дорошевичъ*,—что катор-

га, сложившись по грошамъ, заплатила палачу Комлеву 15 рублей, чтобъ онъ задралъ Губаря насмерть.

Палачи—артисты, виртуозы въ искусствѣ владѣть плетью,—и никакой самый опытный начальническій глазъ не различитъ, съ какою силой бьетъ палачъ. Кажется, все время—одинаково со страшной силой. А на самомъ дѣлѣ есть сотни оттѣнковъ.

Фактъ тотъ, что Васильевъ и Губарь были приговорены къ одному и тому же количеству плетей. Ихъ наказывалъ Комлевъ въ одинъ и тотъ же день. Васильевъ вынесъ все наказаніе сполна и остался неискалѣченнымъ. Губаря послѣ 48-го удара въ безчувственномъ состояніи отнесли въ лазаретъ, и черезъ три дня онъ умеръ. Онъ былъ простеганъ до паховъ. Образовалось омертвѣніе.

Я спрашивалъ у Комлева, правда ли, что онъ получилъ 15 рублей за то, чтобы забить насмерть Губаря.

Старый палачъ не отвѣтилъ ни „да" ни „нѣтъ", онъ сказалъ только:

— Что жъ, я—человѣкъ бѣдный!

И, помолчавъ немного, привелъ всеизвиняющую причину:

— Сакалинъ!

Мнѣ разсказывалъ врачъ, который, по обязанностямъ службы, присутствовалъ при этомъ страшномъ наказаніи,

Комлевъ,—это его бродяжеское прозвище, полученное впослѣдствіи; самъ онъ изъ духовнаго званія и учился когда-то въ духовномъ училищѣ, — Комлевъ явился, чтобы „порѣшить" человѣка, и рисовался и позировалъ. Онъ, вообще, немножко „романтикъ" и любилъ порисоваться во время „дѣла". Онъ явился въ красной рубахѣ, черномъ фартукѣ, въ какой-то, имъ самимъ сочиненной, особой черной шапкѣ.

Приготовляясь наносить удары, онъ поднялся на цыпочки, чтобы казаться выше. Съ хмурымъ, вѣчно угрюмымъ лицомъ, со слезящимися мрачными глазами и воспаленными вѣками, маленькій, жилистый, мускулистый, онъ, дѣйствителъно, долженъ былъ быть страшенъ и отвратителенъ.

— Ужъ одна торжественность Комлева говорила, что „что-то" произойдетъ особенное!—разсказывалъ мнѣ врачъ;—онъ такъ гаркнулъ свое традиціонное „поддержись", передъ тѣмъ, какъ нанести первый ударъ, что я задрожалъ и отвернулся.

Комлевъ „клалъ" удары не торопясь, съ разстановкой, „рѣже", „крѣпче", чтобы наказуемый „прочувствовалъ" каждый ударъ.

— Чаще! Скорѣй!—нѣсколько разъ кричалъ докторъ.

Чаще—не такъ мучительно. Ошеломленный человѣкъ не успѣваетъ перечувствовать каждый ударъ въ отдѣльности,

Но Комлевъ не торопился... Послѣ 48 удара Губарь былъ „готовъ".

— Но и 48 такихъ ударовъ выдержать. Что за богатырь былъ!

Пока я числился плотникомъ,—*пишетъ И. П. Миролюбовъ,*—и выходилъ рано утромъ на работу, я не былъ свидѣтелемъ наказанія рабочихъ розгами. Обыкновенно экзекуція производилась послѣ раскомандировки, когда мы уже расходились по работамъ. Рѣдко случалось, чтобы среди дня смотритель, взбѣшенный какимъ-нибудь поступкомъ каторжнаго, тотчасъ и крикнулъ: „розогъ!"

Въ Тымовскомъ округѣ не было постояннаго палача, какъ въ Александровской тюрьмѣ. Въ Рыковскомъ его обязанности исполняли такъ называемые старосты тюремныхъ казармъ. Въ каждой камерѣ былъ свой староста. Онъ наблюдалъ за порядкомъ и чистотою помѣщенія, получалъ для раздачи арестантамъ порціи хлѣба и вообще былъ представителемъ своего отдѣленія. Въ виду этого въ старосты выбирались непремѣнно грамотные, здоровые, сильные люди, которые въ случаѣ надобности легко бы справились со своимъ братомъ-каторжникомъ, обреченнымъ на наказаніе.

Какъ я не оберегался отъ ужаснаго зрѣлища экзекуціи, но невозможно было, живя

въ тюрьмѣ, не слышать стоновъ и хоть издали не видѣть позорнаго истязанія арестантовъ.

У крыльца первой казармы стояла большая широкая скамейка съ толстыми ножками. Это—кобыла каторжныхъ. Когда нужно было кого наказывать, старосты ставили ее нѣсколько поодаль отъ крыльца и приносили охапку полутора-аршинныхъ розогъ. У нихъ всегда имѣлась въ запасѣ цѣлая кадка свѣжихъ березовыхъ прутьевъ въ палецъ толщиною.

Въ виду четырехъ здоровыхъ верзилъ, арестантъ обыкновенно покорно со спущенными штанами самъ ложился на кобылу. Тутъ на него двое наваливались всею тяжестью своего тѣла, одинъ на плечи, другой на ноги, а другіе двое становились по сторонамъ обреченной жертвы и отчетливо, съ небольшими паузами били розгами по голому тѣлу. Надзиратель считалъ вслухъ удары, пока не крикнетъ смотритель: „Довольно!"

Прекращеніе наказанія зависитъ отъ многихъ причинъ. Кромѣ состоянія духа, въ которомъ находится смотритель, тутъ играетъ большую роль и поведеніе самого арестанта. Иной еще только разстегиваетъ штаны, какъ уже начинаетъ слезливымъ голосомъ просить прощенія. И все время, медленно укладываясь на кобылу, не перестаетъ повторять:

— Ваше высокоблагородіе, простите!

А съ первыми ударами розогъ онъ подымаетъ страшный взвизгивающій крикъ. Такой субъектъ скорѣе отдѣлается отъ наказанія. Но случаются и такіе спартанцы, которые, не говоря ни слова, ложатся на кобылу, подкладываютъ руку подъ голову и терпѣливо принимаютъ удары. Рѣдко кто выдерживалъ наказаніе совершенно безмолвно. Такіе, говорятъ, отъ нестерпимой боли закусываютъ свою руку и такъ съ сжатыми зубами и лежатъ. Но чаще всего на шестомъ, седьмомъ ударѣ вдругъ вырвется ужасный стонъ, и затѣмъ ужъ онъ не прерывается до окончанія экзекуціи.

За свою непривлекательную службу старосты-палачи пользовались льготою не ходить на работы.

Благодаря этой свободѣ, всѣ они, каждый въ своей камерѣ, держали лавки-майданы, гдѣ, кромѣ дозволенныхъ съѣстныхъ припасовъ, можно было иногда достать водку и карты. Старосты играли роль хозяевъ въ казармахъ и почти всегда были заправилами тайной картежной игры, получая львиную часть съ выигрыша. Какъ выбранные самимъ смотрителемъ, какъ палачи и представители до нѣкоторой степени администраціи, онъ пользовались заискивающимъ расположеніемъ каторжныхъ. Съ ними церемонились и надзиратели. Въ сущности, это—противный типъ каторжнаго со-

словія. Въ ситцевыхъ рубахахъ, въ жилетахъ, съ намасленными волосами, съ сытыми красными лицами, они рѣзко выдѣлялись изъ толпы арестантовъ и напоминали мнѣ деревенскихъ кулаковъ...

Розги, кандалы, карцеръ, лишеніе пищи, назначеніе лишней работы,—вотъ виды наказанія въ Тымовскомъ округѣ. Страшныя плети здѣсь почти не употребляются. Если рецидивистъ приговаривается судомъ къ плетямъ, то это ужасное наказаніе выполняется въ Александровскомъ округѣ, гдѣ имѣется для сего предмета спеціальный палачъ и всѣ атрибуты убійственной экзекуціи. Врочемъ, узаконенныя плети имѣются и въ Тымовскомъ округѣ.

Какъ-то разъ случилось мнѣ прійти въ полицейское управленіе, когда тамъ только что былъ полученъ, кажется, изъ Петербурга, пакетъ съ форменною плетью при бумагѣ. Боже мой, что это за страшное орудіе казни! На короткой рукояткѣ болтался длинный, толщиною въ палецъ, сыромятный ремень. Жесткій, какъ дерево, съ острыми углами, онъ раздѣлялся на концѣ на три плетеныхъ хвоста, такихъ же грубыхъ и жесткихъ, и каждый изъ нихъ заканчивался толстымъ угловатымъ узломъ. Понятно, почему иные съ двухъ-трехъ ударовъ впадали въ обморокъ, а нѣкоторые и умирали отъ этого варварскаго кнута.

Въ Рыковскомъ селеніи проживалъ раскольникъ Александръ Катинъ. Въ молодости за отказъ отъ военной службы и за публичное провозглашеніе власть имущихъ антихристами его приговорили въ каторжныя работы. Желая быть послѣдовательнымъ, онъ и въ каторгѣ отказывался повиноваться антихристовымъ властямъ. За это его приговорили къ плетямъ.

— Когда меня привязывали,—разсказывалъ онъ,—я молился и призывалъ всепомогающаго Іисуса. Вдругъ разъяреннымъ голосомъ крикнулъ палачъ: „берегись! ожгу!" Да какъ треснетъ!.. Я сразу все забылъ, и себя, и что со мною дѣлается. Мнѣ казалось, надо мною само небо треснуло и рухнуло на землю... Когда я очнулся, слышу, смотритель ругаетъ палача: „Что ты! убить что ли хочешь?" Что дальше было, я и разсказать не могу. Чуть живого прямо снесли въ лазаретъ, да цѣлый мѣсяцъ тамъ и провалялся, пока не пришелъ въ себя. И даетъ же силы Господь человѣку перенести этакое истязаніе.

Смотрители тюрьмы вообще требуютъ, чтобы съ наказываемыми были строже. Цѣлыя книги исписаны политическими ссыльными, въ которыхъ эти тюремщики очень сурово осуждаются. Публика можетъ иногда смотрѣть на эти книги, какъ на

дѣло мести и, считать ихъ достойными осужденія; но также есть и официальные отчеты, подписанные юрисконсультами, какъ, напримѣръ, г. Дрилемъ, которые посылались на Сахалинъ съ специальнымъ порученіемъ и которыхъ нельзя обвинять въ раздраженіи. Заключеніемъ изъ всего чтенія этихъ книгъ и отчетовъ можетъ выйти то, что смотрители тюремъ слишкомъ часто бываютъ звѣрскими людьми.

Къ числу наказаній надо прибавить еще наказаніе лишеніемъ хлѣба, какъ описываетъ И. П. Миролюбовъ.

Сѣрое однообразіе каторжной жизни время отъ времени нарушалось только какимъ-нибудь крупнымъ воровствомъ или варварскимъ убійствомъ, возмущавшимъ даже арестанскую среду; но крупныхъ событій другого характера или новыхъ реформъ, оживлявшихъ каторгу, не было. Генералъ уѣхалъ въ отпускъ и проживалъ гдѣ-то далеко за границей, а слуги безъ барина относились къ своей дѣятельности спустя рукава, занимаясь больше устройствомъ пиршествъ, карточныхъ вечеровъ, пикниковъ и другихъ развлеченій. Впрочемъ, чиновники одного не забывали: каждый день пороть каторжныхъ.

— Надо, чтобы арестанты всегда чув-

ствовали надъ собою крѣпкую власть, бдительное око и карающую руку!—въ самоупоенiи говорили они другъ другу.

Но это была неправда. Каторжные хорошо понимали, что они оставлены на произволъ надзирателей, которыхъ легко можно было подкупить и затѣмъ дѣлать многiя недозволенныя вещи. Даже при страшномъ смотрителѣ Л-нѣ, кто побойчѣе и побогаче позволяли по вечерамъ и въ картишки поиграть и водкой поторговать. Въ утреннюю жертву кровожадности смотрителя обыкновенно шли самые бѣдные, безотвѣтные арестанты. Не имѣя денегъ, чтобы подкупить надзирателей, они несли на своихъ плечахъ всю тяжесть каторжныхъ работъ.

Кромѣ порки и тяжелыхъ работъ, каторжные одновременно терпѣли еще другой видъ наказанiя: уменьшенiе дневной порцiи хлѣба. Если арестанту по закону полагается три фунта на день, ему въ наказанiе даютъ два. Въ Рыковской тюрьмѣ особенно любилъ практиковать этотъ способъ наказанiя смотритель Л-въ. Для него двойное удовольствiе: и каторжные наказаны самымъ существеннымъ образомъ, и остается большая экономiя хлѣба. Этотъ способъ обиранiя несчастнаго арестанта пришелся по душѣ и надзирателямъ, когда ихъ съ партiей каторжныхъ назначали въ тайгу на дорожныя работы.

Смотрители являются настоящими хозяевами острова, и всѣ остальные чиновники острова находятся въ полной зависимости отъ нихъ. Они слѣдятъ за послѣдними черезъ каторжниковъ, радуются, если могутъ найти въ ихъ жизни какую-нибудь слабость, какой-либо недостатокъ въ нравахъ, какую-ни-

Каторжникъ-татаринъ.

будь низость, которой они могли бы воспользоваться. Зарабатывая на сѣнѣ, на кожѣ и на разныхъ предметахъ, приготовляемыхъ въ мастерскихъ, они устраиваютъ прекрас-

ныя дѣлишки и могутъ покинуть островъ, скопивъ на своемъ содержанiи значительныя суммы, превышающiя даже самое содержанiе.

Поселенцы приходятъ въ тюрьму за мукой, которая полагается имъ по закону, но они должны имѣть мѣшокъ, во что было бы взять эту муку и отнести домой. Смотрители взвѣшиваютъ вмѣстѣ съ мукой и мѣшокъ, который бываетъ достаточно тяжелъ; разница между дѣйствительнымъ вѣсомъ и тѣмъ, сколько надо было отпустить, также составляетъ значительную выгоду, потому что мукою снабжается много народа, а и маленькiе ручейки образуютъ большiя рѣки.

Какъ легко зашибаются деньги! Каждое воскресенье арестантамъ надо давать свѣжее мясо,—оно замѣняется солониной, которая стоитъ дешевле, а на сбереженныя деньги смотритель можетъ понемногу прiобрѣсти маленькое стадо рогатаго скота, которое изъ года въ годъ будетъ увеличиваться. Кожа разъ была забракована коммиссiей и пущена въ продажу со скидкой; смотритель тюрьмы подъ рукой скупилъ ее, и вотъ эта-то самая кожа и пойдетъ

для арестантовъ; другая, хорошая, будетъ съ выгодой продана въ какой-нибудь магазинъ континента или въ другую тюрьму острова. Такой смотритель забавлялся раньше тѣмъ, что заключалъ какого-нибудь арестанта въ бочку, которую спускалъ по откосу съ горы; другой, не покидавшій острова долгое время, заставлялъ наказывать своихъ арестантовъ розгами, а самъ курилъ папиросу; при каждой его затяжкѣ должны были наносить ударъ. И это далеко не всѣ жестокости, которыя я могъ бы привести.

Очевидно, что и надзиратели также получаютъ свою долю, и что смотритель закрываетъ глаза на ихъ лихоимство; надзиратель, получающій сорокъ рублей, живетъ такъ, какъ будто бы онъ получалъ двѣсти рублей жалованья; впрочемъ, онъ такъ же суровъ, какъ и нечестенъ. Такія подробности, къ несчастью слишкомъ правдивыя, мнѣ сообщали чиновники.

Точно такъ же описываетъ надзирателей и А. П. Чеховъ.

Въ тюрьмахъ много надзирателей, но нѣтъ порядка, и надзиратели служатъ лишь постояннымъ тормазомъ для администраціи,

о чемъ свидѣтельствуетъ самъ начальникъ острова. Почти каждый день въ своихъ приказахъ онъ штрафуетъ ихъ, смѣщаетъ на низшіе оклады или же совсѣмъ увольняетъ: одного за неблагонадежность и неисполнительность, другого—за безнравственность, недобросовѣстность и неразвитіе, третьяго—за кражу казеннаго провіанта, ввѣреннаго его храненію, а четвертаго—за укрывательство; пятый, будучи назначенъ на баржу, не только не смотрѣлъ за порядкомъ, но даже самъ подавалъ примѣръ къ расхищенію на баржѣ грецкихъ орѣховъ, шестой—состоитъ подъ слѣдствіемъ за продажу казенныхъ топоровъ и гвоздей; седьмой замѣченъ неоднократно въ недобросовѣстномъ завѣдываніи фуражнымъ довольствіемъ казеннаго скота, восьмой—въ предосудительныхъ сдѣлкахъ съ каторжными. Изъ приказовъ мы узнаемъ, что одинъ старшій надзиратель изъ рядовыхъ, будучи дежурнымъ въ тюрьмѣ, позволилъ себѣ войти въ женскій баракъ черезъ окно, отогнувъ предварительно гвозди, съ цѣлями романтическаго свойства, а другой, во время своего дежурства, въ часъ ночи допустилъ рядового, тоже надзирателя, въ одиночное помѣщеніе, гдѣ содержатся арестованныя женщины. Любовныя похожденія надзирателей не ограничиваются одною только тѣсною областью женскихъ бараковъ

и одиночныхъ помѣщеній. Въ квартирахъ надзирателей я заставалъ дѣвушекъ-подростковъ, которыя на мой вопросъ, кто онѣ, отвѣчали: „Я—сожительница". Войдешь въ квартиру надзирателя; онъ, плотный, сытый, мясистый, въ разстегнутой жилеткѣ и въ новыхъ сапогахъ со скрипомъ, сидитъ за столомъ и „кушаетъ" чай; у окна сидитъ дѣвочка, лѣтъ 14, съ поношеннымъ лицомъ, блѣдная. Онъ называетъ себя обыкновенно унтеръ-офицеромъ, старшимъ надзирателемъ, а про нее говоритъ, что она дочь каторжнаго, и что ей 16 лѣтъ, и что она его сожительница.

Надзиратели, во время своего дежурства въ тюрьмѣ, допускаютъ арестантовъ къ картежной игрѣ и сами участвуютъ въ ней; они пьянствуютъ въ обществѣ ссыльныхъ, торгуютъ спиртомъ. Въ приказахъ мы встрѣчаемъ также буйство, непослушаніе, крайне дерзкое обращеніе со старшими въ присутствіи каторжныхъ и, наконецъ, побои, наносимые каторжному палкой по головѣ, послѣдствіемъ чего образовались раны.

Люди грубые, неразвитые, пьянствующіе и играющіе въ карты вмѣстѣ съ каторжными, охотно пользующіеся любовью и спиртомъ каторжныхъ женщинъ, недисциплинированные, недобросовѣстные могутъ имѣть авторитетъ лишь отрицательнаго свойства. Ссыльное населеніе не уважаетъ

ихъ и относится къ нимъ съ презрительною небрежностью. Оно въ глаза величаетъ ихъ „сухарниками“ и говоритъ имъ *ты*. Администрація же нисколько не заботится о томъ, чтобы поднять ихъ престижъ, находя, вѣроятно, что заботы объ этомъ не привели бы ни къ чему. Чиновники говорятъ надзирателю *ты* и бранятъ его, какъ угодно, не стѣсняясь присутствіемъ каторжныхъ. То и дѣло слышишь: „Что же ты, дуракъ, смотришь?“ Или: „Ничего ты не понимаешь, болванъ!“ Какъ мало уважаютъ здѣсь надзирателей, видно изъ того, что многіе изъ нихъ назначаются на „несоотвѣтствующіе служебному ихъ положенію наряды“, то-есть, попросту, состоятъ при чиновникахъ въ качествѣ лакеевъ и разсыльныхъ. Надзиратели изъ привиллегированныхъ, какъ бы стыдясь своей должности, стараются выдѣлиться изъ массы своихъ сотоварищей хотя чѣмъ-нибудь: одинъ носитъ на плечахъ жгуты потолще, другой— офицерскую кокарду, третій, коллежскій регистраторъ, называетъ себя въ бумагахъ не надзирателемъ, а „завѣдующимъ работами и рабочими“.

Такъ какъ сахалинскіе надзиратели никогда не возвышались до пониманія цѣлей надзора, то съ теченіемъ времени, по естественному порядку вещей, сами цѣли надзора должны были мало-по-малу сузиться до те-

перешняго своего состоянія. Весь надзоръ теперь сводится къ тому, что рядовой сидитъ въ камерѣ, смотритъ за тѣмъ, „чтобы не шумѣли“, и жалуется начальству; на работахъ онъ, вооруженный револьверомъ, изъ котораго, къ счастью, не умѣетъ стрѣлять, и шашкою, которую трудно вытянуть изъ заржавленныхъ ноженъ, стоитъ, смотритъ безучастно на работы, куритъ и скучаетъ. Въ тюрьмѣ онъ—прислуга, отворяющая и запирающая двери, а на работахъ—лишній человѣкъ. Хотя на каждые сорокъ каторжныхъ приходится три надзирателя—одинъ старшій и два младшихъ—но постоянно приходится видѣть, какъ 40—50 человѣкъ работаютъ подъ надзоромъ только одного, или же совсѣмъ безъ надзора. Если изъ трехъ надзирателей одинъ находится при работахъ, то другой въ это время стоитъ около казенной лавки и отдаетъ проходящимъ чиновникамъ честь, а третій—томится въ чьей-нибудь передней или безъ всякой надобности стоитъ на-вытяжку въ пріемной лазарета.

Жалованья старшіе надзиратели получаютъ 480, а младшіе по 216 руб. въ годъ. Черезъ опредѣленные сроки этотъ окладъ увеличивается на одну и двѣ трети и даже вдвое. Такое жалованье считается хорошимъ и служитъ соблазномъ для мелкихъ чиновниковъ, напримѣръ, телеграфистовъ, кото-

рые уходятъ въ надзиратели при первой возможности. Существуетъ опасеніе, что школьные учителя, если ихъ когда-нибудь назначатъ на Сахалинъ и дадутъ имъ обычные 20—25 р. въ мѣсяцъ, непремѣнно уйдутъ въ надзиратели.

Что удивительно, такъ это то, что не слишкомъ часто бываютъ преступныя покушенія на личность тюремныхъ завѣдующихъ. На самомъ дѣлѣ арестанты напуганы своими смотрителями и надзирателями. За исключеніемъ Онора, гдѣ я видѣлъ, какъ они весело возвращались изъ лѣса, неся тарелки земляники, которую они ѣли съ шутками, въ тюрьмахъ я постоянно встрѣчалъ видъ холодной грусти и нескрываемой ненависти; арестанты сурово смотрѣли на посѣтителя и не вѣрили болѣе, чтобы кто-либо могъ быть способенъ на доброе дѣло.

Здѣсь постоянно замѣтно довольно большое неравенство въ обращеніи съ арестантами; женщины всегда знаютъ, какъ заслужить снисходительность надзирателей или даже смотрителей; мужчины, у которыхъ нѣтъ такого средства, могутъ, если у нихъ есть деньги, добиться снисхожденія со стороны сторожевыхъ солдатъ. Немного обу-

ченый человѣкъ находится подъ покровительствомъ судьбы, потому что его избавляютъ отъ тюрьмы и поручаютъ заниматься въ канцеляріи или ввѣряютъ какую-нибудь спеціальную работу, телефонъ или метеорологическую станцію. Всякій молодой преступникъ ихъ хорошей семьи всегда будетъ видѣть лучшее обращеніе съ собой, чѣмъ какой-нибудь бѣднякъ, обвиненный въ убійствѣ, хотя онъ въ то время былъ пьянъ; въ нуждѣ его преступленіе противъ общаго права превратится въ политическое преступленіе. Именно въ сахалинской канцеляріи занимался одинъ высшій офицеръ, измѣнившій своему отечеству и обвинявшійся въ продажѣ плановъ за границу. Онъ доказалъ свою опытность въ этой спеціальности, и вотъ почему несомнѣнно его приняли въ бюро, гдѣ находятся важныя бумаги острова. Этотъ ехполковникъ потерялъ всякое чувство стыда, потому что черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда онъ приходилъ ко мнѣ съ предложеніемъ достать мнѣ карты и планы; онъ говорилъ мнѣ объ этомъ безъ малѣйшаго затрудненія, и на самомъ дѣлѣ очевидно этотъ человѣкъ упалъ слиш-

комъ низко, чтобы не понимать, какое отвращеніе внушаетъ онъ всякому цивилизованному человѣку.

Но, возразятъ мнѣ, какъ же возможны всѣ подобныя вещи, жестокости и несправедливости? Развѣ никогда сюда не заглядываютъ петербургскія инспектора? Что же дѣлаетъ губернаторъ? Первый вопросъ немного наивенъ: гдѣ инспекторъ когда-либо что-либо видитъ? Значительныя особы пріѣзжали изъ Петербурга, появлялись и исчезали, и сегодня остается только одно воспоминаніе о сдѣланыхъ ими, но не исполненныхъ обѣщаніяхъ. Что же касается до губернатора, то онъ исполненъ самыхъ благихъ намѣреній, но онъ многаго не можетъ сдѣлать; онъ находится въ такомъ же точно положеніи, какъ и иностранные посѣтители; онъ видитъ только то, что ему хотятъ показать; онъ слышитъ даже намного меньше того, что слышатъ они, потому что съ нимъ стѣсняются говорить и отъ него хоронятъ все, что только можно схоронить. Честные чиновники не осмѣливаются ничего сказать; припоминается, какъ одного чиновника порицали, что онъ въ одномъ циркулярѣ удивлялся,

какъ могутъ проигрывать каждый день значительныя суммы его подчиненные, получающіе скромное жалованье. Его не только порицали, но даже смѣстили и обвинили въ томъ, что онъ бросаетъ подозрѣніе на людей, служащихъ подъ его вѣдомствомъ.

— Все, что мы разсказываемъ, ужасаетъ васъ,—говорилъ мнѣ одинъ арестантъ,—но самое ужасное то, о чемъ мы передъ вами умалчиваемъ.

— Вы познакомились со многимъ,—подтвердилъ мнѣ одинъ чиновникъ,—но повѣрьте, что мы не все могли сказать вамъ! Есть факты, о которыхъ не рѣшаешься говорить.

А, несмотря на все, есть каторжники, которые, сдѣлавшись поселенцами на островѣ, жалѣютъ о тюрьмѣ; это лѣнтяи, потому что тамъ они жили, ничего не дѣлая, и старики, потому что они были увѣрены, что тамъ найдется, чѣмъ утолить голодъ!

Глава IV.

Деревни.—Жизнь каторжниковъ-поселенцевъ.—Жены и семьи каторжниковъ.

Деревни, построенныя каторжниками, которые должны поселиться на Сахалинѣ, расположены въ центрѣ и на югѣ острова. Дорога начинается отъ Александровска; она идетъ берегомъ моря у подножія высокихъ и опасныхъ утесовъ до рѣчки Арково, впадающей въ Татарскій проливъ, немного сѣвернѣе Александровска. Въ этомъ мѣстѣ находится гиляцкая деревня, покидаемая на лѣто и состоящая только изъ нѣсколькихъ маленькихъ хижинъ, построенныхъ на сваяхъ; дорога здѣсь круто поворачиваетъ на востокъ и входитъ въ узкую очаровательную долину, быстро спускающуюся къ рѣкѣ. При проѣздѣ по тремъ деревнямъ на Арково, поселенцы-каторжники выходятъ на шумъ повозки, а дѣвчонки нахально смотрятъ въ лицо проѣзжающаго путешественника. Очень высокая гора утесиста, а дорога, ведущая по ущелью, проложена по глинистой почвѣ, на которой лошади скользятъ, а повозка катится

назадъ. Березовые и кленовые лѣса заступаютъ мѣсто высокихъ черныхъ елей, которыя представляются только обугленными развалинами какого-то огромнаго пожара; отъ земли несется запахъ земляники и цвѣтовъ. Когда кончается ущелье, входишь въ бассейнъ Тыми, достигаешь Амудана и значительнаго поселка Дербинска, гдѣ есть тюрьма. Дорога продолжается все прямо на югъ по ровной мѣстности, между наполовину сгорѣвшими лѣсами до Рыковскаго, мѣстопребыванія начальника округа; потомъ она вступаетъ въ Палевойское ущелье, пересѣкаетъ линію водораздѣла и спускается въ бассейнъ Пороная, пройдя черезъ нѣсколько деревушекъ, изъ которыхъ одна покинута, до селенія Оноръ.

Отъ Дербинска другая, намного худшая, дорога ведетъ къ деревнѣ Славо, откуда на лошади или въ лодкѣ попадаешь въ деревню Адо-Тымь. Лѣсъ только что недавно былъ опустошенъ пожаромъ и, когда я ѣхалъ по немъ, видъ его отъ этого былъ ужасенъ; птицы, казалось, всѣ улетѣли, а гарь плохо потушеннаго огня лѣзла въ горло. Дальше лѣсъ состоялъ изъ лиственницы, былъ полонъ вьющихся растеній и

поваленныхъ стволовъ; онъ орошался ручейками, бѣжавшими въ глубокихъ оврагахъ, гдѣ живутъ многочисленные медвѣди. Поселеніе не пойдетъ дальше на сѣверъ

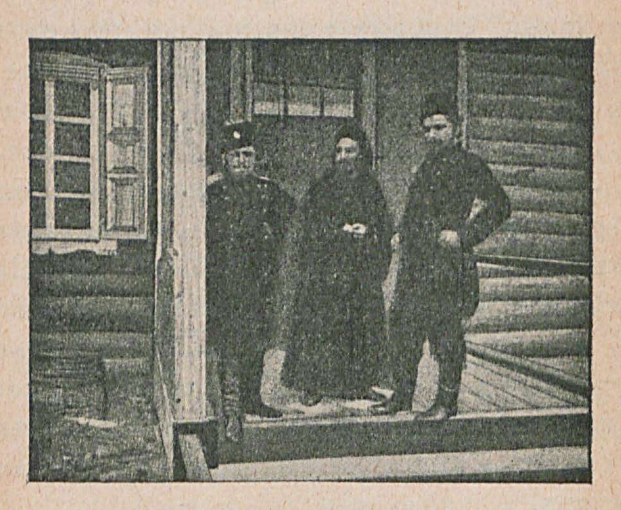

Дорога на Сахалинѣ.

острова или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно, не пойдетъ, и новыя деревни, планы которыхъ уже находятся на разсмотрѣніи, будутъ строиться къ югу отъ Онора, въ бассейнѣ Пороная.

На югъ острова отъ Корсаковска идетъ испорченная и малопроѣзжая дорога до рѣчки Наибы, поднимаясь по долинѣ Су-

супи; эта часть острова самая удобная для поселенія, хотя и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, рѣчки носятъ характеръ горныхъ потоковъ съ внезапными и ужасными разливами. Дорога настолько скверная, что путешественники проклинаютъ ее; мнѣ, какъ болѣе счастливому, пришлось ѣхать по ней только два раза.

Смотрители и священникъ.

Прибѣжище я находилъ то у чиновниковъ, то у священниковъ, а чаще всего у каторжниковъ. Меня нѣсколько разъ обокрадывали, но чего-нибудь болѣе важнаго со мной не случилось.

Въ деревняхъ есть три вида жителей: во-первыхъ, поселенцы, которые, какъ мы видѣли, являются освобожденными каторжниками, только принужденными къ поселенію въ извѣстномъ мѣстѣ; во-вторыхъ, каторжники, которые вмѣсто того, чтобы быть заключенными въ тюрьму, имѣютъ позволеніе жить въ деревнѣ, потому что ихъ жены, совсѣмъ невиновныя, пожелали слѣдовать за ними; въ-третьихъ, тѣ поселенцы, которые послѣ четырехъ лѣтъ сдѣлались крестьянами и которые, однако, остались на островѣ, несмотря на то, что они имѣютъ право поселиться въ Сибири или даже возвратиться въ Европейскую Россію. Прежде всѣ обитатели деревни зависѣли отъ смотрителя тюрьмы; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ были заведены поселенческіе надзиратели. Нынѣ въ деревняхъ только одни каторжники зависятъ отъ смотрителя.

Вотъ какъ А. П. Чеховъ говоритъ о перечисленіи въ поселенцы.

Когда наказаніе, помимо своихъ прямыхъ цѣлей—мщенія, устрашенія или исправленія—задается еще другими, напримѣръ, колони-

заціонными цѣлями, то оно по необходимости должно постоянно приспособляться къ потребностямъ колоніи и идти на уступки. Тюрьма—антагонистъ колоніи, и интересы обѣихъ находятся въ обратномъ отношеніи. Жизнь въ общихъ камерахъ порабощаетъ и съ теченіемъ времени перераждаетъ арестанта; инстинкты осѣдлаго человѣка, домовитаго хозяина, семьянина заглушаются въ немъ привычками стадной жизни; онъ теряетъ здоровье, старится, слабѣетъ морально, и чѣмъ позже онъ покидаетъ тюрьму, тѣмъ больше причинъ опасаться, что изъ него выйдетъ не дѣятельный, полезный членъ колоніи, а лишь бремя для нея. И потому-то колонизаціонная практика потребовала, прежде всего, сокращенія сроковъ тюремнаго заключенія и принудительныхъ работъ, и въ этомъ смыслѣ нашъ *Уставъ о ссыльныхъ* дѣлаетъ значительныя уступки. Такъ, для каторжныхъ отряда исправляющихся десять мѣсяцевъ считаются за годъ, и если каторжные второго и третьяго разрядовъ, т.-е. осужденные на сроки отъ 4 до 12 лѣтъ, назначаются на рудничныя работы, то каждый годъ, проведенный ими на этихъ работахъ, засчитывается за полтора года. Каторжнымъ по переходѣ въ разрядъ исправляющихся законъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, строить себѣ дома, вступать въ бракъ и имѣть деньги. Но дѣйствитель-

ная жизнь въ этомъ направленіи пошла еще дальше *Устава*. Чтобы облегчить переходъ изъ каторжнаго состоянія въ болѣе самостоятельное, пріамурскій генералъ-губернаторъ въ 1888 г. разрѣшилъ освобождать трудолюбивыхъ и добраго поведенія каторжныхъ до срока; объявляя объ этомъ въ приказѣ (№302), ген. Кононовичъ обѣщаетъ увольнять отъ работъ за два и даже за три года до окончанія полнаго срока работъ. И безъ всякихъ статей и приказовъ, а по необходимости, потому что это полезно для колоніи; внѣ тюрьмы, въ собственныхъ домахъ и на вольныхъ квартирахъ, живутъ всѣ безъ исключенія ссыльно-каторжныя женщины, многіе испытуемые и даже безсрочные, если у нихъ есть семьи или если они хорошіе мастера, замлемѣры, каюры и т. п. Многимъ позволяется жить внѣ тюрьмы просто „по человѣчности“ или изъ разсужденія, что если такой-то будетъ жить не въ тюрьмѣ, а въ избѣ, то отъ этого не произойдетъ ничего худого, или если безсрочному Z. разрѣшается жить на вольной квартирѣ только потому, что онъ пріѣхалъ съ женой и дѣтьми, то не разрѣшить этого краткосрочному N. было бы уже несправедливо.

Когда кончается срокъ, каторжнаго освобождаютъ отъ работъ и переводятъ въ поселенцы. Задержекъ при этомъ не бываетъ.

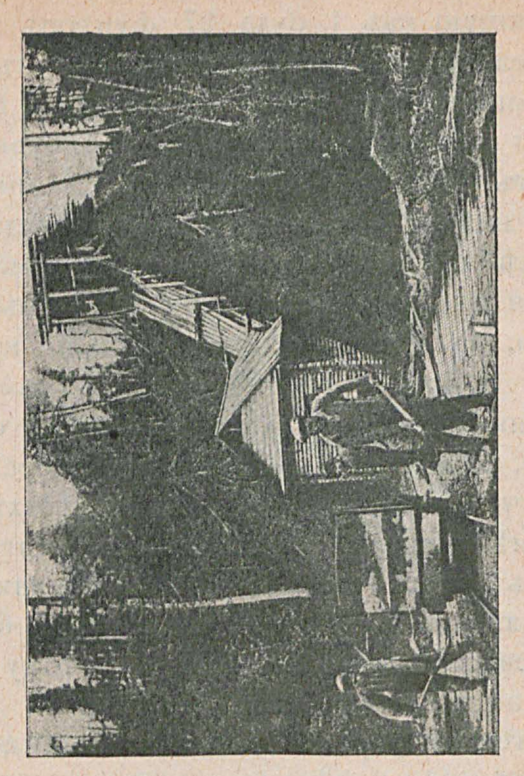
Новый поселенецъ, если у него есть деньги и протекція у начальства, остается въ Александровскѣ или въ томъ селеніи, которое ему нравится, и покупаетъ или строитъ тутъ домъ, если еще не обзавелся имъ, когда былъ на каторгѣ; для такого сельское хозяйство и трудъ не обязательны. Если же онъ принадлежитъ къ сѣрой массѣ, составляющей большинство, то обыкновенно садится на участокъ въ томъ селеніи, гдѣ прикажетъ начальство, и если въ этомъ селеніи тѣсно и нѣтъ уже земли, годной подъ участки, то его сажаютъ уже на готовое хозяйство, въ совладѣльцы или половинщики, или же его посылаютъ селиться на новое мѣсто.

Начальство выбираетъ мѣсто, гдѣ должна быть построена новая деревня; оно отдается въ распоряженіе каторжниковъ, которые оставятъ тюрьму, или семействъ, пріѣхавшихъ изъ Россіи. Напримѣръ, недалеко отъ Онора я видѣлъ строившуюся деревню; здѣсь работало тридцать семей, недавно прибывшихъ, и въ каждой изъ нихъ то мужъ, то жена добровольно послѣдовали въ ссылку за другимъ виновнымъ супругомъ.

Передъ постройкой деревни обыкновенно обращаются къ агроному и землемѣру;

первый долженъ сдѣлать анализъ почвы; на самомъ дѣлѣ важно узнать, хороша ли земля на прогалинѣ, которую выбрало начальство, и сколько семей она можетъ прокормить; другой обязанъ начертить планъ; прежде всего намѣчается улица, которая обыкновенно въ ширину имѣетъ 30 саженей. Каждая семья получаетъ мѣсто, длиною по улицѣ въ 20 саженей; если ширина владѣнія установлена разъ навсегда, то длина бываетъ различна, потому что принято, что землю сзади дома можно воздѣлывать до лѣса или до рѣки. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ есть параллельныя улицы, отдѣленныя одна отъ другой разстояніемъ въ 120 саженей; каждый домъ занимаетъ пространство въ 20 квадратныхъ саженей, и въ такомъ случаѣ каждая семья получаетъ въ свое распоряженіе поле, длиною въ 30 саженей, а шириною только въ 20 саженей.

Когда постройка деревни рѣшена, на указанное мѣсто посылаютъ каторжниковъ, которые должны построить деревню и поселиться въ ней. Каждому изъ нихъ даютъ или, вѣрнѣе сказать, ссужаютъ топоръ, пилу и веревки; они берутъ эти разнообраз-

Въ рудникахъ.

ные предметы въ долгъ и обязаны позже выплатить за нихъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ они получаютъ каждый мѣсяцъ провизію, состоящую изъ 1 пуда 27 фунтовъ муки на человѣка, съ 5 фунтами крупъ, съ 5 солонины и съ 18 соленой рыбы. Поселенцы не получаютъ чая, а смотритель можетъ даже не давать имъ и ничего, разъ найдетъ, что они лично обладаютъ вполнѣ хорошимъ достаткомъ, чтобы питаться на свои средства. Осужденные на вѣчно, за которыми послѣдовали въ каторгу и ихъ жены, живущія съ ними въ деревняхъ, видятъ лучшее съ собой обращеніе, чѣмъ другіе жители этихъ деревень; ихъ считаютъ какъ бы за сидящихъ въ тюрьмѣ, и поэтому они имѣютъ право получать арестантскій столъ; иногда даже въ продолженіе всей своей жизни они бываютъ счастливѣе поселенцевъ, потому что получаютъ чай и мыло.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, когда администрація приходитъ на помощь жителямъ новой деревни, она выдаетъ имъ два раза арестантское платье, три раза немного ваксы и четыре раза обувь. Пріѣхавшая по своей волѣ и невиновная жена получаетъ 1 пудъ

муки каждый мѣсяцъ, дѣти возрастомъ до десяти лѣтъ—полтора рубля въ мѣсяцъ, отъ десяти до четырнадцати лѣтъ—по пуду муки

Сожительница.

на голову, а старше этого возраста они должны работать на себя и сами кормить себя.

Колонисты могутъ у администраціи просить себѣ скота; имѣющіе семью и даже холостяки получаютъ корову, а иногда и

лошадь. Другими домашними животными являются русскія куры, сибирскія свиньи и нѣсколько козъ; овецъ нѣтъ ни одной. Дѣлалось здѣсь нѣсколько попытокъ завести пчеловодство, но лѣто тутъ слишкомъ коротко, такъ что у пчелъ нѣтъ достаточно времени для сбора добычи и переработки ея. Администраціей даются только однѣ лошади и коровы и всегда въ кредитъ; ссыльные получаютъ льготу въ три года для выплаты своего долга; корова стоитъ отъ 40 до 55 рублей, а лошадь отъ 55 до 65 рублей. На самомъ дѣлѣ долгъ уплачивается намного позже законнаго срока; бѣдные люди не умѣютъ, а часто и не могутъ дѣлать сбереженій, а сверхъ того, они могутъ черезъ нѣсколько лѣтъ уже возвратиться на материкъ, когда окончательно и устанавливаютъ свои счета съ казначействомъ.

Предстоящая ссыльно-поселенцу работа, надо сказать, ужасная, и усилія, требуемыя отъ него, очень велики; чтобы достичь полнаго успѣха, ему необходимо мужество и твердость, какими обладаютъ только неиспорченные люди; для такой трудной работы ему необходимо пріобрѣсти снова при-

вычку къ труду и силы, которыя онъ иногда навсегда потерялъ подъ бездѣятельнымъ режимомъ тюрьмы. Въ подобномъ дѣлѣ иногда терпитъ пораженіе даже и здоровый тѣломъ и душою человѣкъ; но ссыльный часто бываетъ человѣкъ больной, пришибленный во всѣхъ отношеніяхъ; когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, общество мало заботилось о его физическомъ здоровьѣ и совсѣмъ не заботилось о здоровьѣ нравственномъ. Несчастный не довѣряетъ никому больше; онъ представляетъ изъ себя побитую собаку, готовую всегда укусить; онъ не довѣряетъ своимъ начальникамъ, потому что узналъ ихъ только по ихъ недостаткамъ, не довѣряетъ своимъ товарищамъ, которые обворуютъ его, если его работа приноситъ какіе-либо результаты, не довѣряетъ и самому себѣ, потому что никто никогда не подумалъ дать ему вѣрный взглядъ на самого себя и потому что у него осталась теперь только одна слабая воля. Если бы эту работу, которую поручили ему, когда онъ уже ни физически ни нравственно не былъ способенъ исполнить ее, дали ему по самомъ его прибытіи, дѣло колонизаціи Россіи только бы выиграло, и сама задача, можетъ-

быть, имѣла бы въ глазахъ самого ссыльнаго исправительный характеръ.

Я видѣлъ мѣсто, которое хотѣли превратить въ деревню; полянка была маленькая, но она была увеличена выжиганіемъ окружавшаго ее лѣса; прежде чѣмъ начать земледѣльческій трудъ, надо было повалить обуглившіеся стволы и вырыть пеньки; ссыльные жили въ баракахъ и рубили лѣсъ для постройки себѣ домовъ. Будущіе поселенцы работали вяло, потерявъ всякую надежду, какъ и всѣ свои силы.

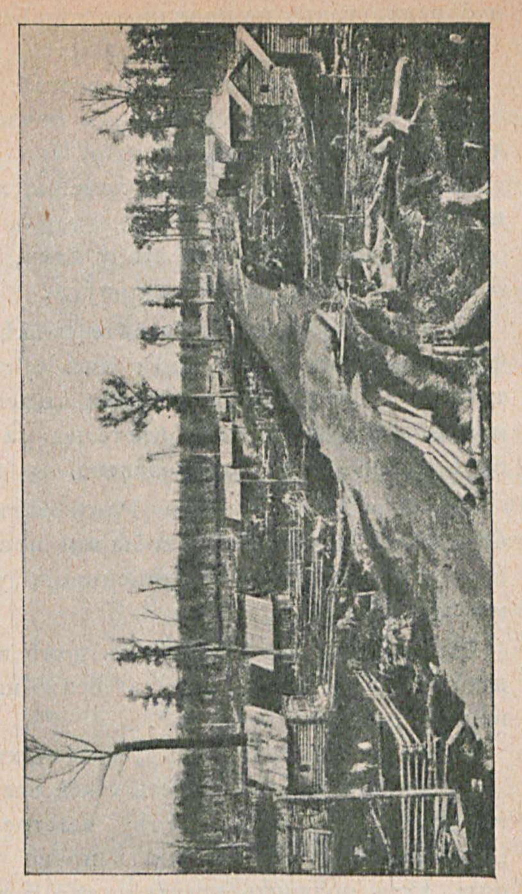
Впрочемъ, домъ стóитъ не больше 10—15 рублей; но въ большихъ селеніяхъ встрѣчаются дома, стоящіе до 200 рублей, вообще болѣе цвѣтущія поселенія находятся на югѣ, однако и въ центрѣ острова, въ Рыковскомъ, болѣе четырехсотъ домовъ, а въ Онорѣ болѣе трехсотъ.

В. М. Дорошевичъ пишетъ, что дома иногда строятся только для показа, потому что около него нечего дѣлать.

Домъ, никому рѣшительно не принадлежащій.

Такой домъ только и можно встрѣтить, что на Сахалинѣ.

Былъ и у него хозяинъ, да ушелъ на

Постройка деревни поселенцами.

материкъ; покупателя не нашлось,—онъ его и бросилъ такъ, на произволъ судьбы.

Одно время здѣсь жили, кажется, пѣвчіе.

Теперь это „пріютъ для ночлега“.

Даже не ночлежный домъ. У ночлежнаго дома есть хозяинъ.

А здѣсь приходи, когда хочешь, ложись на голый полъ и спи.

Чтобы пробраться къ этому дому, потребовался добрый десятокъ минутъ.

— Сюда, баринъ! Шагайте смѣлѣе! Ничего, становитесь!—кричали мнѣ обитатели того дома, подбрасывая дощечки въ невылазную, зловонную грязь: обитатели дома не любятъ ни за чѣмъ ходить далеко.

Окна всѣ выставлены. Рамъ нѣтъ. Мебели, конечно, никакой! Чтобы мнѣ присѣсть, притащили откуда-то соединенными усиліями чурку.

И вотъ я сижу въ пустомъ домѣ на чуркѣ, а передо мною стоятъ безъ шапокъ восемь „домовладѣльцевъ“.

И мы бесѣдуемъ о ихъ „владѣніяхъ“.

У всякаго изъ нихъ есть свой домъ гдѣ-нибудь на поселкѣ. Домъ, выстроенный „для правовъ“, чтобъ имѣть право черезъ пять лѣтъ получить крестьянство и уѣхать „на ту сторону“, „на материкъ“.

— Что же ты не живешь въ своемъ домѣ?—спрашиваю наудачу у перваго попавшагося.

— Да въ немъ и жить нельзя!—улыбается онъ.—Въ немъ, вашескобродіе, ежели порядочнымъ пѣтуху да курицѣ, не приведи имъ Господь, вдвоемъ жить доведется,—онъ другъ друга задушатъ!—иронизируетъ онъ надъ своимъ „домомъ“.

Остальные одобрительно улыбаются: и у нихъ дома такіе же.

— Зачѣмъ же ты такой строилъ?

— Зачѣмъ на Сакалинѣ дома строятъ! Извѣстно, для правовъ.

— Что жъ, у тебя хозяйство, что ли было?

— Какое, вашескобродіе, хозяйство можетъ быть? Одно слово: Сакалинъ! Да я, вашескобродіе, позвольте вамъ доложить, и что съ ей дѣлаютъ, съ землей-то, не знаю. Отродясь не занимался.

— Что же, ты мастерство какое знаешь?

— Такъ точно. Мастерство знаю. Только мнѣ по моему мастерству здѣсь дѣлать нечего.

— Кто же ты?

— Литографъ.

Литографу, дѣйствительно, на Сахалинѣ, гдѣ ни одного и литографскаго камня-то нѣтъ, дѣлать нечего.

— Ну, а ты?

— Мы—плотники.

— Ну, плотнику легче найти работу.

— Гдѣ жъ ее тутъ найдешь?! Поселенцу

платить нечѣмъ. Самъ бьется, какъ ни на есть сколачиваетъ. А то у тѣхъ беретъ, кто на материкъ уѣзжаетъ. А господъ, на которыхъ бы работать, у насъ, сами изволите знать, нѣту.

— Ну, а ты кто?

— Печники будемъ.

Опять та же пѣсня: поселенецъ самъ печи кладетъ, платить нечѣмъ, а „господъ“ нѣту.

— Ты?

— По торговой части занимался... Дозвольте вамъ, вашескородіе, замѣтить, для житья прямо никакихъ способовъ нѣтъ. Питаться нечѣмъ. Казеннаго пайка не даютъ... прекратили.

— Да вѣдь не можетъ же казна васъ всю вашу жизнь кормить!

— Оно, конечно, такъ... Справедливо изволите говорить! Только и намъ безъ пищи жить тоже никакъ невозможно.

— Зачѣмъ же вы сюда пришли, въ постъ?

— Работу найти думали. Какъ можно, все-таки постъ! Не поселье дикое.

— Ну, и что же? Нашли здѣсь работу?

— Нѣтъ! Какая здѣсь работа! На промыслахъ на рыбныхъ все японцы. Вонъ Крамаренковъ господинъ, ему отъ казны вспомоществованіе вышло, каторжными ему и заводъ весь выстроили,—а онъ японцами работаетъ!

— Что жъ вы здѣсь дѣлаете, однако? Работаете хоть что-нибудь?

— Такъ, придется что—работаемъ. Какая здѣсь работа!

— Такъ слоняетесь?

— Такъ слоняемся.

— Воруете?

— Что здѣсь у нихъ украдешь,—самимъ жрать нечего!

— Ну, а сейчасъ чѣмъ занимались, какъ мнѣ придти?

— Такъ... говорили промежъ себя...

— Врете, братцы. Въ карты, небось, играли? Говорите,—никому не скажу!

„Домовладѣльцы" переглядываются и улыбаются.

— Такъ точно: играли.

У всей компаніи оказалось въ общей сложности 48 копеекъ, которыя они цѣлый день и стараются изо всѣхъ силъ выиграть другъ у друга.

Гдѣ они достали эти 48 копеекъ?

Заработали?

Возможно.

Украли?

Вѣроятно.

Домъ, стóящій болѣе 200 рублей, заставляетъ предполагать, что владѣлецъ его живетъ въ достаткѣ; на самомъ дѣлѣ есть поселенцы, вышедшіе изъ тюрьмы относи-

тельно богатыми; каторжники, видя себя оторванными отъ общества, стараются и здѣсь основать хотя маленькое общество, но похожее на то, части котораго они больше уже не составляютъ. Достаточный классъ можетъ быть подраздѣленъ на четыре группы: прежде всего стоятъ люди, которые были сосланы, владѣя уже небольшимъ капиталомъ; потомъ идутъ тѣ, которые отъ всего сердца принялись за работу, обработываютъ землю или честно и старательно занимаются какимъ-либо ремесломъ; наконецъ, идутъ хищническіе торговцы и люди живущіе *службой*. Остальная часть населенія—и самая многочисленная — состоитъ изъ людей, которые по лѣности, по несчастію или по дряхлости живутъ въ нищетѣ, часто въ порокѣ и почти всегда готовы на нечистое дѣло.

Наиболѣе зажиточные скоро пріобрѣтаютъ тонъ нашихъ мѣщанъ и капиталистовъ, съ презрѣніемъ и негодованіемъ говорятъ о преступленіяхъ своихъ бывшихъ товарищей и обвиняютъ полицію, что она не исполняетъ своихъ обязанностей.

Правда, что здѣсь не проходитъ ни одного дня, чтобы не было отмѣчено нѣсколь-

ко кражъ даже въ одномъ селеніи, да и убійства здѣсь очень часты. Существуютъ цѣлыя шайки, живущія въ лѣсу и наводящія ужасъ на поселенія; онѣ не довольствуются только воровствомъ, онѣ и убиваютъ, а иногда здѣсь даже встрѣчаются голодные каторжники, которые убивали только затѣмъ, чтобы утолить свой голодъ человѣческимъ мясомъ.

Поселенцы могутъ доставать предметы, въ которыхъ нуждаются, обращаясь къ обществамъ вспомоществованія, находящимся въ большихъ селеніяхъ. Эти общества задались цѣлью продавать по дешевой цѣнѣ необходимые крестьянамъ предметы; есть также лавочки, которыя получили спеціальное разрѣшеніе на продажу табаку. Общества эти продаютъ намного дороже другихъ лавочекъ, такъ какъ они покупаютъ товаръ черезъ коммиссіонеровъ вмѣсто того, чтобы получать его изъ первыхъ рукъ; если все, что разсказывается, правда, то здѣсь происходитъ масса возмутительнаго, но чиновники не могутъ ничего говорить, потому что данныя общества охотно отпускаютъ имъ въ кредитъ, а сдѣланные долги принуждаютъ ихъ къ молчанію.

Никто, а тѣмъ болѣе общества вспомоществованія не могутъ продавать водки; но приказчики и даже значительные чиновники частенько контрабанднымъ способомъ производятъ торговлю алкоголемъ. Каторжники какую угодно цѣну заплатятъ за бутылку водки; они продали бы своихъ женъ и дочерей тому, кто предложилъ бы имъ немного водки. На Рождество, на Пасху, 1 октября и 1 января каждый поселенецъ получаетъ по четверти литра водки; и это для ссыльныхъ самые прекрасные дни въ году, которыхъ они всегда ждутъ съ нетерпѣніемъ; тогда происходитъ поголовное пьянство. Раздачу водки производитъ староста, родъ представителя деревни, избираемый своими товарищами. Староста же обязанъ нанимать и платить пастуху, стерегущему деревенское стадо, и ночныхъ сторожей; онъ отсылаетъ больныхъ въ больницу, починяетъ дороги и мосты. Если онъ въ хорошихъ отношеніяхъ со сторожевымъ солдатомъ, то онъ можетъ сговориться съ нимъ въ массѣ мелкихъ нечистыхъ выгодъ; вообще онъ закрываетъ глаза на нѣкоторые факты; напримѣръ, онъ никогда не доноситъ на крестьянъ, если они устра-

иваютъ водко-очистительный заводъ въ лѣсу, что случается очень часто, хотя и строго наказывается закономъ. Есть цѣлыя деревни, которыя занимаются выдѣлкой самымъ примитивнымъ способомъ водки, и всѣ закрываютъ на это глаза до тѣхъ поръ, пока не разразится скандалъ; тѣ, кто покупаетъ и пьетъ водку, чувствуетъ себя отъ этого прекрасно, незаконные заводчики извлекаютъ изъ этого пользу, а тѣ, кто долженъ былъ бы донести, старосты или часовые солдаты, молчатъ, потому что и они находятъ въ этомъ значительную для себя выгоду.

Вотъ каковы плачевные нравы и странное положеніе вещей на островѣ; что же дѣлается, чтобы просвѣтить и навести на хорошій путь ссыльно-поселенцевъ? Полагаютъ, что для исправленія ихъ достаточно трехъ средствъ: женщинъ, дѣтей и священниковъ.

На Сахалинѣ есть два сорта женщинъ: ссыльныя и добровольныя. Первая вышла замужъ послѣ пріѣзда на Сахалинъ; было время, когда ее отдавали какому-либо поселенцу, смотря по распоряженію начальника округа и даже никогда не спрашивая ея; теперь требуется согласіе женщины. Это

на самомъ дѣлѣ не бракъ, а законное сожительство, которое рѣшается и разрѣшается начальникомъ округа по просьбѣ заинтересованныхъ сторонъ, представленной поселенческимъ надзирателемъ. Бракъ часто бываетъ невозможенъ, потому что иногда является сомнѣніе въ личности кого-либо изъ супруговъ, который отказался сказать свое имя или представилъ очевидно ложныя бумаги. Иногда одинъ изъ нихъ женатъ или состоитъ въ замужествѣ въ Россіи, а разводъ не объявленъ. Однако тѣмъ, кто проситъ этого, позволяютъ устраиваться по семейному: они обѣщаютъ только освятить свой союзъ, какъ только позволитъ законъ. На самомъ дѣлѣ это обѣщаніе никогда не держится, семья распадается, и я зналъ одного ссыльнаго, который былъ уже въ третьемъ сожительствѣ, хотя всегда давалъ обѣщаніе жениться.

Вотъ какъ рисуютъ ссыльнокаторжныхъ женщинъ другіе писатели. И. П. Миролюбовъ пишетъ:

Въ поселеньяхъ на Сахалинѣ живутъ два разряда женщинъ: однѣ—какъ сосланныя за преступленія, другія—свободнаго состоянія, добровольно послѣдовавшія сюда за

своими мужьями, осужденными на каторжныя работы.

Между ними громадная разница.

Сосланная женщина, очень часто нравственно испорченная сожительствомъ съ другими преступницами въ пересыльныхъ тюрьмахъ и въ дорогѣ, скоро познаетъ свою силу на Сахалинѣ. Она нужна тутъ. Какая бы она ни была,—хорошая или худая, здоровая или больная, молодая или старая, красивая или некрасивая,—она всегда здѣсь найдетъ себѣ сожителя. А коль скоро она поступила въ домъ къ какому-нибудь мужику, начальство сейчасъ же освобождаетъ ее отъ каторжныхъ работъ.

Въ 1893 г. ссыльныхъ женщинъ освободили отъ унизительнаго тѣлеснаго наказанія.

Такъ какъ весь режимъ на островѣ поддерживается плетями и розгами, то съ уничтоженіемъ для женщинъ грубыхъ наказаній онѣ стали какъ бы внѣ закона. Сахалинское начальство сдѣлалось безсильно по отношенію къ нимъ. Ужъ если уничтожать тѣлесное наказаніе, то слѣдовало бы это сдѣлать сразу для всего населенія острова, для мужчинъ и женщинъ безразлично, и выработать другія сдерживающія начала отъ повторенія преступленій.

Съ освобожденіемъ женщинъ, сожительствующихъ съ поселенцами, отъ каторж-

ныхъ работъ, ихъ не лишаютъ пищевого довольствія и казенной одежды во все время, пока не кончится назначенное имъ число лѣтъ каторги.

Насколько каторжныя бабы высокомѣрны, разнузданны, щеголихи, настолько задавлены, забиты и жалки женщины свободнаго состоянія, пришедшія сюда или по любви къ мужу, или по бѣдности и претерпѣннымъ униженіямъ дома, въ деревнѣ. Ихъ и внѣшній видъ настолько различенъ, что сахалинцы съ одного взгляда вѣрно опредѣляютъ: каторжная прошла или свободная.

— Ахъ, ты, шлюха,—ворчитъ про себя поселенецъ вслѣдъ каторжанкѣ;—въ Россіи, поди, въ лаптяхъ ходила, а здѣсь, вишь, какъ щеголяетъ: высокіе сапожки съ мѣдными подковками.

Конечно, каждая ссыльная женщина норовитъ попасть въ сожительницы къ болѣе состоятельному надзирателю или поселенцу. И пока молода и считается „рабочею“, она разборчива и мѣняетъ, случается, не одинъ разъ своего сожителя; но съ годами женщина и на Сахалинѣ старается потѣснѣе связать свою судьбу со своимъ избранникомъ и довести союзъ съ нимъ до законнаго брака.

Съ экономической стороны для поселенца гораздо выгоднѣе имѣть хозяйкою въ домѣ

каторжанку, чѣмъ свою россійскую законную жену, потому что послѣдняя, какъ женщина свободнаго состоянія, не получаетъ казеннаго продовольствія. Правда, если у нея есть дѣти, ей даютъ для нихъ отъ казны небольшія кормовыя деньги, но этого права не лишается и ссыльнокаторжная.

Обыкновенно мужья сами, еще съ дороги на Сахалинъ, начинаютъ письмами вызывать къ себѣ своихъ женъ, оставленныхъ въ Россіи. А пріѣдутъ онѣ на островъ, ихъ мужья, загрубѣвщіе въ каторжной обстановкѣ, вмѣсто благодарности, примутся возмутительно ругать несчастныхъ женщинъ:

— Къ чему сюда пріѣхала, да еще охапку дѣтей привезла?! Чѣмъ я васъ буду кормить? Умѣла пріѣхать, умѣй и копейку заработать!... Законная! А что мнѣ толку въ тебѣ, законной?

Въ концѣ концовъ послѣ ежедневно повторяющейся ругани и колотушекъ „законная жена“ идетъ съ плачемъ и рыданіемъ зарабатывать позорнымъ ремесломъ двугривенные.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ грустныхъ картинокъ законнаго сожительства на Сахалинѣ.

Мужъ сидитъ на лавкѣ и штопаетъ протоптанныя чуни. Двое маленькихъ ребятишекъ завтракаютъ картошкой съ солью. Мать возится съ жестяными котелками у

печки. Вдругъ отворяется дверь, и вваливается солдатъ мѣстной команды въ большой черной папахѣ на головѣ.

— Здорово будете!—гаркаетъ солдатъ и, растопыривъ ноги, становится фертомъ посреди избы.

Хозяйка еще усерднѣе захлопочетъ около печки, отвернувшись отъ солдата, а мужъ, тоже не глядя на него, недовольно подымается, натягиваетъ на себя тулупъ и затыкаетъ за поясъ топоръ.

— Ну, мнѣ пора въ тайгу за бревномъ,— бурчитъ онъ сквозь зубы, ни къ кому собственно не обращаясь, и выйдетъ изъ избы.

И такая торговля женою среди бѣлаго дня!

Я самъ былъ не разъ свидѣтелемъ крайне печальныхъ картинъ здѣшней семейной жизни и всегда ужасался за участь сахалинскихъ дѣвочекъ. Если мужъ сознательно толкаетъ на позоръ свою жену, то про дѣтей и говорить нечего. Да и весь сахалинскій бытъ таковъ, что поневолѣ приходится мириться съ своеобразнымъ понятіемъ о цѣломудріи.

Напримѣръ, въ общественныхъ баняхъ Рыковскаго селенія мужчины и женщины моются вмѣстѣ.

Правда, въ тюрьмѣ женщины ходятъ въ баню особо отъ мужчинъ, но зато отхожее

мѣсто на дворѣ общее. Мнѣ кажется, надо потерять женщинѣ остатки всякаго стыда, чтобы позволить себѣ войти сюда въ толпу мужчинъ... Ко многому я приглядѣлся на Сахалинѣ, но эти картины всегда меня возмущали. Впрочемъ, въ мое время нельзя было требовать отъ смотрителей уваженія цѣломудрія женщины, когда они могли во всякое время приказать мужикамъ публично наказать ее розгами.

В. М. Дорошевичъ по этому же поводу описываетъ слѣдующій случай.

Что за фантастическая картина! Гдѣ, когда по всей Россіи вы увидите что-нибудь подобное.

— Богъ въ помощь, дядя!

— Покорнѣйше благодарствуемъ, ваше высокоблагородіе! Ты бы привстала,—видишь, баринъ идетъ!—говоритъ мужикъ, вытаскивающій изъ печи только-что испеченный хлѣбъ, въ то время какъ баба, развалясь, лежитъ на кровати.

Баба нехотя начинаетъ подниматься.

— Ничего, ничего! Лежи, милая. Больна у тебя хозяйка-то?

— Зачѣмъ больна?—недовольно отзывается баба, снова принявшая прежнее положеніе.—Слава Те, Господи!

— Что жъ лежишь-то? Нескладно оно какъ-

то выходитъ. Мужикъ—и вдругъ бабьимъ дѣломъ занимается: стряпаетъ.

— Ништо ему! Чай, руки-то у него не отвалятся... Свои — не купленыя. Пущай потрудится!

— Да вѣдъ срамъ! Ты бы встала, поработала!

— Пущай ее, ваше высокоблагородіе! Баба!—какимъ-то извиняющимся тономъ говоритъ мужикъ, видимо, въ теченіе всей этой бесѣды чувствующій себя ужасно сконфуженнымъ.

— Больно мнѣ надоть! Дома поработала,— будетъ. Дома, въ Рассеѣ, работала да и здѣсь еще стану работать! Эка невидаль! Можетъ и онъ мнѣ потрафить. А не желаетъ, кланяться не буду. Меня вонъ надзиратель къ себѣ въ сожительницы зоветъ. Ихъ, такихъ-то, много. Взяла,—да къ любому пошла!

Баба—костромичка, выговоръ сильно на „о“, говоритъ необычайно нахально, съ какимъ-то необыкновенно наглымъ апломбомъ.

— Но, но! Ты не очень-то! Разговорилась!—робко, видимо только для соблюденія приличія, осаживаетъ ее поселенецъ.— Помолчала бы!

— Хочу—и говорю. А не ндравится,— хоть сейчасъ, съ полнымъ моимъ удовольствіемъ! Взяла фартукъ и пошла. Много

васъ такихъ-то, безрубашечныхъ! Ищи себѣ другую,—молчальницу!

— Тфу ты! Вередъ-баба,—конфузливо улыбается мужикъ,—прямо вередъ.

— А вередъ,—такъ и сойти вередъ можетъ. Сказала,—недолго.

— Да будетъ же тебѣ! Слова сказать нельзя. Ну, тебя!

— А ты не запрягъ, такъ и не нукай! Я тебѣ не лошадь, да и ты мнѣ не извозчикъ!

— Тфу ты!

— Не плюй. Проплюешься. Вотъ погляжу, какъ ты плеваться будешь, когда къ надзирателю жить пойду...

— Ты какого, матушка, сплава?—обращаюсь я къ ней, чтобы прекратить эту дикую, нелѣпую, возмутительную сцену.

— Пятаго года.

— А за что пришла?

— Пришла-то за что? За что бабы приходятъ? За мужа.

— Что жъ, сразу къ этому мужику въ сожительницы попала?

— Зачѣмъ сразу! Третій ужъ. Третьяго смѣняю.

— Что жъ тѣ-то плохи, что ли, были? Не нравились?

— Извѣстно, были бы хороши,—не ушла бы. Значитъ, плохи были, ежели я ушла. Ихняго брата, босоногой команды, здѣсь

сколько хошь: ѣшь, не хочу! Штука не хитрая. Пошла къ поселеній смотрителю: не хочу жить съ этимъ, назначьте къ другому.

— Ну, а если не назначатъ? Ежели въ тюрьму?

— Не посадятъ. Небойсь, нашей-то сестры здѣсь не больно много! Ихъ, душегубовъ, кажинный годъ табуны гонятъ, а нашей сестры мало. Кажный съ удовольствіемъ...

Становилось прямо невыносимо слушать эту наглую циничную болтовню, эти издѣвательства опухшей отъ сна и лѣни бабы.

— Избаловалъ ты свою бабу!—сказалъ я, выходя изъ избы, провожавшему меня поселенцу.

— Всѣ онѣ здѣсь, ваше высокоблагородіе, такія,—все тѣмъ же извиняющимся тономъ отвѣчалъ онъ.

— Меня баловать неча! Сама набалована!—донеслось изъ избы.

Я далъ поселенцу рублишко.

— Покорнѣйше благодарствую вашей милости!—какъ-то необыкновенно радостно проговорилъ онъ.

— Постой! Скажи, по чистой только совѣсти, на что этотъ рубль дѣнешь? Пропьешь или бабѣ что купишь?

Мужикъ съ минуту постоялъ въ нерѣшительности.

— По чистой ежели совѣсти?—засмѣялся

онъ.—По чистой совѣсти, полтину пропью а на полтину ей, подлой, гостинцу куплю!

Черезъ день, черезъ два я проходилъ снова по той же слободкѣ.

Вдругъ слышу—жесточайшій крикъ.

— Батюшки, убилъ! Помилосердуйте, убиваетъ, разбойникъ! Ой-ой-ой! Моченьки моей нѣтъ! Косточки живой не оставилъ! Зарѣжетъ!—пронзительно визжалъ на всю улицу женскій голосъ.

Сосѣди нехотя вылѣзали изъ избъ, глядѣли кто оретъ, махали рукой и отправлялись обратно въ избу:

— Началось опять!

Вопила, сидя на завалинкѣ, все та же опухшая отъ лѣни и сна баба.

Около стоялъ ея мужикъ и, видимо, уговаривалъ.

Грѣшный человѣкъ: я сначала подумалъ, что онъ потерялъ терпѣніе и „поучилъ“ свою сожительницу.

Но, подойдя поближе, я увидѣлъ, что тутъ было что-то другое.

Баба сидѣла, правда, съ растрепанными волосами, но орала какъ-то спокойно, совсѣмъ равнодушно и терла кулаками совершенно сухіе глаза.

Увидѣвъ меня, она замолчала, встала и ушла въ избу.

— Ахъ, ты! Вередъ-баба! Прямо вередъ!— растерянно бормоталъ мужикъ.

— Да что, ты „поучилъ“, можетъ, ее? Билъ?

— Какое тамъ!—съ отчаяніемъ проговорилъ онъ.—Пальцемъ не тронулъ! Тронь ее, дьявола! Изъ-за полусапожекъ все. Вынь ей да положь полусапожки. „А то,—говоритъ,—къ надзирателю жить уйду!“ Тфу ты! Вопьется этакъ-то, да и ну на улицу голосить, чтобы всѣ слышали, будто я ее тираню, и господину смотрителю поселеній подтвердить могли. А гдѣ я возьму ей полусапожки, подлюгѣ?

Вотъ вамъ типичная, характерная, обычная сахалинская „семья“.

Вторая категорія женщинъ интереснѣе; она состоитъ изъ храбрыхъ женщинъ, добровольно пошедшихъ за своими преступными мужьями. Но если ссыльныя женщины ничего не стоятъ, то и добровольно явившіяся сюда къ несчастію слишкомъ быстро портятся. Ссыльно-каторжные, состоящіе въ законномъ или незаконномъ бракѣ, больше не работаютъ, а живутъ проституціей своихъ женъ, которыхъ они продаютъ или проигрываютъ въ карты.

Каковы дѣти могутъ произойти отъ подобныхъ родителей? Думайте сами. Поколѣнія, рождающіяся на каторгѣ, бываютъ испорченнѣе тѣхъ, которыя предшество-

вали имъ. Дѣти занимаются самыми грязными играми, мальчики воруютъ и пьянствуютъ, а дѣвочки часто продаются съ четырнадцатилѣтняго возраста и даже самими родителями.

На островѣ открыты пріюты и школы, и надо сознаться, что съ нѣкотораго времени здѣсь, кажется, начали серьезнѣе относиться къ судьбѣ дѣтей. Чаще всего учителями бываютъ политическіе ссыльные, которые отъ всего сердца отдаются своей задачѣ, но иногда учителями состоятъ и осужденные по обычному праву, которые оказываютъ на дѣтей только пагубное вліяніе. Да и какое бы нравственное вліяніе они могли имѣть на нихъ? Въ Дербинскѣ школьной учительницей была баронесса, которая сама подожгла свой домъ, чтобы получить страховку; страстно любя игру, она рискнула на эти деньги. И вотъ дѣти воровъ и убійцъ будутъ воспитываться картожницей и поджигательницей!

Многіе чиновники понимаютъ, что надо было бы найти другія средства къ исравленію, но имъ здѣсь никто не помогаетъ. Пріѣзжающіе изъ Петербурга чиновники ничего не видятъ или, точнѣе сказать, у

нихъ нѣтъ времени видѣть; правда, обѣщаютъ они много.

Обыкновенно принято думать,—говоритъ Н. Гурьевъ, указывающій, что опытъ свободнаго заселенія Сахалина не удался совсѣмъ,—что Сахалинъ колонизировался исключительно ссыльнымъ элементомъ. Это не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ были попытки и свободной колонизаціи острова. Разсказываютъ, что еще въ 1868 году одною изъ канцелярій Восточной Сибири было рѣшено поселить на югѣ Сахалина до 25 семействъ; при этомъ имѣлись въ виду крестьяне свободнаго состоянія, переселенцы, уже селившіеся по Амуру, но такъ неудачно, что устройство ихъ поселеній одинъ изъ авторовъ называетъ плачевнымъ, а ихъ самихъ—горемыками. Это были хохлы, уроженцы Черниговской губерніи, которые раньше, до прихода на Амуръ, уже селились въ Тобольской губерніи, но тоже неудачно. Администрація, предлагавшая имъ переселиться на Сахалинъ, давала обѣщанія въ высшей степени заманчивыя. Обѣщали безвозмездно въ теченіе 2 лѣтъ довольствовать ихъ мукой и крупой, снабдить каждую семью заимообразно земледѣльческими орудіями, скотомъ, сѣменами и деньгами, съ уплатою долга черезъ пять лѣтъ, и освободить ихъ на 20 лѣтъ отъ податей и рекрутской повинности. Въ виду такихъ заманчивыхъ предложеній изъ-

явило согласіе переселиться на Сахалинъ 22 семьи, численностью въ 101 душу обоего пола.

Съ первыхъ же дней пребыванія новыхъ переселенцевъ на непривѣтливомъ островѣ ихъ начали постигать неудачи. Прибыли они на Сахалинъ при наступленіи зимы, но не было ни теплыхъ жилищъ, ни дорогъ. Пришлось тѣсниться частію въ солдатскихъ казармахъ, частію въ устроенныхъ на скорую руку шалашахъ и землянкахъ. Съ теченіемъ времени неудачи продолжались. Прежде всего администрація далеко не исполнила данныхъ ею обѣщаній. Скота выдали мало, несвоевременно и дурного качества. Выданныя сѣмена отличались дурной всхожестью, яровая рожь была перемѣшана въ мѣшкахъ съ озимою, такъ что хозяева скоро потеряли къ сѣменамъ всякое довѣріе и хотя брали ихъ изъ казны, но скармливали скоту или съѣдали сами. Такъ какъ жернововъ не было, то зеренъ не мололи, а только запаривали ихъ и ѣли, какъ кашу. Послѣ цѣлаго ряда неурожаевъ, въ 1875 году случилось наводненіе, которое окончательно отняло у переселенцевъ охоту заниматься сельскимъ хозяйствомъ на Сахалинѣ. Стали опять переселяться на другія мѣста острова. Не повезло и тутъ. Тогда стали просить позволенія переселиться въ Южно-Уссурійскій край. Десять лѣтъ, какъ милости, ожидали несчастные переселенцы

просимаго разрѣшенія, а пока кормились охотой на соболя и рыбной ловлей; только въ 1886 году получили они долго ожидаемое разрѣшеніе и отбыли въ Южно-Уссурійскій край.

Такъ неудачно кончилась первая и, къ счастію, послѣдняя попытка къ свободной колонизаціи Сахалина.

Первые невольные насельники острова изъ лицъ, ссылаемыхъ за тяжкія преступленія, начали прибывать на Сахалинъ вскорѣ послѣ трактата 1858 года, когда начали разрабатываться и каменно-угольныя копи у Дуэ. Болѣе же правильная организація сахалинской каторги относится къ гораздо болѣе позднему времени.

Глава V.

Богатства острова.—Рудники.—Посѣщеніе угольной копи.—Типъ каторжника.

Россія напрасно расходуетъ на Сахалинѣ большія деньги; ея попытка исправительнаго поселенія потерпѣла въ концѣ концовъ крахъ,—въ этомъ теперь согласны всѣ. Убѣдившись въ неудобствахъ и опасностяхъ общей тюрьмы, администрація острова, къ моему отъѣзду, собиралась сдѣлать

пробу одиночной тюрьмы, и въ Рыковскомъ былъ уже почти совсѣмъ отстроенъ большой баракъ. Боюсь, что и здѣсь результатъ будетъ не лучше. Любопытно замѣтить, что такіе люди, какъ Дриль, изучавшіе на мѣстѣ исправительную колонизацію разныхъ странъ, заявляютъ, что наименѣе несчастнымъ каторжникомъ является, можетъ-быть, русскій ссыльный; ученый спеціалистъ, котораго я только что назвалъ, однако съ достаточной строгостью критикуетъ сахалинскія тюрьмы, и когда читаешь его сочиненія, то хочется вѣрить, что въ способѣ данной ссылки лучшая изъ системъ менѣе плоха, чѣмъ другія.

Сама мысль воздѣлать еще цѣльную землю трудомъ ссыльныхъ не разбиралась сама по себѣ, но необходимо, чтобы эта земля была еще пригодна для пахоты; островъ Сахалинъ мало пригоденъ для культуры, но онъ, однако, содержитъ неоспоримыя богатства, и вотъ на разработку ихъ-то и слѣдовало бы употребить силы ссыльныхъ.

Отсутствіе гаваней, трудность проникновенія на островъ, суровость климата сдѣлаютъ то, что еще долго богатства остро-

ва не будутъ разрабатываться. Лично я мало вѣрю въ нефть, открытую на сѣверѣ острова, а въ особенности въ золотоносный песокъ, значеніе котораго жители способны слишкомъ преувеличивать. Передъ нами съ воодушевленіемъ хвастались новыми недавними находками: мѣдь, золото, серебро, мраморъ,—все есть на Сахалинѣ. Неблагоразумно было бы говорить, что горы острова не заключаютъ въ себѣ богатствъ, о которыхъ говорится, но онѣ очень мало изслѣдованы, а геологія острова еще слишкомъ мало изучена; но на русскомъ Дальнемъ Востокѣ, какъ и во всей Сибири, всякое лицо можетъ всегда показать проѣзжему путешественнику чудеснѣйшій рудникъ, и слишкомъ много людей прельщаются этими словами и иллюзіями. Когда указанныя жилы на самомъ дѣлѣ существуютъ и богаты, разработка ихъ еще въ дѣйствительности невозможна; суммы денегъ, брошенныя въ химерическое предпріятіе, превосходятъ все, что можно вообразить, и результаты намного ниже тѣхъ, которыя приносятся нѣкоторыми дѣйствительно хорошими дѣлами.

За исключеніемъ амбры, которую нахо-

дятъ въ довольно большомъ количествѣ вдоль залива Терпѣнія, будущее Сахалина, кажется, должно состоять въ угольныхъ копяхъ и, особенно, въ рыболовствѣ.

Западная часть острова спускается непрерывной покатостью къ морю, надъ которымъ она поднимается на высоту въ 1200 метровъ; если этотъ берегъ не представляетъ ни одной удобной гавани, онъ однако имѣетъ нѣсколько угольныхъ пластовъ, качество которыхъ, если вѣрить капитанамъ пароходовъ, ниже того, которое обыкновенно показывается, въ особенности въ офиц альной статистикѣ. Одинъ изъ нихъ мнѣ разсказывалъ, что этотъ уголь еще не можетъ употребляться безопасно и что онъ иногда самовозгорается, такъ что можетъ вызвать пожаръ; все, что онъ мнѣ говорилъ, подтвердилось черезъ нѣсколько дней, потому что на пароходѣ *Сунгари* начинался было пожаръ, произошедшій отъ сахалинскаго угля, еще недостигшаго полной зрѣлости! Но тѣмъ не менѣе правда, что нынѣ изъ разрабатываемыхъ угольныхъ копей извлекается болѣе 16 милліоновъ килограммовъ каменнаго угля; главныя копи въ Дуэ и во Владиміровскомъ, разрабатыва-

ющіяся управленіемъ тюремъ, и копи Мгачинскія, принадлежащія компаніи Маковскаго.

Одинъ капитанъ норвежскаго судна, бросившій якорь передъ Александровскимъ и испросившій разрѣшеніе купить угля изъ Владиміровской копи, предложилъ доставить меня до этихъ копей, расположенныхъ къ сѣверу отъ Александровска; я принялъ его предложеніе. Дорога была не особенно длинна, и мы остановились передъ какой-то узкой долиной; на берегу стояло нѣсколько домиковъ, а въ море выдвигалась деревянная довольно зыбкая плотина; замѣтна была небольшая желѣзнодорожная линія, съ узкой колеей, по которой спускались вагончики. Паровая шлюпка подвозила большія баржи, служившія для нагрузки угля.

— Въ одномъ портѣ Дальняго Востока,— сказалъ мнѣ капитанъ,—рабочіе китайцы въ три часа доставляли требуемое мнѣ количество угля; съ каторжниками у меня уйдетъ, можетъ-быть, цѣлый день!..

На самомъ дѣлѣ на плотинѣ большинство людей спало, а другіе работали лѣниво. Навстрѣчу мнѣ вышелъ какой-то чиновникъ; онъ шелъ посреди валявшихся

арестантовъ, и мы кое-кому наступали на ноги. Онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть копь и пригласилъ сѣсть въ маленькій вагончикъ, который тащила лошадь по желѣзнодорожной линіи. Кучеромъ служилъ одинъ арестантъ. Долина рѣки Владиміров, ской великолѣпна; капризный и легкій потокъ несется здѣсь съ веселымъ шумомъ по ложу изъ свѣтлыхъ камешковъ.

— Эта мѣстность мнѣ нравится,—сказалъ я.

Отвѣтилъ мнѣ не чиновникъ, а кучеръ:

— Благодарите Бога, что вы здѣсь не обязаны жить!

И это слово напомнило мнѣ дѣйствительность: я былъ еще въ каторгѣ! Мрачные- коридоры копи, темные, съ лужами воды, имѣли обычный видъ всѣхъ уже осмотрѣн· ныхъ каменноугольныхъ копей; все здѣсь было первобытно и грубо, но я въ особенности удивился тому, что не нашелъ здѣсь рабочихъ. На самомъ дѣлѣ предпріятіе это ведется плохо, надо было бы его измѣнить и продолжать болѣе раціональными средствами. Рабочими здѣсь служатъ каторжники, а разрабатывающая компанія пла-

титъ налогъ по ¼ копѣйки за 16 килограммовъ добытаго угля. Число рабочихъ установлено контрактомъ между правительствомъ и компаніей, которая вноситъ въ казначейство острова каждый день по 20 копѣекъ за взятаго ею человѣка. Если смотритель тюрьмы не можетъ представить условленнаго количества людей, то казначейство обязано выдать компаніи вознагражденіе по рублю за каждаго недостающаго человѣка; отсюда происходятъ убытки для казначейства острова и смѣты, иногда ужасныя.

Домикъ для надсмотрщика съ небольшой верандой построенъ рядомъ съ казармами, предназначенными для рабочихъ. Послѣдніе живутъ всѣ вмѣстѣ въ отвратительной грязи; лѣтомъ несчастные, конечно, не могутъ спать въ своихъ ужасныхъ баракахъ, а зимою они должны страшно страдать въ подобной атмосферѣ, которая показалась мнѣ невыносимой. Какъ только я вошелъ, арестанты попрятали свои карты; большинство изъ нихъ при моемъ входѣ играло, и сопровождавшій меня надзиратель сказалъ имъ:

— Не бойтесь ничего, можете играть!

И, повернувшись ко мнѣ, онъ прибавилъ:

— Къ чему имъ запрещать играть? Они играютъ совершенно открыто; если бы я сталъ запрещать имъ играть, то они пошли бы играть въ лѣсъ; мы не имѣемъ возможности бороться противъ этой страсти, а къ тому же она ихъ единственное развлеченіе!

А. П. Чеховъ такъ описываетъ нравственность ссыльнаго поселенія.

Одни ссыльные несутъ наказаніе мужественно, охотно сознаются въ своей винѣ и, когда ихъ спрашиваешь, за что они присланы на Сахалинъ, то обыкновенно отвѣчаютъ такъ: „За хорошія дѣла сюда не присылаютъ". Другіе же поражаютъ своимъ малодушіемъ и унылымъ видомъ, ропщутъ, плачутъ, приходятъ въ отчаяніе и клянутся, что они не виновны. Одинъ считаетъ наказаніе благомъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ только на каторгѣ узналъ Бога, другой же старается убѣжать при первой возможности и, когда его ловятъ, отмахивается дубиной. Вмѣстѣ съ закоренѣлыми, неисправимыми злодѣями и извергами живутъ подъ одною крышей случайные преступники, „несчастные", невинно-осужденные. И потому ссыльное населеніе, когда затрогивается

вопросъ объ его нравственности вообще, производитъ чрезвычайно смѣшанное и спутанное впечатлѣніе, такъ что при существующихъ способахъ изслѣдованія едва ли возможны по этому вопросу какія-либо серьезныя обобщенія. О нравственности населенія судятъ обыкновенно по цифрамъ, опредѣляющимъ преступность, но въ отношеніи къ ссыльной колоніи даже этотъ обычный и простой способъ оказывается непригоднымъ. У ссыльнаго населенія, живущаго при ненормальной, исключительной обстановкѣ, своя особая, условная преступность, свой *уставъ*, и преступленія, которыя мы считаемъ легкими, здѣсь относятся къ тяжелымъ, и, наоборотъ, большое число уголовныхъ преступленій совсѣмъ не региструется, такъ какъ они считаются въ тюремной сферѣ явленіями обычными, почти необходимыми.

У ссыльныхъ наблюдаются пороки и извращенія, свойственные по преимуществу людямъ подневольнымъ, порабощеннымъ, голоднымъ и находящимся въ постоянномъ страхѣ. Лживость, лукавство, трусость, малодушіе, наушничество, кражи, всякаго рода тайные пороки—вотъ арсеналъ, который выставляетъ приниженное населеніе, или, по крайней мѣрѣ, громадная часть его, противъ начальниковъ и надзирателей, которыхъ оно не уважаетъ, боится и считаетъ

своими врагами. Чтобы избавиться отъ тяжелой работы или тѣлеснаго наказанія и добыть себѣ кусокъ хлѣба, щепотку чаю, соли, табаку, ссыльный прибѣгаетъ къ обману, такъ какъ опытъ показалъ ему, что въ борьбѣ за существованіе обманъ—самое вѣрное и надежное средство. Кражи здѣсь обычны и похожи на промыселъ. Арестанты набрасываются на все, что плохо лежитъ, съ упорствомъ и жадностью голодной саранчи, и при этомъ отдаютъ преимущество съѣстному и одеждѣ. Воруютъ они въ тюрьмѣ, другъ у друга, у поселенцевъ, на работахъ, во время нагрузки пароходовъ, и при этомъ по виртуозной ловкости, съ съ какою совершаются кражи, можно судить, какъ часто приходится упражняться здѣшнимъ ворамъ. Однажды въ Дуэ украли съ парохода живого барана и кадку съ квашней; баржа еще не отходила отъ парохода, но покражи найти не могли. Въ другой разъ обокрали командира, отвинтили иллюминаторы и компасъ; въ третій разъ забрались въ каюты иностраннаго парохода и утащили столовое серебро. Во время выгрузки пропадаютъ цѣлые тюки и бочки.

Ссыльный развлекается тайно, воровскимъ образомъ. Чтобы добыть стаканъ водки, который при обыкновенныхъ условіяхъ обходится только въ пятакъ, онъ долженъ тайно обратиться къ контрабанди-

сту и отдать ему, если нѣтъ денегъ, свой хлѣбъ или что-нибудь изъ одежи. Единственное духовное наслажденіе—игра въ карты—возможно только ночью, при свѣтѣ огарковъ, или въ тайгѣ. Всякое же тайное наслажденіе, часто повторяемое, обращается мало-по-малу въ страсть; при слишкомъ большой подражательности ссыльныхъ, одинъ арестантъ заражаетъ другого, и, въ концѣ-концовъ, такіе, казалось бы, пустяки, какъ контрабандная водка и игра въ карты, ведутъ къ невѣроятнымъ безпорядкамъ. Кулаки изъ ссыльныхъ на тайной торговлѣ спиртомъ и водкой наживаютъ состоянія; это значитъ, что рядомъ съ ссыльнымъ, имѣющимъ 30 — 50 тысячъ, надо искать людей, которые систематически растрачиваютъ свою пищу и одежду. Картежная игра, какъ эпидемическая болѣзнь, овладѣла уже всѣми тюрьмами; тюрьмы представляютъ собою большіе игорные дома, а селенія и посты—ихъ филіальныя отдѣленія. Дѣло поставлено очень широко, и говорятъ даже, что здѣшніе картежники-организаторы, у которыхъ при случайныхъ обыскахъ находятъ сотни и тысячи рублей, ведутъ правильныя дѣловыя сношенія съ сибирскими тюрьмами, напримѣръ съ иркутской, гдѣ, какъ выражаются каторжные, идетъ „настоящая" игра. Въ Александровскѣ уже нѣсколько игорныхъ

домовъ; въ одномъ изъ нихъ, на 2-й Кирпичной улицѣ, произошелъ даже скандалъ, характерный для притоновъ подобнаго рода: застрѣлился проигравшійся надзиратель. Игра въ штоссъ туманитъ головы, какъ дурманъ, и каторжный, проигрывая пищу и одежду, не чувствуетъ голода и холода и, когда его сѣкутъ, не чувствуетъ боли, и, какъ это ни странно, даже во время такой работы, какъ нагрузка, когда баржа съ углемъ стучитъ бортомъ о пароходъ, плещутъ волны и люди зеленѣютъ отъ морской болѣзни, въ баржѣ происходитъ игра въ карты, и дѣловой разговоръ мѣшается съ картежнымъ: „Отваливай! Два съ боку! Есть!“

А подневольное состояніе женщины, ея бѣдность и униженіе служатъ развитію проституціи. Когда я спросилъ въ Александровскѣ, есть ли здѣсь проститутки, то мнѣ отвѣтили: „Сколько угодно!“ Въ виду громаднаго спроса, занятію проституціей не препятствуютъ ни старость, ни безобразіе, ни даже сифилисъ въ третичной формѣ. Не препятствуетъ и ранняя молодость. Мнѣ приходилось встрѣчать на улицѣ въ Александровскѣ дѣвушку 16-ти лѣтъ, которая, по разсказамъ, стала заниматься проституціей съ 9 лѣтъ. У дѣвушки этой есть мать, но семейная обстановка на Сахалинѣ далеко не всегда спасаетъ дѣвушекъ отъ гибели. Разсказываютъ про цыгана, который продаетъ своихъ дочерей и при

этомъ самъ торгуется. Одна женщина свободнаго состоянія въ Александровской слободкѣ держитъ „заведеніе“, въ которомъ оперируютъ только однѣ ея родныя дочери. Въ Александровскѣ вообще развратъ носитъ городской характеръ. Есть даже „семейныя бани“, содержимыя жидомъ, и уже называютъ людей, которые промышляютъ сводничествомъ.

Самое ужасное наказаніе здѣсь,—*пишетъ И. П. Миролюбовъ*,—когда отнимаютъ всякую надежду на освобожденіе или растягиваютъ ее на столько лѣтъ (послѣ окончанія каторги надо пробыть шесть лѣтъ поселенцемъ и десять крестьяниномъ, чтобы получить право возвращенія въ предѣлы Европейской Россіи), что человѣкъ, наконецъ, теряетъ терпѣніе и осахалинивается.

Одни изъ интеллигентыхъ ссыльныхъ, послѣ мучительныхъ колебаній, наконецъ, рѣшаются основательно засѣсть на островѣ и берутъ къ себѣ въ домъ каторжную бабу. Тамъ пойдутъ дѣти, а съ ними появится естественная привязанность къ сахалинской семьѣ. Другіе крѣпятся, ведя нормальную жизнь и мечтая о будущемъ семейномъ счастьѣ въ Россіи. А, между тѣмъ, лучшіе годы уходятъ, показывается преждевременная сѣдина, наглядно приближается старость. Это сознаніе, что почти вся жизнь проходитъ въ какомъ-то обманчивомъ ожиданіи,

сильно гнететъ человѣка. Онъ дѣлается болѣзненнымъ, нервнымъ, недовольнымъ, раздражительнымъ. Страшно видѣть, какъ ссыльный на Сахалинѣ мучится и нравственно и физически! И вотъ, если смерть не подкрадется въ видѣ чахотки или какой другой болѣзни, несчастный страдалецъ кончаетъ съ собой пулей, стрихниномъ. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣгаютъ къ общепринятому утѣшенію въ горѣ—къ водкѣ. Если свободные люди и притомъ семейные, хорошо обезпеченные, занимающіе почетное положеніе на Сахалинѣ, не выдерживаютъ здѣшней жизни и запиваютъ свою тоску водкою, то чего же можно требовать отъ ссыльнаго!

Въ Тымовскомъ округѣ нѣтъ открытой продажи спирта. Его привозятъ для ссыльныхъ поселенцевъ только наканунѣ большихъ праздниковъ изъ Александровскаго поста. Привозъ спирта въ Рыковское—цѣлое событіе! Въ одинъ мигъ со всѣхъ концовъ соберется толпа мужиковъ и бабъ съ бутылками въ общественную избу. Каждому отольютъ по мѣркѣ, сколько назначено начальникомъ. Я зналъ только одного человѣка на Сахалинѣ, который не пользовался своимъ правомъ купить бутылку спирта изъ казны, остальные всѣ домогались получить какъ можно больше всеутѣшающаго напитка, если не для себя, то для продажи.

На Сахалинѣ для непьющаго человѣка спиртъ самая доходная статья. Самъ онъ платитъ по казенной расцѣнкѣ, а беретъ съ другого ссыльнаго въ четыре, пять разъ дороже, особенно если онъ попридержитъ свой спиртъ въ концу праздниковъ. Иногда въ Рыковскомъ селенiи еще далеко до окончанiя святокъ или Свѣтлой недѣли выпивается весь запасенный спиртъ; тогда идутъ въ лавку еврейки Манихи и покупаютъ у нея одеколонъ. На Сахалинѣ пьютъ всякую мерзость, лишь бы чувствовался спиртъ. Лакъ, политура, духи и даже аптечныя тинктуры—все годится здѣшнему пьяницѣ. Отъ иного ссыльнаго мужика разитъ одеколономъ за нѣсколько шаговъ.

Случилось, что у одного надзирателя изъ ссыльныхъ русская душа разошлась во всю ширь. Пилъ онъ и спиртъ съ водою, и политуру, и одеколонъ. Вдругъ онъ увидѣлъ на полкѣ дорогой флаконъ съ духами.

— Давай духовъ! Знай нашихъ!..

А на другой день на немъ лица не было: такъ разнесло его отъ всѣхъ этихъ „спиртныхъ“ напитковъ.

Если какой-нибудь надзиратель позволитъ себѣ напиться въ одномъ изъ административныхъ центровъ (Александровскiй постъ, Дуэ, Рыковское и др.) и начнетъ буйствовать среди поселенцевъ и каторжныхъ, то это половина горя: здѣсь есть

кому съ нимъ управиться. Но вотъ бѣда, когда въ какомъ-нибудь отдаленномъ поселеніи напьется пьянымъ надзиратель, представляя изъ себя тамъ единственное начальство. Что съ нимъ могутъ сдѣлать беззащитные поселенцы?!

Въ Рождественскіе праздники 1893 года былъ, напримѣръ, возмутительный случай въ начинающемъ селеніи Тауланѣ, когда пьяный надзиратель Т—й вздумалъ стрѣлять изъ револьвера въ проходящихъ поселенцевъ.

Смотритель Л—ъ, самъ всегда трезвый, преслѣдовалъ пьянство въ своей тюрьмѣ всѣми возможными средствами. Однажды онъ отодралъ за пьянство одного ссыльнаго, когда-то бывшаго въ учительской семинаріи. Этотъ молодой, здоровый человѣкъ въ пьяномъ видѣ оскорбилъ, кажется, священника. Узнавъ объ этомъ, Л—ъ сейчасъ же распорядился засадить семинариста въ кандальную. На другой день вывели его для экзекуціи.

— Простите!—взмолился семинаристъ,—я позволилъ себѣ оскорбить неумышленно въ пьяномъ видѣ.

— Я тебя не наказываю за дерзость, а за пьянство. За дерзость я съ тобой не такъ бы расправился. Ложись!

— Простите!—продолжалъ умолять семинаристъ;—я со второй рюмки не могу владѣть собою и не помню, что я дѣлаю...

— Я тебя за вторую рюмку и не наказываю, а за первую. Не пей первой, никогда не будешь пить и второй. Ребята,— обращается смотритель къ старостамъ,— кладите его!

Для надзирателей, которыхъ Л—ъ не имѣлъ права наказывать розгами, онъ придумалъ другой способъ скораго отрезвленія.

— Какъ только у меня,—разсказывалъ онъ другимъ чиновникамъ,—Л—ій напьется, сейчасъ велю тащить его на полокъ въ жаркую баню, да продержу его тамъ подърядъ нѣсколько часовъ,—скоро приходитъ въ себя!

Я цѣлый день провелъ съ рабочими и на берегъ въ вагонеткѣ возвратился около десяти часовъ вечера. Меня увѣдомили по телефону (потому что на Сахалинѣ есть телефонъ! Во всемъ чувствуется недостатокъ, а телефонъ есть!), что ночью за мной зайдетъ паровой баркасъ, и я ждалъ его въ ужасномъ баракѣ, въ которомъ жилъ сторожъ, и гдѣ сейчасъ вперемѣшку другъ на другѣ спало нѣсколько каторжниковъ. По-моему отдыхъ здѣсь былъ совершенно невозможенъ: мухи летали цѣлыми сотнями съ монотоннымъ жужжаніемъ, стѣны были покрыты толстыми желтыми тараканами, ползавшими цѣлыми тучами;

иногда они забредали на потолокъ и тяжело падали оттуда намъ на лица или на руки. Какая-то смѣсь отвратительныхъ запаховъ, производимая одеждой и на половину сгнившими кожами, кухней и саломъ, животными и людьми, казалась невыносимой, какъ только вступишь въ хижину.

— Вы здѣсь видите внутренность Сахалина,—сказалъ мнѣ надзиратель;—люди живутъ въ грязи и вони, безъ развлеченій, безъ игръ, безъ семьи, безъ женщинъ!

Баркасъ прибылъ; море было спокойно, но ночь холодная; одинъ солдатъ подалъ мнѣ медвѣжью шкуру, въ которую я зябко и завернулся, несмотря на испускаемый ею запахъ; кромѣ обычныхъ матросовъ баркаса, со мной возвращалось четыре каторжника.

Я спросилъ одного изъ нихъ о его прошломъ, и онъ ничуть не затруднился отвѣтить мнѣ. Онъ, какъ и другіе, съ самымъ спокойнымъ видомъ сдѣлалъ мнѣ ужасное признаніе; онъ говорилъ монотоннымъ грубымъ голосомъ, относясь безразлично къ тому, что самъ мнѣ разсказывалъ. Родился онъ въ Уфимской губерніи на европейской сторонѣ Уральскихъ горъ; онъ могъ

бы жить въ довольствѣ, если бы захотѣлъ, но, прибавлялъ онъ, онъ не любилъ постоянно работать и имѣлъ пристрастіе къ игрѣ и къ водкѣ. Онъ сговорился съ нѣсколькими подобными себѣ, остановилъ съ ними проѣзжихъ купцовъ, которыхъ они и ограбили, раньше убивъ ихъ. Онъ былъ осужденъ на каторжныя работы, жена же на Сахалинъ за нимъ не пошла.

— Вспоминаете ли вы иногда о ней? Пишетъ ли она вамъ? Были ли у васъ дѣти?—спрашивалъ я его.

Каторжникъ разразился грубымъ смѣхомъ и, беззаботно махнувъ рукой, отвѣтилъ:

— Она слишкомъ хороша чтобы тутъ же не найти себѣ другого; она забыла меня. Что же касается ребенка, то онъ былъ еще малъ, когда я его оставилъ. Я никогда не думаю о прошломъ. Вы не знаете моей деревни?

Онъ назвалъ мнѣ ея имя; я нѣсколько разъ проѣзжалъ по тому уѣзду, въ которомъ родился онъ. Я отвѣтилъ утвердительно на его вопросъ, чтобы заставить его разсказать еще, и даже имѣлъ смѣлость описать его деревню, которой не зналъ;

но всѣ русскія деревни похожи одна на другую, и я разсказалъ ему про широкую улицу, по срединѣ которой возвышается небольшая церковь. Онъ перебилъ меня:

— Да, вѣрно, вѣрно; припомните теперь домъ, послѣдній направо отъ церкви; это былъ мой домъ, и тамъ-то я навсегда оставилъ одинокую... мать!

Произнося послѣднія слова, онъ смутился, голосъ его сдѣлался глухимъ и дрожащимъ, и вмѣсто слова мать онъ употребилъ болѣе нѣжное—мамаша! Стыдясь своего волненія, онъ удалился и началъ свирѣпо свистать, какъ бы стараясь развеселиться, но я видѣлъ, какъ онъ нѣсколько разъ подносилъ руку къ глазамъ.

Въ это время мы подходили къ насыпи утесы въ темнотѣ приняли странную форму; нѣсколько колеблющихся огоньковъ указывало намъ на мѣсто города; море молчаливо сверкало подъ свѣтомъ звѣздъ, и я меланхолично мечталъ рядомъ съ этимъ плакавшимъ каторжникомъ.

Я вступилъ въ городъ, который уже весь спалъ; кое-гдѣ на углахъ улицъ мерцали тусклые фонари; ночные сторожа, разбуженные стукомъ повозки, ударяли по

обыкновенію въ доску, чтобы доказать, что они здѣсь, готовы отогнать воровъ отъ домовъ, занятыхъ каторжниками. Моя дверь была заперта, и я постучалъ нѣсколько разъ.

— Заговорите, баринъ,—крикнулъ арестантъ, приставленный ко мнѣ въ качествѣ слуги;—въ Александровскѣ такая масса воровъ! Я открою дверь только тогда, когда вполнѣ увѣрюсь, что это дѣйствительно вы!

Глава VI.

Вопросъ о рыболовствѣ.—Японскіе рыбные промыслы.—Ихъ затрудненіе съ Россіей.—Запасы сельдей.—Сахалинская морская фауна.

Вслѣдствіе урона, который потерпѣлъ опытъ исправительной колонизаціи на Сахалинѣ, правительству приходитъ мысль воспользоваться силой и работой каторжанъ для рыбопромышленности. Эта мысль, такъ какъ она еще не доросла до исполненія могла бы быть разслѣдована, и результатъ новой эксплоатаціи будетъ не хуже того, который дала колонизація, а, можетъ-быть, даже удовлетворительнѣе, потому что здѣсь рыба составляетъ самое главное

богатство острова. Вопросъ о рыболовствѣ имѣетъ не одно только первостепенное экономическое значенiе для Сахалина: онъ можетъ также быть причиной русско-японской политики на Дальнемъ Востокѣ.

Съ начала прошлаго столѣтiя, Японiя, народонаселенiе которой возрасло уже съ поразительной быстротой, на самомъ дѣлѣ чувствовала необходимость повсюду, гдѣ только возможно, открывать рыбные промыслы; пища японцевъ въ большей части состоитъ изъ сырой или вареной рыбы. Островъ Сахалинъ лежитъ по сосѣдству со страной Восходящаго Солнца; омываемый двумя теченiями, однимъ—холоднымъ, другимъ—теплымъ, онъ представляетъ невѣроятное количество мелкихъ заливовъ, куда сельдь идетъ тѣсными стаями; рѣки и ручьи, орошающiе островъ, изобиловали семгой, которая каждый годъ бросала въ нихъ икру; берега острова сдѣлались любимымъ мѣстопребыванiемъ японскихъ рыбаковъ.

Рыба служитъ не только существенной пищей для японцевъ, она къ тому же представляетъ для нихъ удобренiе, которое японцы считаютъ лучшимъ и безъ котораго не могутъ обходиться. Богатствомъ

Японіи считаются индиго, рисъ и тутовое дерево, которымъ питаются шелковичные черви; такъ какъ населеніе увеличивается съ каждымъ днемъ, то, понятно, воздѣлываемые участки становятся все многочисленнѣе. Прежде земледѣльцы унаваживали свои поля фасолью, которая привозилась на судахъ изъ Кореи изъ портовъ Фучанъ и Чемульпо и изъ Китая, изъ портовъ Чи-фу и Тіан-тзинъ. Удобреніе, получающееся отъ шелухи фасоли, имѣетъ большое преимущество для распространенія; оно стоитъ въ пять разъ дешевле рыбнаго удобренія; но послѣднее оказываетъ разъ въ десять большее химическое дѣйствіе; поэтому, если употреблять его, то во всякомъ случаѣ получается выгода. Въ особенности японцы оцѣнили это во время китайской войны, когда имъ нельзя было являться во враждебные порты за товаромъ, въ которомъ нуждается ихъ страна.

Когда я уѣзжалъ съ Сахалина, мнѣ пришлось ѣхать съ японскимъ консуломъ, живущимъ въ Корсаковскомъ. Мой знакомый Кузе—какъ было звать его—заставилъ меня посѣтить главные города острова Іезо, по которому мы ѣхали вмѣстѣ. Іезо—самый

сѣверный островъ Японіи, самый близкій къ русскимъ владѣніямъ.

Этотъ островъ является главнымъ рынкомъ рыбы, которую доставляютъ въ Японію сахалинскіе рыбаки. Я вполнѣ легко могъ убѣдиться въ значеніи, которое цѣлый народъ придаетъ вопросу о рыболовномъ промыслѣ. Постоянно къ консулу являлись чиновники, журналисты, управляющіе таможнями, торговцы съ разспросами, правда ли, что Россія думаетъ лишить ихъ привилегій, которыми они пользовались до сихъ поръ?

Въ японскихъ моряхъ также много рыбы, но она не такъ хороша для употребленія. Сельди, прежде такія многочисленныя вокругъ Іезо, исчезли, несомнѣнно испуганныя шумомъ безчисленныхъ пароходовъ; онѣ присоединились къ тѣмъ, которыя идутъ въ спокойныя воды Сахалина. Семга, которая была прогнана въ то время, когда она хотѣла поселиться въ японскихъ рѣкахъ, намного теперь многочисленнѣе, чѣмъ прежде.

Однако именно безъ сельдей, которыя идутъ на удобреніе полей, и семги, идущей на заготовку консервовъ, японцы не мо-

гутъ обойтись. Если бы право ловить семгу на русскихъ берегахъ было отнято у нихъ, то послѣдствія такого событія были бы очень серьезны, а потеря права ловли сельдей нанесла бы еще болѣе ужасный ударъ японской промышленности; было бы разорено огромное количество промышленниковъ и торговцевъ, и вся страна пережила бы необычайно острый экономическій кризисъ.

Русскіе дипломаты, хорошо понимающіе подобное положеніе, стараются получить изъ него насколько возможно больше выгоды для представляемой ими страны. Они знаютъ, что только черезъ концессіи въ заливахъ Камчатки, гдѣ семга водится въ несмѣтномъ количествѣ, и въ заливахъ Сахалина, куда огромными массами является сельдь, Россія принудитъ Японію молчать и закрывать глаза, однимъ словомъ невольно принимать все, что, можетъ-быть, въ недалекомъ будущемъ произойдетъ на Дальнемъ Востокѣ. Англійскія газеты, выходящія въ Японіи, ежедневно натравливаютъ японцевъ противъ русскихъ, говоря имъ про Манджурію; однако Японія и Россія могутъ еще, по крайней мѣрѣ теперь,

находить какое-либо полюбовное соглашеніе въ большинствѣ случаевъ. Частью изъ-за боязни этого Англія соединилась съ имперіей Микадо.

Русскіе и японцы обязательно преувеличиваютъ другъ передъ другомъ, когда разговариваютъ между собою по вопросу о рыболовствѣ. По мнѣнію русскаго, лишить Японію права ловли сельдей, это все одно, что окончательно разорить ее. Напротивъ, японецъ будетъ увѣрять, что положеніе не такъ серьезно, что уже съ успѣхомъ были произведены опыты минеральнаго удобренія, что Японія, послѣ немного труднаго момента, выйдетъ побѣдительницей изъ затрудненій, на которыя, впрочемъ, она смотритъ очень хладнокровно.

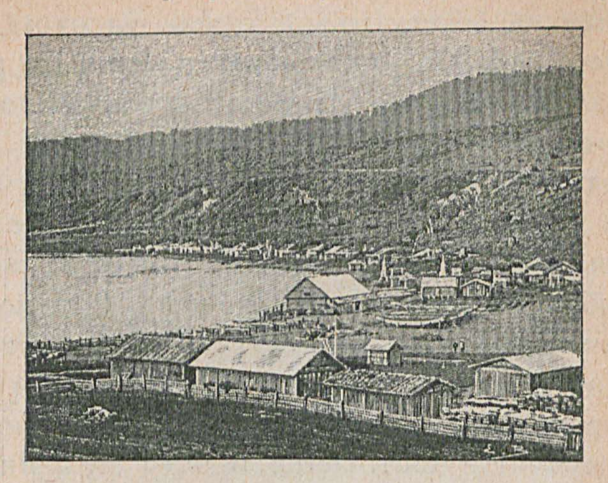
— Благодаря вопросу о сельдяхъ, у насъ есть чѣмъ давить на японцевъ,—говорилъ мнѣ одинъ русскій дипломатъ.

— Что объясняетъ мнѣ превосходство русскихъ,—говорилъ мнѣ другой дипломатъ, японецъ,—это то, что у нихъ въ этомъ отношеніи утвердительная политика, а наша отрицательная; они знаютъ, чего хотятъ, а мы знаемъ только то, чего не хотимъ.

-О чемъ, однако, русскіе не говорятъ, такъ это о томъ, что, ставя болѣе высокія права ловли или удаливъ изъ своихъ водъ суда своихъ сосѣдей и занимаясь сами рыболовствомъ, они должны будутъ искать покупателей на рыбу; во всякомъ случаѣ на континентъ они не смогутъ сбыть свой товаръ и будутъ очень счастливы, если заполучатъ японскія деньги. Если Японія не богата, то и Россія не менѣе нуждается въ деньгахъ, и вся Европа это очень хорошо знаетъ. Вопросъ, дѣйствительно очень важный для японцевъ, имѣетъ ни одну только сторону, какъ хотятъ увѣрить русскіе. Хотя южная часть Сахалина и не японское теперь уже владѣніе, но трудно будетъ убѣдить японцевъ, что они не имѣютъ завоеванныхъ и освященныхъ временемъ правъ на всю рыбу острова.

Въ настоящее время рыба, вывозимая за границу, оплачивается съ пуда пятью копейками, если вывозящій ее русскій, а если онъ иностранецъ, то семью копейками. На японскихъ торговцевъ также накладываютъ пошлину, соотвѣтствующую вмѣстимости рыболовнаго судна. Самымъ лучшимъ мѣстомъ для рыбной ловли счи-

тается восточный берегъ острова, по крайней мѣрѣ въ южной половинѣ Сахалина. На этомъ берегу въ рукахъ русскихъ про-

Маукскій рыбный промыселъ.

мышленниковъ находятся очень значительные промыслы.

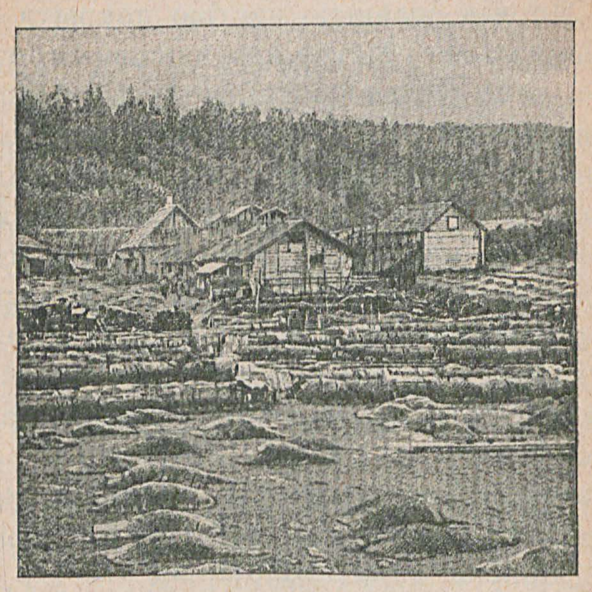
Сельди къ берегамъ Сахалина подходятъ два раза въ годъ, весной и лѣтомъ. Весной онѣ идутъ тѣсными слоями и въ многочисленныхъ мелкихъ заливахъ острова остаются около мѣсяца. Каждый годъ, въ теченіе этого періода, онѣ три раза приближаются къ берегу. Частенько случается, что одна полоса сельдей находится очень близко отъ берега во время прилива, когда

онъ высоко взбирается на берегъ; бóльшая часть рыбы бываетъ тогда застигнута отливомъ, и море уходитъ далеко, оставивъ рыбу на берегу цѣлой кучей, высотою болѣе метра. Это—прекрасная добыча для рыбаковъ, которые сгребаютъ сельдей лопатами, бросаютъ ихъ въ корзины или наполняютъ ими телѣги. Подобный случай, не особенно рѣдкій, не всегда бываетъ одинаково обиленъ, но море очень часто выбрасываетъ сельдей на берегъ. Впрочемъ, ничего нѣтъ легче испугать цѣлую стаю, и айно, мѣстные жители острова, о которыхъ я поговорю потомъ, утверждаютъ, что иногда достаточно просто ружейнаго выстрѣла, чтобы прогнать изъ залива всѣхъ рыбъ, обыкновенно входящихъ туда.

Лѣтомъ сельди не похожи на тѣхъ, которыхъ видѣли зимой; онѣ круглѣе и меньше, но мясо ихъ, напротивъ, жирнѣе и соленымъ намного нѣжнѣе. Японцы утверждаютъ, что онѣ принадлежатъ къ особой породѣ, а не составляютъ поколѣнія весеннихъ сельдей, какъ заявляютъ, несомнѣнно ошибочно, русскіе рыбаки.

Японцы на самомъ островѣ же приготовляютъ рыбное удобреніе, выдѣлываемое

ими исключительно изъ сельдей. Когда рыба наловлена, рабочіе сваливаютъ ее на берегу, бросаютъ въ большіе котлы, гдѣ варятъ ее въ небольшомъ количествѣ воды.

Приготовленіе удобренія изъ сельдей.

Когда они видятъ, что рыба достаточно проварена, ее вытаскиваютъ и кладутъ подъ прессъ, такъ, чтобы изъ нея вышли вся вода и весь жиръ, и чтобы ихъ не оставалось тамъ ни капли.

Когда это сдѣлано, японцы разстилаютъ на землю большія рогожи, которыя изго-

товляются не какъ русскія, обыкновенно изъ липовыхъ лыкъ, а изъ рисовой соломы; если липа очень многочисленна въ русскихъ лѣсахъ, то каждый также знаетъ, что Японія большею частью покрыта рисовыми полями. Масса, получающаяся послѣ того, какъ сельди вышли изъ-подъ пресса, разваливается на рисовой соломѣ и долго сушится на солнцѣ, потомъ ее накладываютъ въ мѣшки, приготовляемые изъ японскихъ циновокъ. Это удобреніе, имѣющее несравненныя химическія качества и превосходно идущее для культуры риса и индиго, дало не менѣе удовлетворительные результаты, когда съ нимъ производился опытъ по культурѣ тутовыхъ деревьевъ. Всякому извѣстно значеніе тутоваго дерева для японцевъ; всѣ большіе торговые ліонскіе дома имѣютъ въ Японіи отдѣленія и представителей, которые скупаютъ шелкъ.

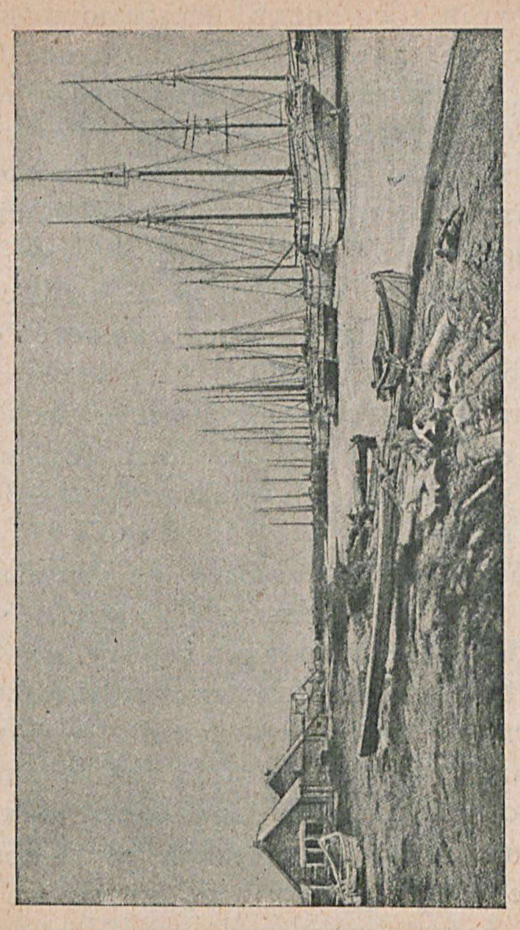
Способъ, которымъ японцы сохраняютъ рыбу, также интересенъ. Они прежде всего очищаютъ ее и солятъ; потомъ насыпаютъ на циновкахъ или мѣшкахъ толстый слой соли, на который раскладываютъ рядомъ рыбъ, но такъ, что хвостъ одной рыбы при-

ходится рядомъ съ головой другой; такъ они накладываютъ два ряда рыбы одинъ на другой, а послѣ насыпаютъ новый слой соли; потомъ кладутъ новые ряды рыбы, но перпендикулярно къ положеннымъ раньше, и такъ далѣе; такая куча иногда имѣетъ болѣе 2 метровъ высоты при $1^1/_2$ метрахъ ширины. Вокругъ циновокъ вырываются въ землѣ жолоба, по которымъ стекаетъ кровь и вода; рыба становится твердой, какъ дерево, кажется очень соленой и невкусной.

Количество сельдей, вывозимыхъ ежегодно въ Японію, въ соленомъ видѣ или въ видѣ удобренія, достигаетъ до 25—30 тысячъ пудовъ.

Рабочіе употребляются на промыслахъ не русскіе, а японцы, и я не думаю, чтобы русскіе могли исполнить работу, подобную работѣ японцевъ. Понятно, что каторжники никогда не выкажутъ рвенія свободныхъ рабочихъ, которые стараются за плату и надѣются побольше заработать; съ другой стороны, и по физической своей природѣ японецъ при рыбномъ промыслѣ на Сахалинѣ всегда сдѣлаетъ больше, чѣмъ русскій.

Первая ловля происходитъ весной, а сахалинская весна очень холодна; вода

Японскія джонки, ожидающія нагрузки рыбой.

ледяная, и, однако, японцы цѣлыми днями работаютъ въ водѣ, стоя голыми ногами

часто по колѣна въ ней. По ихъ лицу видно, что они замерзаютъ, но они, однако, мужественно занимаются своей работой, распѣвая пѣсни, чтобы забыть про суровость температуры. Выплачиваемое имъ жалованье, впрочемъ, достаточно велико, чтобы удовлетворить ихъ; но надо замѣтить, что жизнь въ Японіи не дорога и что мѣстная заработная плата показалась бы французскимъ рабочимъ смѣшной.

Между японскими рабочими на рыбныхъ промыслахъ работаютъ и уроженцы Сахалина, въ особенности на восточномъ берегу острова; тутъ работаютъ айно, гиляки и даже ороки. Эти мѣстные рабочіе оплачиваются почти исключительно натурой. Одинъ изъ нихъ говорилъ мнѣ, что каждый работникъ, мужчина или женщина, въ среднемъ получаетъ за сезонъ ловли сельдей ли семги ли нѣсколько мѣръ риса, японскую одежду, нѣсколько аршинъ ткани, клубокъ нитокъ и иголокъ, стоимостью все отъ 8 до 8½ рублей.

— Намъ всегда,—говорилъ мнѣ другой туземецъ,—даютъ табакъ и спички. А кромѣ того намъ остается много рыбныхъ костей.

Я не могъ удержаться отъ смѣха при его послѣдней выгодѣ, о которой айно заявилъ торжественно; но, какъ это видно будетъ дальше, богатство туземцевъ составляютъ собаки, шкуры которыхъ служатъ имъ одеждой, а мясо—пищей; множество рыбныхъ костей представляетъ изысканное блюдо для несчастныхъ сахалинскихъ собакъ, которыя зимою ѣдятъ не каждый день. Туземцы изъ рыбьихъ костей дѣлаютъ также стрѣлы.

Туземцы ловятъ рыбу для личныхъ своихъ надобностей въ рѣчкахъ острова; здѣсь они запасаются семгой. Семга представлена на Сахалинѣ многочисленными породами, тѣми же самыми, которыя живутъ вдоль континента и въ заливахъ Камчатки. Любопытно замѣтить, что чѣмъ сѣвернѣе живетъ эта рыба, тѣмъ качество ея лучше, тѣмъ она питательнѣе. Главными двумя породами, которыми живутъ обитатели острова, являются «горбуша» и «кета». Свѣжими эти рыбы очень вкусны, но кета лучше сохраняется въ соли, чѣмъ горбуша. Эти рыбы появляются стаями въ періодъ, предназначенный для метанія икры, и идутъ въ тотъ самый заливъ, гдѣ онѣ родились.

Онѣ идутъ такъ густо, что ихъ иногда можно брать руками; кажется, рыбы прежде было больше, а это объясняется тѣмъ, что туземцы ловятъ ихъ прежде, чѣмъ они отложатъ икру на днѣ рѣки. На Камчаткѣ, гдѣ ихъ менѣе безпокоятъ, онѣ плаваютъ такими значительными стаями, что могутъ опрокинуть рыбацкую лодку.

Другими рыбами, встрѣчающимися на Сахалинѣ въ такомъ же огромномъ количествѣ, пренебрегаютъ. Однажды я видѣлъ, какъ рыбакъ-айно съ презрѣніемъ бросилъ своей собакѣ пойманнаго имъ палтуса.

— Эта ничего не стоитъ,—сказалъ онъ мнѣ;—она годится только для собакъ.

Рѣки изобилуютъ плотвой, щуками, окунями, но въ особенности любопытна морская фауна; нигдѣ морская полярная фауна не опускается такъ низко къ югу, какъ въ Беринговомъ и Охотскомъ моряхъ, куда съ теченіями и льдами заходитъ большое количество животныхъ и рыбъ Сѣвернаго океана.

Ловля китовъ къ сѣверу отъ Сахалина началась около 1840 года. Съ 1847 года постоянно ею занимались здѣсь американскія суда; они вывозили китовый усъ

и жиръ. Всякій разъ, какъ мнѣ приходилось плыть по Корсаковскому заливу, я замѣчалъ одного или нѣсколькихъ китовъ, плавающихъ невдалекѣ отъ судна. Я видѣлъ, какъ одного при мнѣ поймало японское судно; въ другой разъ я видѣлъ, какъ китъ, несомнѣнно раненый, вылѣзъ недалеко на берегъ умереть и сгнить. Гиляки говорили мнѣ, что подобные случаи бываютъ нерѣдко и что они сами видѣли нѣсколько такихъ сценъ на восточномъ берегу острова. Они прежде ѣли мясо кита, но однажды раненый гарпуномъ китъ забрался въ устье рѣки Тыми. Съѣвшіе его гиляки большей частью перемерли, и теперь ѣсть мясо кита считается грѣхомъ.

— Это такой звѣрь,—говорилъ мнѣ разъ гилякъ,—тѣло котораго все полно злыхъ духовъ, а злые духи отравляютъ того, кто поѣстъ ихъ!

На тюленя охотятся только одни мѣстные жители, и этихъ морскихъ животныхъ, которыхъ, по мнѣнію туземцевъ, можно раздѣлить на шесть породъ, очень много по берегамъ Сахалина. Туземцы ежегодно убиваютъ ихъ въ большомъ количествѣ,

потому что часть ихъ одеждъ, а, въ особенности, обувь, мѣшки, приготовляются изъ тюленьей кожи, черной или сѣрой, а часто и съ крапинками.

Молюски и ракообразныя почти не собираются на скалахъ острова, хотя онѣ и очень многочисленны; японцы иногда проѣздомъ соберутъ нѣсколько устрицъ, а весною подбираютъ гигантскихъ крабовъ, мясо которыхъ очень вкусно. Но зато они много вылавливаютъ морской капусты, которую и отсылаютъ въ Китай, потому что китайцы очень любятъ ее и частенько подаютъ на столъ къ великому ужасу своихъ европейскихъ гостей.

Россіи было бы очень выгодно устроить на Сахалинѣ правильные рыбные промысла, поощрить созданіе рыбопромышленности, изготовленіе соленой рыбы и пр.; въ этомъ заключается источникъ богатства, важности котораго еще не сознали. До сихъ поръ Россія неправильно пробовала эксплоатировать Сахалинъ: карательная колонизація стоитъ очень дорого, а исправленія каторжники не получаютъ никакого. Одни только японцы смогли давно уже извлечь пользу изъ этого острова, по

географическому распредѣленію, японскаго, но теперь принадлежащаго русскимъ.

Глава VII.

Фауна острова. — Туземцы ороки и тунгузы. — Старая Собака и ихъ вѣрованія.

Такъ какъ въ долинахъ острова лѣсовъ очень много, то лѣсопромышленничество должно было бы вполнѣ преуспѣвать; благодаря судоходнымъ рѣкамъ, можно было бы выдѣлывать смолу и варъ; но этого ничего еще не сдѣлано, а въ лѣсахъ живетъ только одно очень первобытное населеніе, занимающееся охотой и рыбной ловлей. Охота составляетъ занятіе только части туземцевъ; изъ дикихъ животныхъ они въ особенности охотятся на обыкновенную бѣлку, потомъ на хорька, на горностая, на соболя, на выдру, на россомаху, на куницу, на лисицу; существуетъ также довольно многочисленная и крупная дичь: медвѣди, лоси, косули, дикія козы и олени; въ отношеніи птицъ здѣсь водятся тетерева, рябчики, дикіе гуси и утки и особенно большіе глухари. Ту-

земцы утверждаютъ, что теперь дичь не такъ обильна, какъ прежде; однако охота много даетъ имъ. На самомъ дѣлѣ прежде они не обращали вниманія на стоимость предметовъ, даваемыхъ имъ въ обмѣнъ за драгоцѣнные мѣха; они отдавали соболя тому, кто предлагалъ имъ негодную саблю, и теперь еще торговцы, а иногда и чиновники, при помощи водки совершаютъ прекрасныя дѣла съ гиляками или ороками.

При подобныхъ условіяхъ трудно сказать, сколько можетъ дать охота каждому охотнику, а установить статистику рыбной ловли было бы еще труднѣе. Рыбная ловля является главнымъ источникомъ жизни большей части туземцевъ острова. Рыба служитъ пищей жителей и даже пищей ихъ упряжныхъ собакъ. Къ несчастію для нихъ каторжники понемногу отнимаютъ у нихъ лучшія мѣста, и поэтому количество ловли внутри острова представляетъ большія колебанія; туземцы заявляютъ, что они до прихода русскихъ не испытывали недостатка.

— Въ прошлую зиму я долженъ былъ поѣсть своихъ собакъ, — говорилъ мнѣ

однажды наивно туземецъ, — чтобы не дать имъ умереть съ голоду!

Туземцы не охотятся на кита, но съ увлеченіемъ отыскиваютъ тюленей, очень многочисленныхъ въ устьяхъ рѣкъ.

Раньше уже я приводилъ имена обитающихъ на островѣ народовъ, и можно было видѣть, что ихъ немного; тутъ живутъ айно, гиляки, ороки и тунгузы. Я спе-

Типы ороковъ.

ціально изучалъ айно и гиляковъ, которые особенно оригинальны.

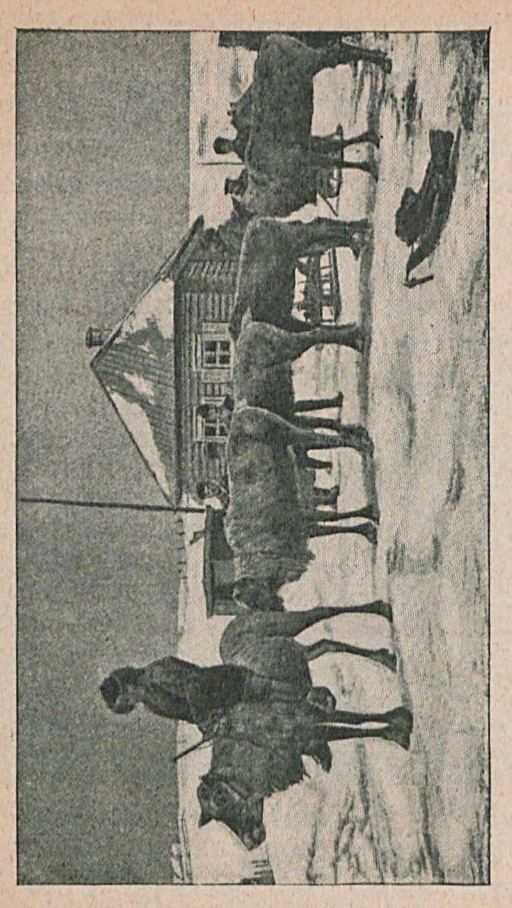
Созданіе исправительной колоніи было большимъ несчастіемъ для всѣхъ тузем-

цевъ, потому что каторжники принесли имъ только одни пороки. Всѣмъ, что сдѣлано было въ ихъ пользу, они обязаны политическимъ ссыльнымъ, которые попробовали научить ихъ обработкѣ земли; послѣдніе же пробовали привить имъ, впрочемъ напрасно, главные принципы элементарной гигіены, и, чувствуя къ нимъ жалость во время болѣзней, заботились о ихъ больныхъ и привили оспу тѣмъ, кто имѣлъ храбрость подвергнуться подобной операціи.

Ороки живутъ на восточномъ берегу, а тунгузы въ долинѣ Пороная.

Тунгузы, вмѣстѣ съ ороками, единственные туземцы острова, цѣликомъ посвятившіе себя разведенію сѣверныхъ оленей. Олень даетъ имъ большую часть ихъ пищи, одежду и порядочное количество домашнихъ предметовъ. Они говорятъ, что прежде между ними были начальники, имѣвшіе по нѣсколько тысячъ оленей, но безъ сомнѣнія на подобные разсказы надо смотрѣть, какъ на легенды. Впрочемъ, сѣверный олень единственное животное, которое можетъ жить въ тундрахъ остро-

ва, растительность которыхъ очень бѣдна породами.

Тунгузскій поселокъ.

Сахалинскіе тунгузы всѣ средняго роста, впрочемъ, крѣпкаго тѣлосложенія; грудь

широкая, мускулы сильные и явственные, особенно мускулы ногъ. Носъ у нихъ похожъ на монгольскій носъ, широкій и иногда немного сплющенный. Губы у нихъ очень толстыя, а адамово яблоко явственно выставляется наружу. Такъ какъ всѣ они смѣлые охотники, то, благодаря ежедневнымъ упражненіямъ, всѣ ихъ движенія очень гибки. Если женщины преждевременно старѣются, зато старики очень долго остаются сильными и безъ особыхъ страданій переносятъ голодъ и жажду. Ихъ языкъ очень похожъ на языкъ ороковъ, съ которымъ у него много общаго; волосы они носятъ очень короткими; частенько съ головы до ногъ они бываютъ одѣты въ оленьи шкуры. Мужъ охотится или ловитъ рыбу, жена остается дома и занимается хозяйствомъ; развлеченіемъ для нихъ служатъ повѣствованія, разсказываемыя стариками около огонька; всѣ курятъ, и даже самыя маленькія дѣвочки важно сосутъ трубку.

Тунгузы и ороки наиболѣе предпочитаемые духовенствомъ туземцы Сахалина. На самомъ дѣлѣ гиляки и айно не слушали христіанскаго ученія, и только два

первыхъ племени въ настоящее время разсматриваются, какъ исключительно состоящія изъ православныхъ, крещеныхъ, но не вѣрующихъ.

Когда я отправился осмотрѣть онорскую тюрьму, расположенную на небольшомъ холмикѣ, мы проходили черезъ одну деревню, въ которой я захотѣлъ остановиться. Кучеръ сообщилъ мнѣ гнусную исторію, ходящую про эту деревню.

— Въ этихъ домахъ живутъ разбойники, которые и скрываются тутъ,—прибавилъ онъ.

Однако мы вошли въ хижину, и нѣсколько тунгузовъ, обѣдавшихъ при нашемъ появленіи, въ ужасѣ поднялись; обѣдъ ихъ стоялъ на полу; въ одномъ горшкѣ варился кусокъ рыбы, распространяя нестерпимый запахъ, а на землѣ лежало что-то въ родѣ доски, что я принялъ за гнилое дерево, а на самомъ дѣлѣ это было мясо оленя, просаленное и высушенное на солнцѣ.

Мой кучеръ узналъ одного изъ туземцевъ и назвалъ его ругательнымъ именемъ, которое обыкновенно дается имъ русскими:

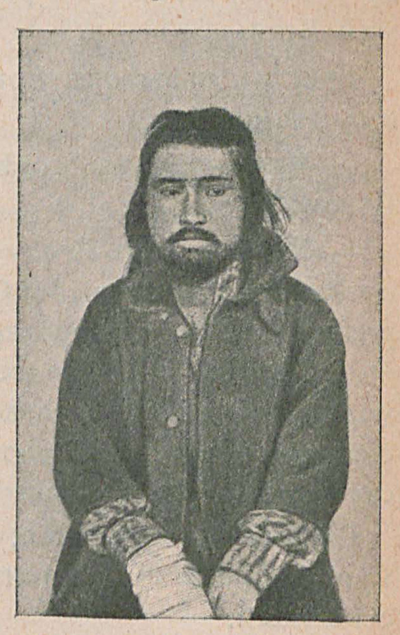
— Вотъ Старая Собака!

Въ свою очередь и я раскрылъ свой мѣшокъ съ провизіей. Когда завтракъ мой былъ готовъ, туземецъ спросилъ:

— Развѣ у тебя нѣтъ водки?

— У меня ея никогда нѣтъ; я нахожу русскую водку скверной.

Туземецъ вытащилъ бутылку, которую онъ спряталъ, когда я входилъ; теперь онъ могъ пить смѣло, когда зналъ, что я не заявлю права на свою долю.

Типъ мѣстнаго уроженца.

— Посмотрите на Старую Собаку,—сказалъ мой кучеръ;— онъ пришелъ сюда, чтобы получить водки за соболиныя шкурки!

На самомъ дѣлѣ тунгузъ пилъ почти чистый винный спиртъ, тайкомъ изготовляемый однимъ каторжникомъ въ глубинѣ лѣса.

Я спросилъ его, христіанинъ ли онъ.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—ко мнѣ приходилъ священникъ, лилъ мнѣ воду на голову и далъ чего-то въ ротъ; а потомъ далъ мнѣ Бога.

Тунгузъ называлъ Богомъ полученную имъ икону.

— Что же ты сдѣлалъ съ этимъ Богомъ?

— Я поставилъ Его у себя въ хатѣ. Я очень боялся, какъ бы Онъ не сталъ ссориться съ моими богами, но Онъ былъ очень хорошъ и велъ себя тихо. Ты думалъ, что мнѣ нельзя довѣрять? Это Богъ священниковъ, твой, то-есть Богъ арестантовъ!

Старая Собака, видя, что на мнѣ нѣтъ мундира, былъ убѣжденъ, что и я тоже ссыльный,

— Тунгузы думаютъ,—спросилъ я,—что есть боги въ огнѣ, въ воздухѣ и въ водахъ. Ты вѣришь, что есть такіе боги?

Мой собесѣдникъ громко разсмѣялся и показалъ мнѣ на бутылку съ водкой.

— Вотъ здѣсь!.. Да,—прибавилъ онъ,—вотъ здѣсь тоже сидитъ богъ, и вотъ почему

русскіе, каторжники, чиновники и прочіе такъ много пьютъ водки. Выпей ты самъ, и увидишь, какъ богъ скоро разольетъ тепло по всему тѣлу!

Я всталъ и предложилъ остатокъ своей провизіи тунгузу, который взялъ ее, не заставляя просить вновь. Потомъ онъ попросилъ меня, чтобы я никому не говорилъ, что онъ покупалъ контрабандную водку у каторжника. Я обѣщалъ все, чего онъ хотѣлъ.

— Если меня спросятъ, видѣлъ ли я Старую Собаку,—отвѣчалъ я,—то я скажу, что и не знаю его.

— Хорошо, — сказалъ онъ,—а я, когда снова вернусь въ лагерь, разскажу своимъ друзьямъ, что сегодня познакомился съ самымъ лучшимъ изъ каторжниковъ.

Глава VIII.

У гиляковъ.—Туземная деревня.—Домъ.—Платье и домашніе инструменты.—Кухня.—Мои сношенія съ туземцами.

Гиляки даютъ имя «Киле» всѣмъ тунгузскимъ народамъ. Отсюда и происходитъ названіе «Гилякъ».

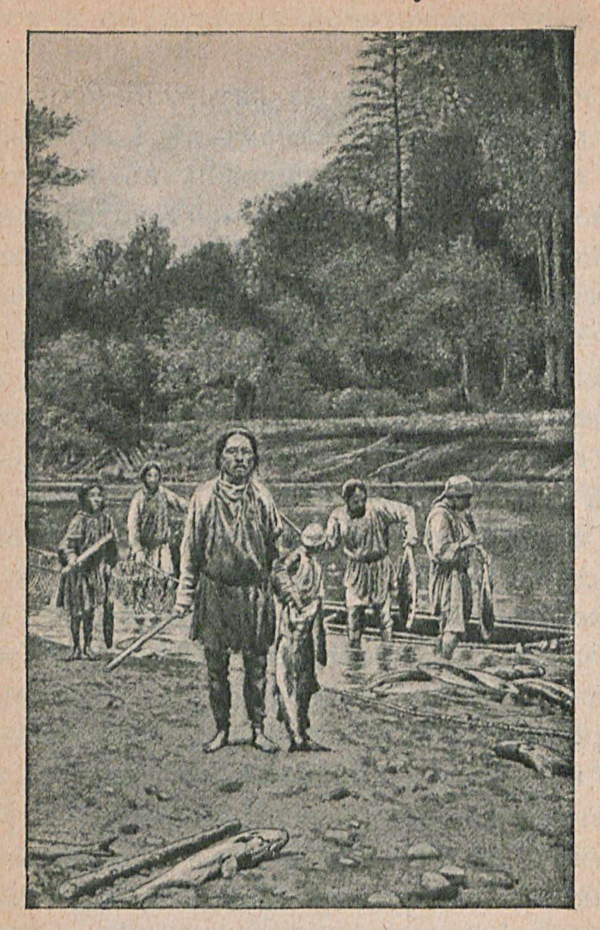
Трудно установить, когда сахалинскіе гиляки переселились съ континента; они считаютъ, что пришли изъ бассейна рѣки Амура, гдѣ и сейчасъ живутъ ихъ соплеменники. Такимъ образомъ въ настоящее время есть двѣ группы одного и того же племени, раздѣленныя Татарскимъ проливомъ, имѣющія одинаковыя вѣрованія и обычаи; онѣ очень легко понимаютъ другъ друга; но на Сахалинѣ языкъ ихъ нѣсколько иной: тамъ даже языкъ одной деревни разнится отъ языка другой. Съ точки зрѣнія антропологіи, ихъ слѣдуетъ причислить къ народамъ тунгузскаго племени, живущаго по рѣкѣ Амуру; сверхъ того, ихъ жилища, инструменты, обычаи напоминаютъ первобытное населеніе Сѣверной Америки. Сами себя они причисляютъ къ тому племени, которое они называютъ великой семьей манджуровъ, часть которой, по ихъ мнѣнію, составляютъ китайцы и японцы. На Сахалинѣ они живутъ по берегамъ Татарскаго пролива до Кусуная и вдоль берега сѣверной части океана до Невельскаго залива. Они построили многочисленныя хижины въ бассейнѣ рѣки Тыми, и вотъ туда-то я и отправился изучать

ихъ. Они имя Тыми даютъ не только рѣкѣ, на берегахъ которой живутъ, но и всему этому краю.

Отъ прибытія сюда каторжниковъ гиляки пострадали; на самомъ дѣлѣ каторжники построили свои деревни въ верхнемъ теченіи Тыми и понемногу отодвинули гиляковъ къ сѣверу и, кромѣ того, стараются отнять у нихъ лучшія мѣста рыбной ловли. Каторжники испортили нѣкоторыхъ и многихъ разорили. Гиляки часто разсказываютъ, какой они испытали ужасъ, когда въ первый разъ увидѣли бѣлыхъ, которыхъ они приняли за чудовищъ.

Гиляцкія деревни рѣдко имѣютъ болѣе шести домовъ; когда приближаешься къ какой-нибудь деревнѣ, то вдругъ въ безмолвномъ лѣсу слышишь бѣшеный лай. Передъ каждой хижиной длинная жердь, укрѣпленная на врытыхъ въ землю столбахъ, къ которой на ремняхъ, выдѣланныхъ изъ оленьей кожи привязаны собаки. Разгуливающія на свободѣ собаки подходятъ къ всякому чужому очевидно съ враждебными намѣреніями, и всякій, осмѣлившійся подойти къ хижинѣ, можетъ быть разорванъ ими;

на самомъ дѣлѣ онѣ не могутъ еще при-

Ловля рыбы гиляками.

выкнуть къ запаху бѣлой расы.

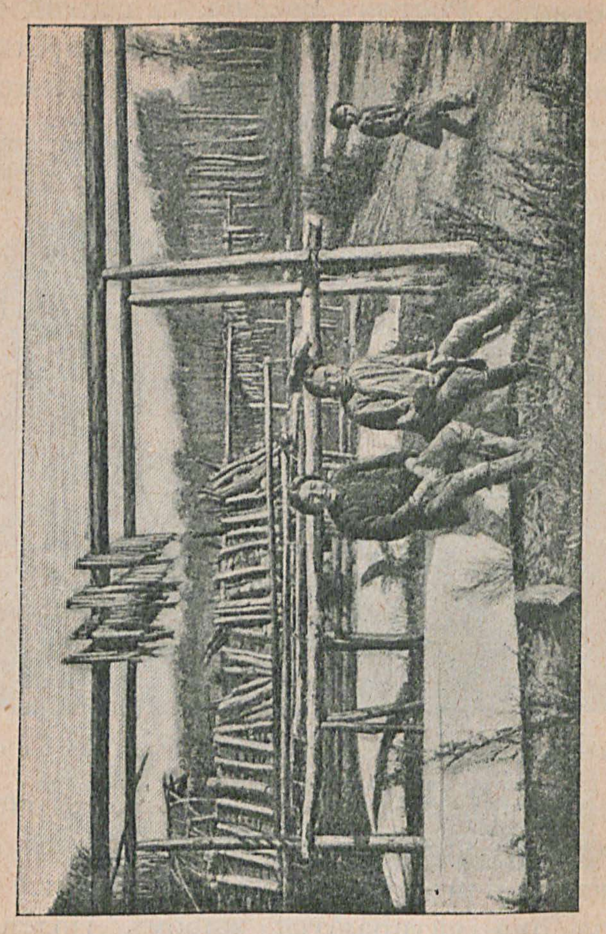
О богатствѣ гиляка обыкновенно судится по количеству его собакъ; гилякъ употребляетъ ихъ то при охотѣ, то на упряжь въ сани. Разсматриваемая собака—самое полезное животное для населенія сибирскихъ тундръ и тундръ острова Сахалина; она средняго роста, имѣетъ короткія и сильныя лапы, коренастый корпусъ, прямыя остроконечныя уши, разноцвѣтные глаза, голубые, черные или зеленые, иногда бѣлые. Она сильна и умна, довольствуется очень малымъ количествомъ пищи, состоящей, главнымъ образомъ, изъ рыбы. Шерсть у нея пушистая, черная или бѣлая, сѣрая или рыжая, иногда пятнистая. Въ сани запрягаютъ собакъ нечетное количество; полная упряжка состоитъ изъ тринадцати собакъ. Хозяинъ саней вооружается длиннымъ шестомъ, обдѣланнымъ желѣзомъ, который онъ для затормаживанія втыкаетъ въ землю при спускахъ, и очень простой уздой, ничуть не устраняющей опрокидываній; но при скверныхъ сахалинскихъ дорогахъ, гдѣ лѣтомъ часто приходится ѣхать черезъ рвы, опрокинуться зимой въ мягкій пушистый снѣгъ считается уже чѣмъ-то въ родѣ удовольствія. Возница

не работаетъ ни уздой, ни вожжами, а направляетъ повозку голосомъ; собаки несутся бѣшено, и пѣшеходу встрѣтиться съ ними бываетъ опасно. Онѣ идутъ попарно, а одна собака во главѣ служитъ предводителемъ; это самая умная собака; другія собаки слѣдуютъ за ней и во всемъ слушаются ее; она проходитъ спеціальную дрессировку. Тогда какъ другія собаки не стоятъ никогда больше 7 рублей, стоимость ея доходитъ до 70 рублей. Собаки легко дѣлаютъ въ часъ отъ 11 до 14 верстъ, а въ день отъ 75 до 90 верстъ.

Сильный рыбный запахъ виситъ надъ всемъ селеньемъ, обыкновенно расположенымъ на берегу рѣки; люди и животныя пахнутъ рыбой, которая составляетъ главную ихъ пищу. По берегу рѣки на многочисленныхъ горизонтальныхъ жердяхъ висятъ рыбы всевозможныхъ породъ, очищенныя отъ костей и съ оторванной головой: онѣ сушатся на солнцѣ и зимою будутъ служить главной пищей жителей.

На производимый собаками шумъ гиляки съ любопытствомъ выходятъ изъ своихъ жилищъ. Съ виду они некрасивы, но симпатичны; почти всегда узкіе глаза,

красныя скулы, круглая голова, плоское

Сушеніе рыбы.

лицо, очень большія уши, почти безъ мочекъ; кожа у нихъ темно-желтая, глаза

очень глубокіе, волосы жесткіе, черные, блестящіе. Ростомъ средніе, съ рѣдкой бородой; у нихъ широкія плечи и короткія ноги; широкій ротъ постоянно улыбается

Гилячка (видъ спереди).

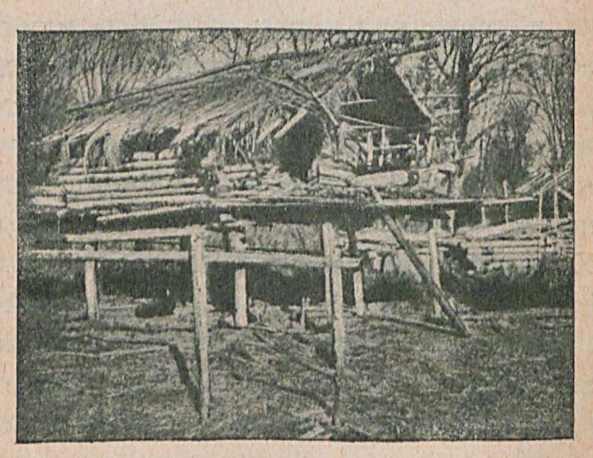

Гилячка (видъ сбоку).

добродушнымъ дѣтскимъ смѣхомъ; очень грязные, они никогда не умываются, за исключеніемъ зимы, когда въ сильные холода они натираются жиромъ тюленей. Если женщина умоется, то она совершитъ грѣхъ. Впрочемъ у нихъ довольно трудно

отличить женщину отъ безбородаго мужчины, потому что они носятъ одинаковое платье. Женщины не такъ смѣлы, какъ мужчины, убѣгаютъ, если взглянуть на нихъ или навести фотографическій аппаратъ.

Гиляки гостепріимны; къ этому вынуждаетъ ихъ бѣдность, и имъ кажется вполнѣ естественнымъ, разъ у нихъ нѣтъ ничего дома, пойти обѣдать къ сосѣду, который въ дни бѣдствій попроситъ у нихъ подобной же услуги. Однако они очень рѣдко

Гиляцкій домъ.

предлагаютъ что-нибудь чужеземцу, потому что знаютъ, что русскій презираетъ

ихъ стряпню; но они постоянно приглашаютъ зайти къ нимъ, что часто бываетъ не легко. На самомъ дѣлѣ большинство ихъ домовъ построено на сваяхъ, а ведущей въ нихъ лѣстницей служитъ небольшое древесное бревно, въ которомъ они топоромъ вырубили грубыя ступени; путешественникъ карабкается со страхомъ, онъ боится соскользнуть и упасть, а, чувствуя носы собакъ, обнюхивающихъ его подошвы, онъ идетъ малоувѣренно. Домъ носитъ названіе «тафы»; онъ устраивается изъ дерева и древесной коры; «торафа» или зимнее жилище—землянка. Недалеко отъ дома строится маленькій сарай, служащій складомъ рыбы, а иногда дѣлается еще и деревянная клѣтка, въ которой молча расхаживаетъ медвѣдь.

Хижина полна дыму, который ѣстъ глаза заѣзжему путнику; только черезъ нѣсколько минутъ непривыкшій къ дыму можетъ различить многочисленные предметы, висящіе на потолкѣ, на стѣнахъ или наваленные въ углахъ. Дверь, черезъ которую онъ вошелъ, никогда не бываетъ выше метра; хотя крыша хижины и очень низка, но все-таки выпрямиться подъ нею можно.

Большой прямоугольный очагъ, полный золы, занимаетъ добрую треть помѣщенія; съ каждой стороны его есть узкій проходъ, дальше идутъ широкія доски, служащія для спанья. Приглашенные сажаются на почетномъ мѣстѣ, то-есть въ глубинѣ, противъ двери, около которой остаются женщины. Въ хижинѣ оконъ нѣтъ, а дымъ, поднимающійся отъ очага, выходитъ черезъ довольно широкое отверстіе, продѣланное въ крышѣ; иногда вѣтеръ снова гонитъ его въ хижины, и у всѣхъ несчастныхъ туземцевъ болятъ глаза, потому что имъ приходится жить въ подобной атмосферѣ; къ тому же огонь долженъ горѣть какъ зимой, такъ и лѣтомъ, и дать ему погаснуть считается большимъ грѣхомъ. Чтобы снова развести его, трутъ другъ о друга два куска дерева или употребляютъ огниво, но, по мнѣнію туземцевъ, лучше всего имѣть огонь, полученный отъ спичекъ, которыя выдумали, какъ говорили мнѣ, русскіе съ помощью, можетъ-быть, дьявола.

Находящіеся въ хижинѣ предметы состоятъ изъ одежды, орудій охоты или рыбной ловли и кухонныхъ принадлежностей.

Мужчины и женщины носятъ панталоны, родъ теплой рубашки и сапоги. Одежда изготовляется изъ холста или изъ шкуръ; гиляки покупаютъ холстъ у русскихъ или у японцевъ, потому что они не умѣютъ, какъ айно, изготовлять одежду изъ крапивныхъ волоконъ. На шапки и шубы употребляются шкуры медвѣдя, лисицы, собаки и сѣвернаго оленя; сапоги у нихъ изготовляются, главнымъ образомъ, изъ ножныхъ шкуръ сѣвернаго оленя или изъ тюленьихъ шкуръ; что же касается до шкуръ выдръ или соболей, то гиляки предпочитаютъ продавать ихъ, а на вырученныя деньги покупаютъ чай, сахаръ, табакъ... и водку, когда къ тому представится возможность. Лѣтомъ они носятъ легкое платье изъ рыбьихъ шкуръ, украшенное странными синими или красными рисунками.

Инструментами охоты и рыбной ловли служатъ сѣти, остроги, луки, а иногда и ружья; ружья очень старыя, которыя, какъ говорятъ шаманы, злѣе и изъ нихъ вѣрнѣе можно убить, потому что они служатъ уже очень давно. Орудія домашняго обихода выдѣлываются изъ древесной коры или изъ дерева: ведра, корзины, блюда,

ложки, ковши, чтобы загребать жаръ. Гиляки обладаютъ дѣйствительнымъ талантомъ въ обработкѣ дерева и руками выдѣлываютъ ложки очень оригинальныхъ рисунковъ. У одного изъ нихъ я нашелъ гребень, находящійся сейчасъ въ моихъ коллекціяхъ въ Трокадеро; я спросилъ одного молодого гиляка, употреблялъ ли онъ его.

— Никогда, — отвѣтилъ онъ, — но имъ чесалась иногда Ніуфкукъ.

Существо, откликавшееся на гармоничное имя Ніуфкукъ, было его невѣстой, а я видѣлъ, что даже у самыхъ первобытныхъ народовъ женщины всегда кокетливы. Напримѣръ, Ніуфкукъ носила на всѣхъ пальцахъ желѣзныя и серебряныя кольца; въ ея ушахъ висѣли огромныя серьги, безобразившія ихъ, и поддерживали другія серьги, украшенныя поддѣльными камнями. Ея мать, Помыкъ, крѣпкая старуха, испускавшая отъ себя ужасный запахъ гнилой рыбы, носила браслетъ, а одна изъ ея подругъ, Трулуныкъ, важно носила въ носу кольцо, на которое иногда высовывала свой красный языкъ. Кольцо въ носу считается рѣдкой роскошью у гиляцкихъ женщинъ, частымъ украшеніемъ у которыхъ

считаются кольца на большемъ и среднемъ пальцахъ.

Во всѣхъ домахъ, куда я входилъ, мужчины бездѣльничали; единственнымъ ихъ занятіемъ считается охота или рыбная ловля. Возвратившись домой, они занимаются починкой лодки или сѣтей; всѣ другія работы составляютъ принадлежность женщины.

— Когда женщина работаетъ,—говорилъ мнѣ Ніангинъ, гилякъ, бывшій больше всего полезнымъ для меня,—она не говоритъ, а это для мужчины и хорошо.

Однажды онъ же мнѣ сказалъ:

— Жены служанки мужей, но гиляки очень добры къ нимъ, и если умираетъ женщина умная, работящая, плодовитая и неболтливая, мы оплакиваемъ ее почти такъ же, какъ мужчину!

Женщинамъ выпадаетъ трудная доля: онѣ исполняютъ все въ домѣ, готовятъ ѣду, кормятъ медвѣдей и собакъ, починяютъ сѣти, чистятъ рыбу, собираютъ въ лѣсу листья и сучья, приготовляютъ одежду для себя, для своихъ дѣтей и для мужа. Туземныя сахалинскія женщины часто бываютъ лучшими хозяйками и лучшими швеями,

чѣмъ ихъ сосѣдки, жены русскихъ каторжниковъ.

Ѣда, приготовляемая ими въ хижинѣ надъ очагомъ, съ виду мало аппетитна; предпочитаемымъ блюдомъ гиляковъ служитъ студень изъ тюленьяго жира, въ который бросается нѣсколько дикой малины и земляники съ мелкими кусочками сухой рыбы. Также они любятъ «кингечо» — смѣсь изъ форели и кеты (сортъ семги); этой смѣси даютъ застыть, и она становится твердой, какъ дерево; потомъ ее разрѣзаютъ на полоски и свертываютъ ихъ; при употребленіи ихъ съ солью, это варево, говорятъ, очень вкусно. Но бѣдные гиляки не часто имѣютъ у себя на столѣ такія обильныя блюда. Мясо медвѣдей также очень рѣдко, и даже по цѣлымъ мѣсяцамъ нельзя убить одной собаки; такимъ образомъ, ѣдятъ рыбу, а когда нѣтъ и рыбы, то питаются кореньями. Когда они поймаютъ рыбу, то почти всегда съ видимымъ наслажденіемъ сосутъ ея сухую голову.

Женщины, когда я былъ въ ихъ домахъ, работали, какъ будто бы меня не было здѣсь, и мое присутствіе, казалось, ничуть

ихъ не стѣсняло. Онѣ мыли свои горшки, починяли разорванное платье, подвязывали сѣть, искали вшей въ головахъ дѣ-

Гиляцкая колыбель.

тишекъ. Около нихъ съ потолка свѣшивалась колыбель самаго младшаго ребенка; ребенокъ лежитъ въ ней спеленатымъ и виситъ такъ только днемъ, потому что

ночью маленькія дѣти спятъ рядомъ съ матерью въ березовыхъ зыбкахъ. Чтобы усыпить ребенка, подвѣшеннаго на доскѣ, его не убаюкиваютъ, а укачиваютъ. Женщины кормятъ своихъ дѣтей часто до четырехъ, пятилѣтняго возраста. Когда онѣ даютъ грудь ребенку, то ребятишки трехъ, четырехъ и даже пяти лѣтъ дерутся и спорятъ за оставшуюся свободную грудь.

Дымъ, запахъ отъ ѣды и отъ людей заставляли меня поскорѣе уходить изъ дома, поскорѣе подышать хоть немного чистымъ воздухомъ; по селенію я проходилъ въ сопровожденіи всѣхъ жителей; мнѣ показывали зимнія работы и предлагали прогуляться въ лодкѣ. Лодка, которую здѣсь зовутъ «ту», дѣлается изъ тополеваго дерева, весла изъ лиственницы или ели, а длинный шестъ изъ ивы. Тымь—широкая рѣка съ очень быстрымъ теченіемъ; въ ней иногда есть малочувствительныя быстрины, но опасныя для легкихъ лодочекъ, употребляемыхъ гиляками; ѣдущій долженъ садиться на серединѣ, гдѣ почти всегда сыро, потому что на днѣ лодки постоянно вода, и малѣй-

шее движеніе заставляетъ легкую лодочку качаться. Однако гиляки двигаются съ поразительной легкостью; держащій жердь помѣщается впереди. Во все время моей

Гиляцкая лодка.

поѣздки, вода вездѣ была глубока, мои спутники гребли веслами и только изрѣдка употребляли жердь. Однако мнѣ понравились эти поѣздки по рѣкѣ; но въ большинствѣ случаевъ возвращаться въ селеніе приходилось пѣшкомъ, потому что для весельщиковъ было долго и трудно подни-

маться вверхъ по теченію; такимъ образомъ, возвращеніе совершалось по болотамъ; приходилось переходить ручьи въ бродъ, если на счастье не встрѣчалось дерева, упавшаго черезъ ручей, которое могло бы послужить мостомъ, часто очень опаснымъ. Всѣ притоки Тыми похожи на горные потоки, бѣшено мчащіеся по камнямъ; на ихъ берегахъ охотники подстерегаютъ проходящихъ медвѣдей.

Я часто замѣчалъ въ селеніяхъ вороха сухой травы, которую туземцы настилаютъ вмѣсто носковъ въ сапоги и которую мѣняютъ очень рѣдко. Играющія съ собаками дѣти катаются по ней; другія, болѣе спокойныя, играютъ древесными кусками, грубо обдѣланными и представляющими различныхъ животныхъ и рыбъ, извѣстныхъ гилякамъ, а особенно медвѣдей, собакъ и тюленей.

Для меня былъ случай пополнить начатую мною коллекцію вещей; впрочемъ, они охотно продавали вещи, которыя могли замѣнить или которыхъ у нихъ былъ не одинъ только экземпляръ. Они отдавали мнѣ ихъ за чай, за хлѣбъ, за табакъ. Правда, у нихъ не было никакого понятія о насто-

ящей стоимости ихъ; за какой-нибудь желѣзный предметъ, за кусокъ матеріи, на которую они смотрѣли, какъ на талисманъ, они запрашивали двойную или тройную цѣну и не желали ничего уступать; за другіе предметы они назначали совершенно случайныя цѣны и отдавали ихъ, какъ только видѣли, что я достаю монету.

Живущіе ближе къ русскимъ лучше знаютъ цѣну деньгамъ; они требовали даже нѣсколько бронзовыхъ монетъ за позволеніе сфотографировать себя. Эти мнѣ меньше нравятся, потому что каторжники испортили ихъ.

Всѣ наши разговоры происходили половина на гиляцкомъ, половина на русскомъ языкѣ; говорившіе на русскомъ языкѣ служили мнѣ переводчиками. Большинство изъ нихъ выучилось русскому языку, благодаря какому-нибудь политическому ссыльному, занимавшемуся съ ними и любившему ихъ; одинъ изъ нихъ даже учится сейчасъ во владивостокской школѣ; это — мой проводникъ Индинъ, честный парень, много ѣздившій со мной. Между лучшими, оказывавшими мнѣ услуги и имена которыхъ нѣсколько разъ выйдутъ изъ-подъ

моего пера, я назову Санку, искуснаго столяра, сдѣлавшаго мнѣ модели дома, лодки и саней; Ніангина, котораго называли колдуномъ и который разсказывалъ мнѣ гиляцкія сказки; Ичи, стараго добродушнаго чудака; Тунка, другого старика, очень угодливаго; Конаксейна, и Самгбина, и Лесженга, и множество другихъ, къ которымъ я прибавлю двоихъ очень умныхъ молодыхъ парней: Бигонаику, немного испорченнаго русскими, и Дририна, милаго парня, настоящаго Донъ-Жуана. Всѣ поименованные мною гиляки живутъ не въ одной деревнѣ, а поочередно были моими спутниками въ дорогѣ.

Хотя я и могъ заказать Санкѣ разнообразные предметы, а другіе купить еще кое-у-кого, но все-таки одного я никакъ не могъ достать: бывшей въ употребленіи колыбели. Выставленная мною въ музеѣ Трокадеро колыбель совершенно новая; отдать бывшую въ употребленіи колыбель, значитъ принести несчастіе спавшему въ ней ребенку.

Ніангинъ далъ мнѣ два музыкальныхъ инструмента; первый, *тенгиль*, видъ скрипки, струны которой сдѣланы изъ конскихъ

волосъ, а *гонконгъ*—маленькая тоненькая деревянная дощечка, которую берутъ въ ротъ и которая издаетъ звуки, когда легонько ударяешь по веревочкѣ, привязанной къ ней. За Ураломъ сибирскіе инородцы почти всѣ знаютъ этотъ инструментъ, хотя у каждаго народа онъ называется разно.

Мнѣ трудно было уговорить гиляковъ давать измѣрять себя, но скоро между ними установилась настоящая игра, чтобы узнать, у кого изъ нихъ самый большой носъ, самый широкій ротъ. Я говорилъ имъ самыя разнообразныя цифры, и изъ нихъ начиналъ гордиться тотъ, кому я говорилъ:

— Вотъ у тебя огромный ротъ!

Наблюденія надъ человѣческимъ тѣломъ производились очень рѣдко; только одинъ Индинъ со своимъ братомъ дали вполнѣ вымѣрить себя.

Но есть одна вещь, которой я почти никакъ не могъ добиться отъ нихъ. Естественноисторическій музей собралъ въ числѣ другихъ коллекцій и коллекцію волосъ самыхъ различныхъ расъ. Конаксейнъ только одинъ позволилъ мнѣ отрѣзать у него клокъ волосъ.

Когда гилякъ продавалъ мнѣ что-нибудь, онъ разсуждалъ, какъ разсуждаютъ на Дальнемъ Востокѣ. Я попросилъ однажды Тунка продать мнѣ щенка.

Типъ гиляка; портретъ старика Тунка.

— Онъ стоитъ рубль,—отвѣтилъ онъ.

— Но мнѣ нужно самца и самку.

— Тогда будетъ стоить три рубля!

Я раскричался и объяснялъ туземцу что я беру двухъ щенятъ вмѣсто одного,

а поэтому онъ долженъ скинуть съ общей цѣны.

— Это ничуть не дорого, — отвѣчалъ Тункъ;—одинъ рубль за самца, рубль за самку и рубль за щенятъ, которыхъ они принесутъ!

Глава IX.

У гиляковъ.—Нравы и обычаи.—Приданое и свадьбы.—Религіозныя вѣрованія.—Сказки и пѣсни.

Деревни большею частію населены членами одной и той же семьи; каждый гилякъ появляется на свѣтъ со столькими отцами и матерями, что довольно трудно разобраться въ ихъ системѣ родства. Онъ всегда именемъ *ытkъ*, то-есть, отецъ, называетъ не только одного своего отца, но и братьевъ и двоюродныхъ братьевъ отца, а именемъ *ымkъ*, то-есть, мать, сестеръ и двоюродныхъ сестеръ своей матери. Всѣ дѣти братьевъ и двоюродныхъ братьевъ считаются за братьевъ и сестеръ и обозначаются именемъ *руеръ*, собирательнымъ именемъ, въ родѣ нѣмецкаго «geschwister». Семья образуетъ очень тѣсное племя, но свадьба между родственниками запрещена;

отецъ имѣетъ очень большой авторитетъ для своихъ сыновей, а старшій братъ—для своихъ младшихъ братьевъ. Семьи раздѣляются по родамъ, гордясь своимъ происхожденіемъ отъ одного отца, и каждый гилякъ обязательно знаетъ имя своего рода. Когда ребенокъ появляется на свѣтъ, онъ получаетъ имя; въ каждомъ родѣ существуетъ особый циклъ именъ, такъ что два лица не могутъ носить одинаковыхъ именъ; если ребенокъ получитъ имя, которое носитъ еще живой человѣкъ, то или тотъ человѣкъ или ребенокъ умрутъ въ этомъ году. Когда человѣкъ умеръ, имя его запрещается произносить; когда наступаетъ медвѣжій праздникъ, на которомъ закалываютъ медвѣдей и приносятъ ихъ въ жертву богамъ, чтобы испросить у нихъ обильной дичи и рыбы, то бьютъ по медвѣжьей шкурѣ и выкрикиваютъ имя покойника; съ этого дня данное имя можетъ быть произносимо всѣми и будетъ дано родившемуся потомъ ребенку. Имена мальчиковъ выбираются отцомъ, который по этому поводу совѣщается со старшими въ семьѣ; часто они обозначаютъ силу, храбрость, мужество, умъ и т. д. Имена жен-

щинъ не берутся обязательно изъ цикла рода.

Я видѣлъ дѣвушку, которую было звать (въ переводѣ) *Пожаръ*, потому что въ день ея рожденія случился пожаръ, а другую было звать *Обиліе рыбы*, потому что она родилась во время удивительнаго лова. Имена дѣтямъ иногда перемѣняютъ. Индинъ прежде назывался Ерономъ; тогда онъ былъ слабъ и плохъ здоровьемъ. Отецъ видѣлъ во снѣ своего дѣда, который посовѣтывалъ перемѣнить имя ребенку; послѣдній тотчасъ же поздоровѣлъ.

Дѣти носятъ на себѣ талисманы, которые иностранцу трудно достать; самые маленькіе имѣютъ на шеѣ первобытныя погремушки, чтобы слышно было, если бы они ушли слишкомъ далеко отъ селенія. Дѣвочки и мальчики живутъ и играютъ вмѣстѣ, но когда наступаетъ періодъ зрѣлости, братья и сестры не должны уже болѣе разговаривать между собой, и если они это дѣлаютъ, то только отвернувшись. Тогда мальчиковъ ведутъ на охоту, а дѣвушки начинаютъ работать въ домѣ. Насколько тѣсны дома, видно изъ того, что десять человѣкъ чувствуютъ себя въ немъ

уже тѣсно; однако не рѣдко здѣсь встрѣтить и двадцать человѣкъ въ семьѣ, состоящей изъ отца, дѣтей и внучатъ.

Гиляки очень любятъ своихъ дѣтей, въ особенности они привязываются къ мальчикамъ, но они также цѣнятъ и своихъ дочерей, которыхъ выдаютъ замужъ только за приданое, колеблющееся въ зависимости отъ ихъ богатства. Много дѣтей умираетъ въ раннемъ возрастѣ, благодаря отсутствію гигіены, грязи и суевѣрію. Когда гиляки приходили ко мнѣ, то очень радовались, если получали для дѣтишекъ лакомства. Забавно было видѣть, какъ возбуждалось у нихъ негодованіе, если для шутки предложить имъ купить одного изъ нихъ.

У Ичи было двѣ жены; одну изъ нихъ онъ охотно продалъ бы мнѣ, увѣрялъ онъ, но себѣ оставилъ бы только молодую.

— Первая была все-таки лучше,—говорилъ онъ мнѣ,—и чтобы получить ее, я заплатилъ тестю приданое изъ трехъ собакъ. Вторая не такъ хороша, но она, хотя это и несправедливо, стоила мнѣ дороже: я далъ за нее тестю лодку, копье и горшокъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже

десять лѣтъ, а я все еще не расплатился за приданое. Тесть умеръ, но братья моей жены заставляютъ меня каждый годъ платить имъ по собакѣ! А я сейчасъ уже въ такомъ возрастѣ, когда больше цѣнишь собаку, чѣмъ жену!

Приданое, которое гиляки, какъ всѣ азіатскіе мусульманскіе народы, зовутъ *калымомъ*, на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ саней, собакъ, лодокъ, горшковъ и т. п. Дѣти часто обручаются еще въ колыбели и женятся очень рано; женщина въ тринадцать или четырнадцать лѣтъ часто уже мать; она быстро дурнѣетъ и въ тридцать лѣтъ кажется ужъ очень старой; она живетъ не такъ долго, какъ мужчина, а такъ какъ она постоянно находится въ дыму, то, старѣясь, теряетъ зрѣніе. Когда отецъ дѣвушки старъ, то онъ беретъ зятя къ себѣ въ домъ, и приданое выплачивается нѣсколькими днями или мѣсяцами работы; если отецъ умеръ, то калымъ получаютъ братья или воспитатель дѣвушки; воспитателемъ я называю человѣка, который беретъ къ себѣ сиротъ, что очень часто бываетъ между гиляками. Обрученные живутъ уже какъ мужъ съ женой и тогда

уже, когда еще калымъ не весь выплаченъ. Родители невѣсты также должны дать за ней приданое, смотря по своимъ средствамъ. Слово «свадьба» справедливо только наполовину, потому что не бываетъ никакихъ формальностей, никакихъ церемоній; однако при оставленіи родительскаго дома бываетъ обѣдъ, а другой—по вступленіи подъ супружескую кровлю. Бракъ расторгается такъ же легко, какъ былъ заключенъ; мужъ можетъ отослать жену, потребовавъ возвращенія калыма, а отецъ, видя, что его дочь плохо кормятъ, можетъ снова взять ее, отдавъ полученныя деньги. Дѣти въ случаѣ развода принадлежатъ отцу.

Замѣчено, что при всѣхъ подобныхъ актахъ не спрашивается согласія женщины. Мужъ требуетъ, чтобы она была послушна и трудолюбива, хорошо умѣла варить и умѣла бы шить; она должна дать ему дѣтей, а особенно сыновей. Если онъ женится нѣсколько разъ, то это случается тогда, когда первая жена состарѣлась и когда средства его позволяютъ сдѣлать это. Не надо думать, что женщина у гиляковъ раба: ея не бьютъ, а дѣти почитаютъ ее такъ же, какъ и отца. Часто

какой-нибудь гилякъ обѣщалъ мнѣ что-нибудь, но на другой день не исполнялъ обѣщаннаго; онъ говорилъ мнѣ, что беретъ свое слово обратно, что ночь дала ему такой совѣтъ; въ такомъ случаѣ измѣнила его намѣреніе просто его жена.

— Любишь ты своего жениха?—спросилъ я молодую Ніуфкукъ.

— Какъ же мнѣ не любить его, когда онъ выбралъ меня!—отвѣчала дѣвушка.

Вся гиляцкая женщина видна въ этомъ отвѣтѣ, въ которомъ она прекраснымъ образомъ признаетъ первенство мужчины, а, въ особенности, право сильнаго.

Замужнія женщины ведутъ себя хорошо, работаютъ дома, а если идутъ въ лѣсъ собирать сучья или коренья, то ихъ сопровождаетъ какой-нибудь старикъ. Но и у нихъ также есть свои слабости, если вѣрить моему молодому другу Дрирену, очень умному гиляку, довольно красивому парню, прекрасному говоруну, ужасу мужей и островному соблазнителю.

— Я еще не женатъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды;—зачѣмъ мнѣ выбирать себѣ женъ, когда онѣ всѣ выбираютъ меня?

Невѣрность женщины допускается только въ одномъ случаѣ; когда старшій братъ уѣхалъ, то младшій обязанъ утѣшать свою сноху; во время этого отсутствія онъ имѣетъ на нее всѣ права мужа; обратный порядокъ не принятъ, и старшій никогда не имѣетъ права на жену младшаго. Это былъ бы случай многомужества, а если вѣрить политическимъ ссыльнымъ, жившимъ посреди гиляковъ, многомужество было очень рѣдко между ними, хотя иногда и существовало. Прежде, говорятъ, видѣли, какъ мужья убивали своихъ женъ, заставъ ихъ на мѣстѣ преступленія. У гиляковъ бывали даже случаи самоубійства несчастныхъ влюбленныхъ.

Раньше, чтобы не платить приданаго, гилякъ утаскивалъ дѣвушку изъ сосѣдняго селенія, а одинъ изъ парней ограбленнаго селенія отплачивалъ врагу тѣмъ же; за похищеніе, какъ говорятъ старые гиляки, мстили войной между селеніями, битвой между отдѣльными членами; дрались на лодкахъ на рѣкѣ. Все это исчезло, за исключеніемъ дракъ на палкахъ, которыя теперь являются только представленіемъ о битвахъ. Воровство между ними

не часто, а убійство еще рѣже; впрочемъ, русскаго суда они страшно боятся.

Воспоминанія о войнахъ между различными семьями остались въ памяти, и по этому поводу разсказывается множество легендъ. Что убійство также должно быть возмѣщено убійствомъ, стало почти аксіомой. Объявленія войны не существовало; родъ, членъ котораго былъ убитъ или сильно оскорбленъ, нападалъ на врага ночью. Женщинамъ и дѣтямъ нечего было бояться, потому что имъ никогда не причиняли вреда.

Когда гилякъ умираетъ, его обязательно сжигаютъ; однако есть роды, которые хоронятъ трупъ, не сжигая его. Каждый родъ имѣетъ свое кладбище, и всѣ друзья приглашаются присутствовать при сожженіи. На мѣстѣ, гдѣ былъ сожженъ трупъ, насыпается маленькій бугорокъ и ставится маленькій деревянный ящичекъ, содержащій въ себѣ чашку, блюдечко и трубку покойника; маленькая деревянная куколка ставится на могилѣ мужчинъ, а на могилахъ женщинъ кладутся кое-какія украшенія. Половина предметовъ, принадлежавшихъ прежде усопшему, должна быть уни-

чтожена, а половина собакъ умерщвлена: чѣмъ больше сжигается вещей, тѣмъ большій почетъ оказывается умершему. Нѣкоторые гиляки вѣрятъ, что души умершихъ переходятъ въ другой міръ, гдѣ богатые, будутъ бѣдными, а бѣдные сдѣлаются богатыми. Другіе же, правда, утверждаютъ, что со смертію все кончается.

— Мы сожгли тѣло нашего дяди,—сказалъ мнѣ одинъ гилякъ, впрочемъ, довольно весело.

— Какъ ты думаешь, что сдѣлалось теперь съ душой?—спросилъ я.

— Она также сгорѣла!—спокойно отвѣтилъ онъ.

Умирающій не отказываетъ своего состоянія въ собственномъ смыслѣ, потому что вся собственность общая, а домъ принадлежитъ семьѣ, въ которой однако есть хозяинъ, почти всегда старикъ. Но если у него есть вещи, принадлежащія лично ему то ихъ наслѣдуютъ сыновья, а если нѣтъ сыновей, то братья. Дочери также могутъ получить кое-что, и, умирая, покойный иногда и выражалъ свои желанія, которыя потомъ всегда исполнялись. Жены и дѣти умершаго переходятъ къ его брату, но если

старшій сынъ уже взрослый, то ему принадлежитъ попеченіе о семьѣ. Если остаются только однѣ дочери, то отеческая власть переходитъ къ будущему мужу ихъ матери.

Болѣзни посылаются Богомъ, который наказываетъ ихъ за грѣхи, а людскіе грѣхи очень многочисленны. Наиболѣе тяжелыми считаются слѣдующіе: убійство, воровство, дать угаснуть очагу или плевать въ него, варить тюленій жиръ на огнѣ, а не на солнцѣ и т. д. Употребляемыя отъ болѣзней средства очень примитивны: отъ лихорадки и отъ головной боли расцарапываютъ лицо, щиплютъ кожу до крови; больные глаза лѣчатъ прикладываніемъ къ нимъ кусочковъ дикаго вишневаго сырого дерева; впрочемъ, самыми лучшими средствами считаются талисманы. У гиляковъ существуютъ еще *шаманы*, родъ священныхъ особъ, которыхъ призываютъ къ больнымъ; шамановъ боятся и почитаютъ, потому что они издалека могутъ наслать всякую болѣзнь. Однако они потеряли уже религіозный характеръ, который сохранился еще за ними въ Амурскомъ и Байкальскомъ округахъ. Ходятъ

они въ какихъ-то невѣроятныхъ шляпахъ, одѣваются въ лохмотья, украшенныя погремушками, колокольчиками, камнями, навѣшиваютъ на себя звѣриныя лапы, когти птицъ, разныя желѣзныя бездѣлушки; они ходятъ съ большими палками, увѣшанными лоскутками и звѣриными шкурами, а иногда имѣютъ бубенъ и шляпу, украшенную перьями и раковинами.

Я не думалъ увидѣть на Сахалинѣ хоть одного шамана, а Ніангинъ даже отрицалъ, что они есть здѣсь, хотя я былъ убѣжденъ въ противномъ. Всѣ гиляки просили у меня лѣкарствъ, а одинъ изъ нихъ очень плохо принялъ меня; я догадался, что это—шаманъ, приходившій въ ярость, видя во мнѣ конкурента. Разъ одинъ гилякъ раненъ себѣ руку; я счелъ необходимымъ промыть ему рану и наложить антисептическую перевязку; случился тутъ какой-то колдунъ, который обвинилъ меня, что я хочу убить больного, употребляя воду. Испуганный больной просилъ колдуна снова перевязать себя; тотъ положилъ ему на рану травъ и волосъ и завязалъ руку какой-то грязной тряпкой. Самымъ удивительнымъ было то, что больной выздоровѣлъ.

Довольный своимъ успѣхомъ, колдунъ сдѣлался моимъ другомъ и даже далъ мнѣ талисманъ, который еще и сейчасъ сохраняется у меня; это—лапка молодого соболя, обвитая тремя сѣдыми волосками какой-то старухи; этотъ талисманъ долженъ излѣчивать меня ото всякой сердечной болѣзни, и я даю его въ распоряженіе своихъ читателей, если бы они пожелали произвести надъ нимъ опытъ.

Единственная молитва шамана кратка: «Боже! Да будетъ воля Твоя!» Въ уплату за свои услуги онъ требуетъ собаку. Понемногу за недостаткомъ кліентовъ шаманы исчезаютъ, и вокругъ нихъ уже не собираются, какъ прежде, для молитвъ; гиляки говорили мнѣ, что они никогда не молятся.

Гиляки вѣрятъ въ Бога, но мало знаютъ, что Онъ такое.

— Гдѣ Богъ?—спросилъ я однажды.

Ніангинъ отвѣтилъ:

— Никто не знаетъ!

Однако они предполагаютъ, что Онъ живетъ въ пространствѣ, а не на небѣ. Впрочемъ, существуетъ еще цѣлая масса мелкихъ боговъ, чертей и духовъ, живущихъ

въ водахъ и лѣсахъ и старающихся постоянно выкинуть какую-нибудь штучку надъ несчастными смертными. Боги и духи, конечно, не всегда живутъ въ согласіи между собой, ссорятся, а нѣкоторые уже умерли или исчезли. Дать умереть богу грѣшно, а такъ какъ очагъ тоже въ нѣкоторомъ родѣ богъ, то грѣшно и дать погаснуть очагу. Очагъ, такъ сказать, семейный богъ. Когда семья слишкомъ многочисленна, такъ что вмѣстѣ всѣмъ становится жить тѣсно и надо раздѣлиться, дѣдъ даетъ самому старшему изъ уходящихъ часть очага. Хотя Штернбергъ, хорошо знающій гиляковъ, и отрицаетъ, но я вѣрю, что у нихъ въ лѣсахъ есть идолы, сдѣланные изъ дерева.

Впрочемъ разъ я провелъ цѣлый вечеръ съ однимъ богомъ. Чаще всего я останавливался у одного изъ окрестныхъ ссыльныхъ; цѣлый день я провелъ у гиляковъ, а вечеромъ они пришли ко мнѣ; они поѣли все, что могли, потомъ улеглись на спину и разговаривали со мной. Двое изъ нихъ играли въ грубыя карты, а ставка состояла изъ спичекъ. Они разсказывали мнѣ про свои бѣдствія, распри съ поселен-

цами, про свои обычаи и легенды. Вдругъ старый Ичи сказалъ, что у него есть богъ. Мать Ичи произвела на свѣтъ двухъ близнецовъ, но они не выжили, а отецъ сдѣлалъ изъ дерева идола, божественное представленіе умершихъ.

— Принеси-ка своего бога,—сказалъ я.

— Не хочу, потому что, если я дотронусь до него руками, то умру.

Одинъ ссыльный согласился пойти за идоломъ. Скоро послѣдній появился въ комнатѣ. Ичи окружилъ его сухой травой, а ссыльный несъ его на веревочкѣ. Это была маленькая деревянная кукла, на которой грубо были обозначены глаза, ротъ, носъ и полъ.

— Развѣ твой богъ ѣстъ?—спросилъ я гиляка.

— Да, и все, но незамѣтно!

— А онъ добрый?

— О, нѣтъ; очень злой.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я, смѣясь,—это не богъ, а чортъ!

А Ичи отвѣтилъ мнѣ убѣжденнымъ тономъ:

— Онъ немножко богъ, а немножко чортъ!

Богъ для этихъ несчастныхъ всегда представляется ужаснымъ существомъ; онъ то вѣтеръ, который дуетъ и опрокидываетъ ихъ лодки, то вода, которая заливаетъ ихъ селенія и уноситъ ихъ сани и инструменты, то огонь, который сжигаетъ ихъ хижину и все, что есть въ ней.

— Смотри, вотъ твой богъ! — сказалъ ссыльный, ударяя идола.

Всѣ гиляки въ ужасѣ поднялись. Я пробралъ ссыльнаго и, держа за веревочку, постарался поставить бога на ноги. Чтобы успокоить его, я сдѣлалъ ему приношеніе, предложилъ риса и табаку.

— Сегодня богъ въ духѣ,—сказалъ мнѣ Ичи;—смотри, онъ не разсердился!

Въ слышанныхъ мною легендахъ самое большое мѣсто занимали также духи, дьяволы и боги, и постоянно людямъ они причиняли зло, а не добро. Легенды были просты, печальны и однообразны, какъ сама ихъ жизнь; онѣ тянулись цѣлыми часами, выводили ребенка въ колыбели и проводили его до могилы старикомъ; послѣдній жилъ просто, безо всякихъ приключеній, это было само существованіе какого-нибудь гиляка, о которомъ мнѣ разсказывали ста-

рики; иногда приводились нѣкоторыя непристойныя подробности, вызывавшія у всѣхъ смѣхъ. Собаки, тюлени и медвѣди особенно часто были обыкновенными героями любимыхъ туземныхъ басенъ и исторій, описывались и другіе ужасные звѣри такими, какими они представлялись этому боязливому народу-ребенку. По ихъ мнѣнію, на Сахалинѣ есть одинъ хищный звѣрь, крикъ котораго иногда слышенъ въ лѣсу; тогда гиляки прячутся и бросаются лицомъ на землю, а свою дорогу продолжаютъ только тогда, когда это позволитъ имъ безмолвіе; охотникъ, встрѣтившійся съ этимъ звѣремъ, погибъ; звѣрь меньше собаки, шерсть у него короткая, цвѣта рѣчной выдры; звѣрь останавливается передъ охотникомъ, и если тотъ начнетъ цѣлиться въ него, то звѣрь преображается, и тогда передъ охотникомъ стоитъ уже не одинъ звѣрь, а десять, двадцать, сто звѣрей, и они въ концѣ концовъ бросаются на несчастнаго и рвутъ его.

— Разъ тѣ, кто встрѣчалъ его, никогда не возвращались, откуда же вы знаете, что есть такой звѣрь?—спрашиваю я.

— Намъ такъ говорили старики, а старики никогда не врутъ.

Расхаживая по лѣсу, гиляки поютъ пѣсни; они поютъ, что погода хороша, что рыбы много въ рѣкахъ, что дѣти чувствуютъ себя хорошо; они разсказываютъ обо всемъ, что видятъ или что узнаютъ новаго. Они воспѣваютъ хозяина, къ которому зашли, прославляютъ его щедрость, хвалятъ чай и пищу, предложенную имъ. Любовь также занимаетъ большое мѣсто въ ихъ легендахъ и пѣсняхъ; многія изъ нихъ очень игривы, а многихъ я даже и не могу привести здѣсь.

Молодая дѣвушка поетъ: «Я слышу лай твоихъ собакъ, тамъ, за деревней; онѣ весело бѣгутъ. Ахъ, милый мой, я слышу твой голосъ, который несется надъ шумящими деревьями. Ты не забылъ меня, ты здѣсь, ты здѣсь! Сани уже около деревни. Боже! Боже! Ты ѣдешь черезъ деревню, не останавливаясь. Слезы съ шумомъ падаютъ мнѣ на колѣни, сначала изъ праваго глаза, потомъ изъ лѣваго. Какая тоска! Я не могу пойти за тобой и помать тебя на горѣ, гдѣ меня подстерегаетъ столько злыхъ духовъ. Злой! Какъ я тебя люблю;

я уже никогда не вижу тебя больше, слышу тебя только, когда ты въ забывчивости проходишь передъ моей дверью! Разъ во снѣ мнѣ сказала маленькая птичка: ты отдалась ему, когда собирала въ лѣсу красную малину; онъ вернется домой и никогда больше не вспомнитъ о тебѣ! Увы! А я все еще люблю тебя»!

Вомитъ, гиляцкая поэтесса.

Въ своихъ пѣсняхъ гилякъ хвалится тѣмъ, что онъ непостояненъ; доказательствомъ этому можетъ быть служанка. Душа только что умершей молодой женщины поетъ: «Злой и обманщикъ мужчина, котораго я любила! Ты сказалъ мнѣ: «Мы будемъ страдать, мы не можемъ свободно любить другъ друга; бѣжимъ въ ночь смерти; убьемъ себя!» Потомъ ты ска-

залъ мнѣ: «Начинай!» Умирая, я слышала лай твоихъ собакъ, увозившихъ тебя на саняхъ. Смерть съ тобой была бы такъ хороша; а одна моя душа чувствуетъ страхъ и холодъ».

Мысль о самоубійствѣ преслѣдуетъ несчастныхъ возлюбленныхъ во всѣхъ разсказахъ гиляковъ. Есть плачевные разсказы. Ніангинъ владѣлъ очень богатымъ репертуаромъ. Онъ разсказывалъ глухимъ голосомъ, покуривая. Онъ пилъ чай и могъ выпить его необычайно много: я видѣлъ, какъ онъ, разсказывая какую-то длинную исторію, выпилъ восемнадцать большихъ стакановъ чая. Въ патетическихъ мѣстахъ онъ испускалъ глухое мычаніе и печально попыхивалъ трубкой. Всѣ сосредоточенно слушали его.

Однажды онъ началъ разсказывать самую банальную исторію, про гиляка, женившагося на превосходной женщинѣ, сдѣлавшейся плодовитой матерью. Разъ этотъ гилякъ встрѣтилъ въ лѣсу духовъ, принявшихъ форму лисятъ. Они появились на дорогѣ и загородили ему путь, когда онъ хотѣлъ вернуться домой; они исчезли, когда несчастный по-

шелъ снова по дорогѣ въ лѣсъ. Это были слуги одного могущественнаго духа, сдѣлавшагося любовникомъ жены гиляка. Мужъ такимъ образомъ проблудилъ нѣсколько дней и ночей. Домой онъ могъ вернуться только черезъ нѣсколько недѣль. Его ждало ужасное зрѣлище: его жена и дѣти были всѣ изрѣзаны на мелкіе кусочки духомъ, а собаки повѣшены за хвосты на прибрежныхъ деревьяхъ!

Въ этомъ мѣстѣ разсказа Ніангинъ остановился, голосъ его сдѣлался дрожащимъ. Онъ разразился рыданіями.

— Что съ тобой? ты боленъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, меня заставило расплаться то, что я сейчасъ разсказалъ!

Бѣдный гилякъ вытеръ глаза рукавомъ и прибавилъ:

— Подобное волненіе всегда охватываетъ меня въ этомъ мѣстѣ разсказа; я часто разсказываю эту исторію, но никогда не могу закончить ее!

И какъ и я, и мои читатели никогда не узнаютъ конца этой ужасной исторіи!

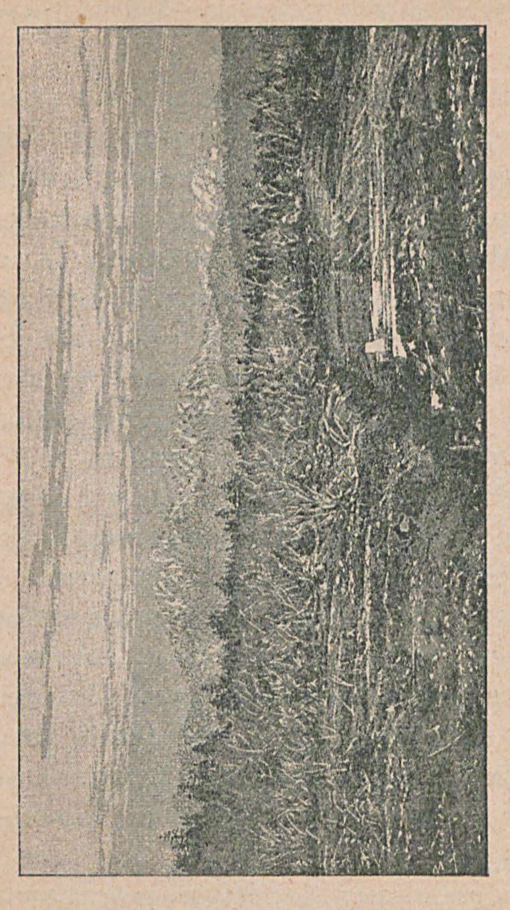
Глава X.

У айно—Вѣрованія и суевѣрія.—Хижина айно.— Типъ айно.

Айно живутъ на большомъ южномъ полуостровѣ Сахалина по берегу моря и по берегамъ рѣкъ. Когда ѣдешь по скверной дорогѣ, идущей отъ Корсаковска до рѣки Наибы, то, пересѣкши линію водораздѣла, образуемаго горами Тунай и отдѣляющаго бассейнъ Сусуіи отъ бассейна Наибы, встрѣчается первое айносское селеніе рядомъ съ русской деревней Такое; этотъ поселокъ расположенъ въ 63 верстахъ отъ Корсаковска; въ 13-ти верстахъ дальше, около русскаго поселка Галкинъ-Врасскій, расположено другое село айно именующееся Сеантзи. Айносское поселеніе Такое состоитъ только изъ восьми домовъ, а Сеантзи только изъ трехъ. Потомъ на Наибѣ есть еще рядъ поселеній, состоящихъ изъ 2—7 жилищъ, и каждое изъ поселеній расположено у устья какой-либо рѣчки.

На восточномъ берегу полуострова выстроился второй рядъ маленькихъ деревушекъ, изъ которыхъ выдѣляется Эстери.

Въ Эстери айно смѣшались съ гиляками, а родившіеся отъ подобнаго союза

Гора въ странѣ айно.

почти всѣ представляютъ одну и ту же особенность: у нихъ черепъ гиляцкій.

Айно и сами себя называютъ именемъ айно, что на ихъ языкѣ означаетъ *человѣкъ*.

У айно и гиляковъ много общихъ обычаевъ, произошедшихъ отъ однихъ и тѣхъ же потребностей и условій жизни. Они живутъ на одномъ и томъ же островѣ, подвержены однимъ и тѣмъ же атмосферическимъ, соціальнымъ и экономическимъ условіямъ; они, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, занимаются охотой и рыболовствомъ. Айно живутъ, можетъ-быть, лучше гиляковъ, благодаря японцамъ, которые устроили свои рыбные промысла недалеко отъ нѣкоторыхъ ихъ деревень и берутъ къ себѣ ихъ на работу. Японцы привозятъ и продаютъ имъ инструменты, менѣе первобытные, чѣмъ тѣ, которые прежде употребляли туземцы острова, и дали имъ неопредѣленное понятіе о комфортѣ, если это слово можно примѣнить къ айно.

Съ перваго взгляда айно кажется болѣе отсталымъ на лѣстницѣ человѣчества, чѣмъ даже самъ гилякъ. Онъ осторожнѣе, недовѣрчивѣе и менѣе общественѣнъ. Какъ только посторонній входитъ въ его хижину, гилякъ начинаетъ смѣяться, шутить,

играть, какъ самый малый ребенокъ; айно мало говоритъ; онъ держится важно и серьезно. Разговоры, которые айно вели со мной и изъ которыхъ я приведу нѣсколько отрывковъ, были проникнуты меланхоліей, а сказки, разсказываемыя ими, чаще всего полны грусти. Конечно, они способнѣе гиляковъ къ развитію. Теперь въ Японіи, на островѣ Іезо, есть цвѣтущія школы, посѣщаемыя айно, и не надо забывать, что множество японцевъ изъ самыхъ интеллигентныхъ въ Токіо происходитъ отъ айно, хотя сами они отрицаютъ это. Японское населеніе состоитъ, кажется, изъ различныхъ племенъ, между которыми айно представлены не менѣе разумными лицами.

Ученые не сходятся въ мнѣніяхъ, къ какому племени слѣдуетъ причислить айно. Нѣкоторые путешественники считаютъ ихъ старожилами острововъ Сахалина и Іезо; другіе смотрятъ на нихъ, какъ на членовъ великаго племени, къ которому принадлежатъ, между прочимъ, первобытные народы Сѣверной Америки; нѣкоторые же сближаютъ ихъ то съ монголами, то съ корейцами. Докторъ Кириловъ, долго

проживший на Сахалинѣ въ качествѣ официальнаго доктора округа и съ большимъ стараніемъ изучавшій айно, предполагаетъ, что они пришли изъ Полинезіи; мнѣніе Кирилова оспариваетъ Бельцъ, хорошо извѣстный докторъ японскаго императора. Докторъ Бельцъ много наблюдалъ японскихъ айно. Онъ предполагаетъ, что какое-то вторженіе раздѣлило народы одной и той же расы и отбросило къ востоку предковъ айно; въ одной изъ своихъ брошюръ онъ сближаетъ любопытные портреты русскихъ и айно, и дѣйствительно слишкомъ поразительно видѣть сходство между нѣкоторыми изъ нихъ, напримѣръ, между графомъ Толстымъ и портретомъ японскаго айно. Измѣренія, сдѣланныя мною надъ айно и ссыльными, пришедшими съ юга Россіи, были очень схожи, и я съ нетерпѣніемъ жду мнѣнія, какое дастъ послѣ изученія ихъ ученый антропологъ музея, профессоръ Гами, которому они были переданы мною.

Говорятъ, что айно менѣе способны понимать русскій языкъ, чѣмъ гиляки; напротивъ, во время моего пріѣзда въ ихъ селеніе нѣкоторые изъ нихъ говорили по-

японски, а пять человѣкъ даже и писали.

Въ настоящее время есть небольшой словарь русско-айно, но неизвѣстно, имѣютъ или имѣли ли айно письменный языкъ. Разъ, разсказываютъ они, японскій богъ пришелъ въ гости къ богу айно; послѣдній пригласилъ своего товарища обѣдать; обѣдъ былъ очень обильный. Что могутъ дѣлать два бога, когда они находятся вмѣстѣ? Они напились. Ослабѣвшій богъ айно вскорѣ заснулъ, а японскій воспользовался его сномъ и укралъ его грамматику и письменный языкъ. Вотъ почему японцы умѣютъ читать и писать, тогда какъ айно остаются невѣждами.

Я привожу эту легенду потому, что она встрѣчается у всѣхъ инородцевъ Сибири: у гиляковъ книгу у заснувшаго бога уноситъ въ море вѣтеръ.

Обѣ эти легенды, очевидно, недавняго происхожденія.

На самомъ дѣлѣ у айно не одинъ богъ, а нѣсколько; всякая сила природы, которая поражаетъ ихъ и которой они не понимаютъ, становится богомъ или дьяволомъ, смотря по большему или меньшему

причиняемому ими злу. Богъ живетъ въ воздухѣ, а не на небѣ, и у него въ услуженіи находятся многочисленные мелкіе божки, духи всевозможныхъ родовъ; есть также дьяволы, постоянно злые и жестокіе. Когда стараешься добиться по этому поводу объясненій, то замѣчаешь, что айно смѣшиваютъ боговъ со злыми духами и что одинъ называетъ богомъ то, что другой именуетъ злымъ духомъ. По моему мнѣнію, слово и само понятіе о зломъ духѣ у айно недавнія и получены ими отъ русскихъ. Просто они вѣрятъ, что существуетъ безчисленное количество боговъ или духовъ, которые всѣ своенравны и имѣютъ тѣ же недостатки, что и люди. Они вполнѣ признаютъ существованіе русскаго Бога, чему ихъ научили священники; имъ нужно было прибавить только одно новое могущество къ очень длинному списку ихъ божествъ.

Всѣ боги очень завидуютъ одни другимъ; не довольствуясь тѣмъ, что выкидываютъ злыя штуки съ людьми, они ссорятся между собой и дерутся, и горе несчастному айно, если онъ попадетъ въ ихъ среду во время битвы! Вѣтеръ и дождь—ожесто-

ченные между собой враги, такъ же какъ и море и громъ, солнце и снѣгъ, огонь и вода. Даже духи огня ненавидятъ другъ друга, и если въ одномъ и томъ же домѣ есть два очага, то нельзя изъ одного въ другой переносить золы или углей, иначе между ними поднимается война. Когда два бога сражаются между собой, то иногда одинъ убиваетъ другого; айно твердо вѣрятъ въ это. Также воспрещается выносить огонь отъ очага изъ дома. Наконецъ, лѣтомъ и зимой на очагѣ долженъ горѣть огонь, не угасая, потому что угасшій огонь, это—умершій богъ. Когда айно ложатся спать или уходятъ, то они покрываютъ огонь золой, чтобы назавтра или по возвращеніи найти еще нѣсколько красныхъ угольковъ. Если огонь погасъ, то его можно снова развести только при помощи огнива; спички могутъ употребляться только для однѣхъ трубокъ.

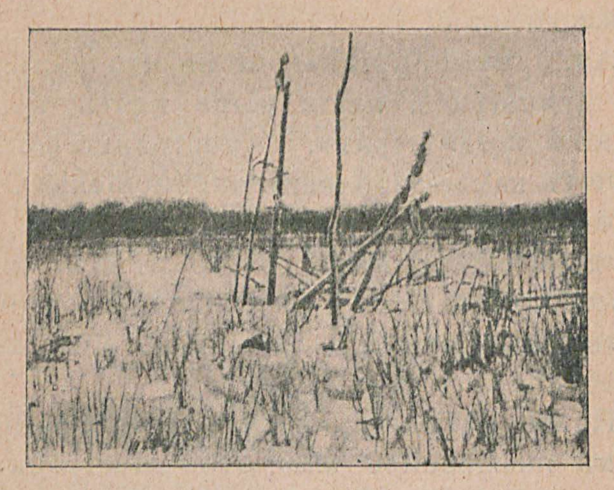
Уронить въ воду головню, спичку или просто даже папиросу—грѣшно, потому что въ это время вода побѣждаетъ огонь: духъ воды убиваетъ духа огня. Недалеко еще ушло время, когда огонь получался треніемъ одного куска дерева о другой. Отъ

тренія сначала показывался сильный дымъ, а потомъ огонь. Оба деревянныхъ кусочка почитались и заключали въ себѣ нѣчто божественное.

Айно такъ напуганы богами, что постоянно думаютъ о нихъ: когда ѣдятъ, когда пьютъ, когда курятъ, то постоянно совершаютъ какое-либо жертвоприношеніе. Они иногда приносятъ ихъ, и ложась спать, а когда находятся въ дорогѣ, то отыскиваютъ мѣста, гдѣ живутъ духи, любящіе подарки; есть также священные камни, которые надо особенно почитать.

Наконецъ, они приносятъ своимъ богамъ такъ называемое *инао*; это—заостренныя довольно длинныя жерди. Инао ставятся при всякомъ важномъ событіи въ жизни; они стоятъ со всѣхъ сторонъ дома, ими украшаютъ медвѣжью клѣтку, ставятъ ихъ и въ поляхъ; есть они и въ лодкѣ и въ саняхъ. Инао играютъ отчасти роль свѣчей христіанской религіи, но прежде всего въ нихъ надо видѣть остатокъ культа шамановъ и память о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Верхъ инао представляетъ грубое изображеніе головы, а сама палка служитъ туловищемъ; есть даже инао, на

которыхъ грубо представлены половые органы. Такія инао помѣщаются, главнымъ образомъ, на могилахъ.

Приношенія въ честь боговъ у айно—Инао.

Такъ какъ я заговорилъ о шаманствѣ, то долженъ замѣтить, что колдуны, шаманы почти совсѣмъ исчезли у айно и что у нихъ не было женщинъ - шаманокъ. Одинъ сахалинскій русскій, хорошо знающій страну и айно, говорилъ мнѣ, что въ настоящее время у айно есть только три или четыре шамана. Такъ какъ болѣзни составляютъ наказанія, посылаемыя богами, то къ больнымъ призывается шаманъ. На самомъ дѣлѣ это шарлатанъ.

Иногда можно услышать анекдоты, которые лучше всего рисуютъ характеръ народа; вотъ одна сцена, показавшаяся мнѣ типичной. Путка, одинъ изъ моихъ проводниковъ, былъ высокій айно, довольно веселый, безгранично услужливый. Онъ носилъ длинную черную бороду, а въ своемъ изорванномъ платьѣ походилъ на настоящаго разбойника; онъ былъ очень тихъ, хотя казался страшнымъ. Онъ часто приходилъ ко мнѣ съ другимъ айно, постарше, по имени Отака, который былъ развитѣе всѣхъ въ округѣ. Отака разсказывалъ мнѣ монотоннымъ голосомъ печальныя легенды; онъ очень хорошо говорилъ по-русски. Онъ объяснялъ мнѣ народныя вѣрованія.

— Русскій священникъ, — говорилъ онъ,—хотѣлъ обратить меня въ свою вѣру, а онъ только священникъ ложнаго бога. Онъ рисовалъ намъ своего бога всегда добрымъ, всегда готовымъ помочь людямъ и простить ихъ. Такой добрый богъ не можетъ быть, а если онъ есть, то безполезно молиться ему, потому что онъ не можетъ причинить зла. Духи злы, имъ нравится смотрѣть, какъ мы страдаемъ. Часто бѣдная маленькая мышка выходитъ

изъ своей норки; наши собаки тотчасъ же бѣгутъ за ней; онѣ скачутъ, лаютъ и этимъ ужаснымъ для нея шумомъ заставляютъ ее дрожать; онѣ загораживаютъ ей дорогу, которая ведетъ къ ея гнѣзду, хватаютъ ее, играютъ съ ней и очень долго заставляютъ ее мучиться. Видишь, духи и боги подобны нашимъ собакамъ, а бѣдненькая маленькая мышка, это—несчастный айно, котораго они мучаютъ, какъ имъ хочется.

Я спросилъ Отаку, вѣритъ ли онъ, что молитвой можно смягчить боговъ и духовъ.

— Нѣтъ, не вѣрю я этому,—отвѣчалъ онъ.—Когда падаетъ снѣгъ или когда море бѣшено, иногда айно, затерявшійся въ лѣсу или качающійся въ своей лодкѣ, плачетъ и молится; но снѣгъ продолжаетъ падать, а буря иногда становится еще сильнѣе. Боги щадятъ только тѣхъ людей, которые часто приносятъ имъ жертвы и даютъ имъ пить и ѣсть. Одна молитва для нихъ ничего не значитъ!

Разъ Отака сказалъ мнѣ:

— Священникъ разсказывалъ мнѣ, что у насъ есть душа и что эта душа позже

будетъ жить съ Богомъ. Я не вѣрю этому. Если бы мертвые жили въ другомъ мірѣ, то они занимались бы еще нами. У меня былъ сынъ, который умеръ молодымъ, а отецъ жилъ долго; я частенько думаю о нихъ и вспоминаю ихъ если бы они сейчасъ были около Бога, то они дали бы мнѣ почувствовать это; они сообщали бы мнѣ про это, потому что они слишкомъ любили меня, чтобы не утѣшить и видѣть, какъ долго я плачу.

— Въ моей странѣ,—сказалъ я Отакѣ,— есть поговорка, что умираютъ надолго.

— Твоя поговорка вретъ,—отвѣтилъ мнѣ Отака;—когда умираешь, то умираешь навсегда.

Напротивъ, какъ большинство айно, Путка вѣрилъ въ переселеніе душъ; по тому, что̀ онъ объяснилъ мнѣ, душа человѣка, жившаго честно, позже будетъ жить въ тѣлѣ какого-нибудь животнаго высшаго порядка, то-есть, этотъ человѣкъ сдѣлается тюленемъ или собакой, можетъ-быть, онъ сдѣлается даже медвѣдемъ.

Отака далъ мнѣ возможность присутствовать при одной оригинальной сценѣ,

происходившей подъ вечеръ, и присутствовать секретно. Айно сосѣдней деревни выѣхали на моревъ дурную погоду; ихъ лодка, подхваченная несомнѣнно волненіемъ, разбилась о какой-нибудь подводный камень, или, по крайней мѣрѣ, такъ предполагали, когда черезъ нѣсколько дней море выбросило на берегъ свою добычу. Жители деревни подождали еще нѣсколько дней, а одинъ изъ нихъ нашелъ на берегу послѣ отлива два почти неузнаваемыхъ трупа. Тогда къ морю снесли все, что принадлежало покойнымъ, и рѣшено было отдать водянымъ богамъ наиболѣе важные предметы,— копья и ножи. Нѣсколько человѣкъ схватили эти вещи, переломали ихъ, потомъ съ крикомъ побѣжали къ морю; они размахивали рукоятками копей и ножей иударяли ихъ другъ объ друга; они вошли въ море и поочередно побросали въ него всѣ обломки, какіе были у нихъ въ рукахъ. Зрителей было очень много, но женщины не участвовали въ этой церемоніи. Айно испускали рыданія и пронзительные крики; наконецъ, они молча возвратились домой. Ночь давно уже наступила, и собаки поселка, напуганныя необычнымъ слышан-

нымъ ими шумомъ, долго заунывно выли впотьмахъ.

Не надо думать, что у Отаки умъ былъ занятъ высшими проблемами жизни; далеко до этого; это былъ только честный человѣкъ, скромный и разумный, который чувствовалъ себя очень маленькимъ и очень слабымъ передъ слишкомъ частыми опасностями въ морѣ и въ лѣсу. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ страданіяхъ грустно, но безъ горечи; существованіе, тяжелое для него, было такимъ же и для другихъ, и онъ, какъ и всѣ, помирился со своей судьбой. Къ чему бороться? Для несчастныхъ людей все тяжело и плохо.

Онъ также считалъ, что въ жизни слишкомъ много радостей; чаще всего онъ испытывалъ неопредѣленный ужасъ; но какимъ, если не счастливымъ, то, по крайней мѣрѣ, довольнымъ казался онъ, когда игралъ дома со своими дѣтьми! Онъ дѣлалъ для нихъ ножомъ странныя игрушки, и всегда въ это время серьезно улыбался, а глаза его смотрѣли мечтательно. Его домъ былъ чище всѣхъ и обширнѣе всѣхъ въ поселкѣ.

Какъ у гиляковъ, вокругъ домовъ устро-

ены склады рыбы, воздвигнутые на сваяхъ, клѣтка для медвѣдя и длинная горизонтальная жердь, къ которой привязываются собаки. Иногда подъ одной крышей живетъ нѣсколько семей; иногда вмѣстѣ живетъ до тридцати человѣкъ, и такая деревушка, состоящая только изъ трехъ деревянныхъ хижинъ, однако имѣетъ въ себѣ до восьмидесяти жителей. Часто есть нѣсколько собственниковъ, но начальникъ всегда одинъ. У Отаки, у Бигумки, другого айно, богатаго и умнаго, были даже работники, которыхъ хозяева кормили, одѣвали и женили.

Хижина айно обыкновенно больше гиляцкой. Входятъ въ нее черезъ какое-то подобіе шалаша, образующаго тамбуръ; часто въ комнатѣ помѣщаются два очага, а я видѣлъ окна съ двухъ или съ трехъ сторонъ. Очаги устраиваются въ уровень съ землей, а не возвышаются, какъ у гиляковъ. Кромѣ одеждъ изъ звѣриныхъ шкуръ и деревянныхъ или лубочныхъ предметовъ, у айно есть еще нитяное платье, изготовляемое ими самими, и горшки и чугуны, которые они покупаютъ у японскихъ рыбаковъ. Въ глубинѣ, противъ двери, находится мѣсто для

почетнаго гостя, а налѣво отъ входа, на доскахъ или вдоль очага, мѣсто хозяина. Они также охотно продаютъ всѣ предметы, какіе только пожелаетъ посѣтитель, а послѣдній можетъ добиться всего еще легче, если захочетъ предложить всей семьѣ водки. Табакъ оказываетъ тоже очень большое вліяніе женщины и даже самыя маленькія дѣти съ удовольствіемъ курятъ длинныя трубки. Лично я предлагалъ деньги, табакъ, рисъ, хлѣбъ, но никогда не давалъ водки, хотя ея всегда у меня просили.

Они отказывались продавать предметы, имѣющіе религіозный характеръ, но всегда предлагали сдѣлать подобные имъ. Иногда они приглашали меня обѣдать съ ними, и я больше наблюдалъ за ними, чѣмъ раздѣлялъ ихъ столъ. Они ѣли головы и хвосты сухой семги, а также сухую сельдь; они никогда не солятъ рыбы, развѣ только въ морской водѣ. Сельдей ѣдятъ, главнымъ образомъ, съ морской капустой, которая приготовляется очень быстро съ помощью обливанія горячей водой; отъ нея получается невыносимый запахъ, даже для малочувствительнаго носа.

Айно довольно легко позволяли вымѣрить себѣ голову, но не тѣло. Они постоянно говорили мнѣ, что свое тѣло показывать грѣшно; а, однако, когда я входилъ вечеромъ въ хижины, то почти всегда видѣлъ, что мужья и жены спятъ вокругъ очага голыми подъ одной шкурой или подъ однимъ одѣяломъ. На самомъ дѣлѣ я долженъ заявить, что тѣло женщины айно съ Сахалина только рѣдко соблазнитъ кисть или рѣзецъ художника.

Типъ айно.

Айно — средняго роста, иногда даже высокаго; у нихъ длинныя руки и ноги. Голова всегда кажется длинной отъ носимой ими бороды; но у безбородыхъ мужчинъ ее можно считать круглой. На всемъ лицѣ лежитъ отпечатокъ грусти или даже бо-

язни. Лобъ похожъ на лобъ европейцевъ. Уши большія; мочки, которыхъ совсѣмъ нѣтъ у гиляковъ, мало замѣтны; носъ похожъ на носъ бѣлой расы и очень отличается отъ орлинаго носа монголовъ; ротъ— грубый, широкій. Глаза—темно-черные, расположены всегда горизонтально; глаза дѣтей всегда круглые до извѣстнаго возраста; обрамляющія ихъ рѣсницы расположены не по-монгольски; густыя брови напоминаютъ брови маленькихъ русскихъ дѣтей. Однимъ словомъ, типъ айно можетъ быть причисленъ къ монголамъ только по однѣмъ выдающимся скуламъ.

Растительность очень развита у айно; вообще они всѣ имѣютъ очень густую черную бороду, скрывающую ротъ; щеки исчезаютъ подъ волосами, даже въ ушахъ и въ носу растутъ волосы. Я замѣтилъ, что хотя руки и ноги у нихъ и волосаты, но тѣло менѣе волосато, чѣмъ я ожидалъ. Своими большими бровями и длинными волосами они часто походятъ на духовныхъ, и многіе русскіе, которымъ я показывалъ фотографіи айно, не говоря о ихъ происхожденіи, думали, что видятъ своихъ соотечественниковъ.

Когда видишь издали женщину, которая значительно ниже мужчинъ, то колеблешься назвать ея полъ, потому что кажется, что у нея есть огромные усы; во время свадьбы женщины татуируютъ себѣ верхнюю губу, проводятъ по ней широкую синюю полосу, поднимающуюся вверхъ завитками. Эта операція имѣетъ непріятныя послѣдствія, потому что лицо женщины некрасиво пухнетъ. Носъ у нихъ иногда бываетъ очень смѣшонъ и похожъ на небольшой жирный шарикъ, затерявшійся промежъ пухлыхъ щекъ. Онѣ не всегда бываютъ дурны; иногда между ними попадаютъ очень даже милыя; это можно замѣтить по фотографіямъ. Онѣ часто носятъ широкіе пояса, сдѣланные изъ большихъ колецъ, въ которыя продѣты кольца помельче. Одежда дѣтей украшается кольцами, металлическими пуговицами, а на спинѣ — цвѣтными камушками и талисманами.

Глава XI.

У айно.—Нравы и обычаи.—Бракъ.—Материнство.— Занятія туземцевъ.—Погребальныя церемоніи.

Я очень мало говорилъ объ одеждѣ, ѣдѣ, и селеніяхъ айно, потому что хочу раз-

сказать подробнѣе объ обычаяхъ, спеціально принадлежащихъ этимъ туземцамъ, нравы, привычки и предметы, уже описанные въ главѣ, посвященной гилякамъ достаточно отмѣтить однимъ словомъ.

Мнѣ очень часто приходилось фотографировать дѣтей айно; большія весело позировали сами и не заставляли упрашивать себя, показывая съ прекраснымъ смѣхомъ свои бѣлые, какъ молоко, зубы. Маленькія бывали менѣе довѣрчивы.

Ребенокъ айно.

Айно сильно любятъ своихъ дѣтей и порядочно балуютъ ихъ; дѣти бѣгаютъ на полной свободѣ по поселку. Сколько разъ, когда я давалъ конфеты айно, я видѣлъ, какъ сбѣгались дѣтишки! Айно разгрызали конфеты зубами и надѣляли каждаго ре-

бенка. Между дѣтишками бывали и совсѣмъ маленькія, съ трудомъ еще двигавшіяся, которыя съ жадностью слѣдовали за мной, раскрывая свои лакомыя ротишки.

Съ самаго ранняго ужъ возраста по прическѣ можно отличить дѣвочекъ отъ маль-

Дѣти айно.

чиковъ: дѣвочки постоянно носятъ волосы такими, какими ихъ надѣлила природа, между тѣмъ мальчики носятъ очень длинные волосы сзади, а на лбу ихъ коротко

подрѣзаютъ, какъ они ходятъ уже и всю жизнь. Маленькій треугольникъ изъ какой-нибудь ткани, украшенной бѣлымъ или синимъ камушкомъ, спускается у нихъ на лобъ; это своего рода амулетъ, который родители всегда отказывались продавать. Дѣти, хотя и грязныя, одѣваются относительно заботливо.

Отцы водятъ своихъ дѣтей еще очень молодыми на охоту и на рыбную ловлю; они показываютъ имъ работы, которыя тѣ должны будутъ исполнять сами; дѣвочки, въ свою очередь, приглядываются къ матерямъ, работающимъ дома. Возрастъ дѣтей почти невозможно узнать; айно и гиляки сами никогда не знаютъ, сколько имъ лѣтъ. Какой-нибудь старикъ отвѣчаетъ, что онъ очень старъ, а чтобы считать каждый свой годъ, ему и въ голову никогда не приходило.

Половая возмужалость у айно наступаетъ не очень рано; но какъ только она появится, дѣти думаютъ уже о бракѣ; мальчикъ можетъ жениться тринадцати лѣтъ, а дѣвочка—двѣнадцати; послѣдняя послѣ свадьбы начинаетъ татуировать себѣ верхнюю губу. Родители часто обручаютъ

своихъ дѣтей еще въ колыбели и не спрашиваясь ихъ вообще, мнѣнія женщинъ никогда не спрашиваютъ, хотя онѣ часто имѣютъ большое вліяніе на рѣшеніе, принимаемое ихъ мужьями.

Когда у айно молодой парень желаетъ жениться, онъ отправляется на охоту и проходитъ черезъ нѣсколько селеній; если въ одномъ изъ нихъ найдетъ онъ дѣвушку, которая понравится ему, онъ тотчасъ же справляется о приданомъ, какое будетъ потребовано, и бракъ скоро рѣшается. Молодая дѣвушка не спрашивается, ея самолюбію должно удовлетворять счастіе быть выбранной. По случаю свадьбы не бываетъ никакой церемоніи; приданое выплачивается родителями жениха. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно состоитъ изъ трехъ, четырехъ

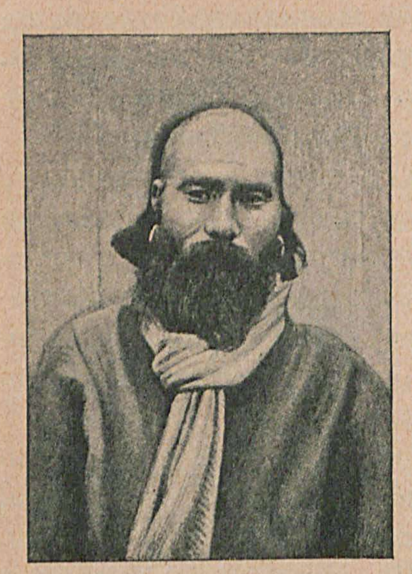

Дѣвушка айно.

собакъ, въ другихъ—изъ десятка соболей; иногда оно заключаетъ въ себѣ лодку или сани. Часто также женихъ работаетъ положенное время у своего будущаго тестя. Можно сказать, что съ самаго своего поступленія къ нему онъ имѣетъ права мужа и пользуется ими. Если у тестя нѣтъ сына, то онъ оставляетъ молодую чету навсегда около себя; въ противномъ случаѣ мужъ уводитъ свою жену, когда будетъ выплачено приданое, къ своему отцу, къ старшему брату или въ новую хату, нарочно выстроенную имъ.

Въ одномъ случаѣ на шесть, или около того, жена всегда старше своего мужа; иногда разница достигаетъ даже десяти, двадцати лѣтъ. На самомъ дѣлѣ иногда умираетъ старшій братъ, оставляя жену и младшаго брата; послѣдній тогда женится на женѣ своего брата, и это является для него экономіей, потому что эта женщина уже принадлежитъ ихъ семьѣ и ему не нужно платить за нее приданое. Въ такихъ мало подходящихъ союзахъ очень часто женщина не можетъ долго исполнять работу по дому: женщина у айно старѣетъ годамъ къ тридцати пяти; она уже испорчена

материнствомъ и обезсилена слишкомъ тяжелой работой. Мужъ тогда женится вторично и беретъ насколько возможно молодую вторую жену, чтобы она могла больше работать. Въ большинствѣ случаевъ первая жена остается хозяйкой дома; каждая жена живетъ въ отдѣльномъ помѣщенiи, но всѣ дѣти отъ обоихъ браковъ пользуются одинаковыми правами. Айно, достаточно богатые, чтобы заплатить за роскошь имѣть двухъ молодыхъ женъ, съ удовольствiемъ дѣлаютъ это; тогда жены живутъ вмѣстѣ безъ ревности, и въ такомъ случаѣ, какъ говорилъ мнѣ съ презрѣнiемъ одинъ айно, онѣ одна передъ другой ничего не стоятъ.

Богатый айно.

Докторъ Кириловъ нашелъ нѣсколько случаевъ многомужества; онъ видѣлъ один-

надцать мужчинъ, жившихъ съ пятью женщинами, а въ другомъ случаѣ одна женщина, старше тридцати лѣтъ, жила съ двумя мужчинами, изъ которыхъ одному было двадцать пять лѣтъ, а другому только тринадцать. Я разъ вошелъ въ домъ, гдѣ три брата жили только съ одной женой; я не зналъ этой подробности и спросилъ одного изъ нихъ, указывая на мальчика, игравшаго пескомъ около двери:

— Это твой сынъ?

— Нѣтъ, это нашъ всѣхъ троихъ!...

Есть такъ же несчастныя дѣвушки, очень бѣдныя, которыя ходятъ работать въ сосѣднія хижины; въ это время ихъ добродѣтель подвергается большому риску; впрочемъ иногда онѣ находятъ себѣ мужа тамъ, куда ходили работать; наконецъ, есть еще айно, которые берутъ къ себѣ сиротъ, воспитываютъ ихъ, и тѣ часто становятся наложницами отца или сына дома, иногда обоихъ вмѣстѣ. Законная жена ничего не говоритъ и должна закрывать глаза на невѣрность мужа, который не воздаетъ ей тѣмъ же; на самомъ дѣлѣ мужъ можетъ прогнать измѣнившую ему жену. Что же касается до ея соучастника,

то его судятъ старики деревни и присуждаютъ къ уплатѣ штрафа; штрафъ платится собаками; но если осужденный очень бѣденъ, то онъ поступаетъ работникомъ къ тому, кого онъ обидѣлъ. Старый холостякъ не имѣетъ права быть въ числѣ судей, потому что, какъ говорилъ мнѣ Путка, старый холостякъ—всѣми глубоко презираемое существо.

Дѣйствительно, мужъ можетъ прогнать жену и развестись съ ней, но онъ дѣлаетъ это очень рѣдко, потому что въ такомъ случаѣ тесть не возвращаетъ приданаго, и мужъ теряетъ и жену и деньги.

Жены айно не очень плодовиты, такъ какъ онѣ слишкомъ долго кормятъ своихъ дѣтей, почти всегда до трехъ лѣтъ; дѣтей у нихъ бываетъ отъ трехъ до пяти человѣкъ. Когда женщина беременна, всякій уважаетъ и почитаетъ ее; когда она почувствуетъ первыя боли, всѣ мужчины должны выйти изъ дома, или она сама часто уходитъ въ маленькую хижину, построенную для нея вдали. Женщины всегда приходятъ ей на помощь; есть повѣріе, что роды бываютъ или болѣе или менѣе трудны, смотря по совершеннымъ женщиной

грѣхамъ. Мужъ, между тѣмъ, входитъ въ сосѣднiй домъ, не говоря ни слова ложится около очага и такъ лежитъ, не двигаясь и молча, до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ про рожденiе ребенка. Тогда ему позволяютъ выпить немного воды и поѣсть рыбы; но онъ не рѣшается еще говорить, ему запрещается пить водку, онъ долженъ избѣгать всякаго грѣха, потому что въ это время часть его души переходитъ въ тѣло его ребенка. Его друзья приглашаютъ его выйти, предлагаютъ пойти съ ними на охоту; ему необходимо отказываться отъ ихъ приглашенiй, и въ теченiе шести дней онъ лежитъ; на седьмой день ему позволяется все; тогда онъ возвращается въ свой домъ, видитъ жену и новорожденнаго, снова принимается за свои работы и снова вступаетъ въ обычную жизнь.

Очень рѣдко можно видѣть, чтобы мужъ присутствовалъ при родахъ своей жены. И послѣдняя, въ свою очередь, можетъ посмотрѣть на своего ребенка по крайней мѣрѣ только черезъ два часа послѣ его рожденiя. Въ теченiе двухъ дней она можетъ ѣсть только рисъ, а вода воспрещена ей; на третiй день режимъ уже менѣе

строгъ, и она можетъ ѣсть все, что ей хочется; но она не должна еще прикасаться къ очагу, иначе разсердятся духи огня, потому что она еще нечистая и оскверненная; на шестой день она приготовляетъ немного пищи съ водой, которую должна достать сама, а на седьмой день принимается за свои обычныя занятія.

Я присутствовалъ при первомъ обмываніи новорожденнаго ребенка; женщина положила его у себя на колѣняхъ на траву, взяла воды въ ротъ и быстро сбрызнула ею тѣло ребенка, проводя по нему мягкой щеткой. Меня увѣряли, что иногда обмываніе бываетъ больше, и что въ нѣкоторыхъ деревняхъ зимою употребляютъ холодную воду. Во всякомъ случаѣ первое мытье ребенка часто бываетъ и послѣднимъ въ его жизни.

Итакъ, женщина принимается за свою работу черезъ семь дней. Ея роль въ домѣ очень значительна: она должна слѣдить за дѣтьми и воспитыватъ ихъ, дѣлать всѣ домашнія работы, заботиться о скотинѣ, людяхъ, шить одежду, чистить приносимые съ охоты мѣха, приготовлять изъ

рыбьей шкуры платья и обувь, собирать ягоды и коренья и заготовлять ихъ на зиму, собирать крапиву, очищать ее, приготовлять изъ нея ткань, и я вполнѣ увѣренъ, что забылъ отмѣтить здѣсь еще и другія ея работы.

Мужчина, когда онъ дома, дѣлаетъ орудія для охоты и рыбной ловли, силки на выдръ и соболей, починяетъ лодку и сани. Онъ часто уходитъ изъ селенія. То онъ ходитъ въ гости къ своимъ знакомымъ: можно сказать, что всѣ айно знаютъ другъ друга, и когда одинъ изъ нихъ встрѣчаетъ другого, то онъ всегда спрашиваетъ встрѣчнаго:

— Какъ поживаютъ въ твоей деревнѣ?

Рыбная ловля много хлопотъ доставляетъ айно. Суровость климата на самомъ дѣлѣ заставляетъ ихъ лѣтомъ ловить и класть въ запасъ рыбу на всю зиму. Иногда они поднимаются до солнца, молча скользятъ на своихъ длинныхъ и узкихъ лодкахъ по рѣкѣ и высматриваютъ, что дѣлаетъ рыба; если рыба лежитъ на днѣ, то они бьютъ ее острогами и бросаютъ на солому, наполняющую дно лодки. Въ августѣ мѣсяцѣ проходятъ такіе густые слои рыбы, что ее

можно брать руками; чаще всего рыбаки употребляютъ длинныя сѣти.

Управляющіе японскихъ рыбныхъ промысловъ, иногда нанимаютъ ихъ къ себѣ въ работники, какъ, напримѣръ, на промыслахъ, завѣдываемыхъ Дамби и Биричемъ; айно очень хорошо работаютъ, но ничуть не заботятся о завтрашнемъ днѣ и, какъ только заработаютъ небольшую сумму денегъ, то ужъ не хотятъ больше работать; они приходятъ снова, когда видятъ, что дома съѣденъ послѣдній кусокъ хлѣба. Однако въ годъ они вылавливаютъ рыбы на 1500—2000 рублей.

Охотой занимаются или по берегамъ, гдѣ бьютъ тюленей, или въ лѣсу, гдѣ охотятся на пушныхъ звѣрей; большинство охотятся со стрѣлами, а у нѣкоторыхъ есть ружья. Средняя добыча осенней охоты на охотника состоитъ изъ 6—10 соболей, 5 бѣлокъ и одной или двухъ выдръ. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ деревняхъ айно прежде сдавали охоту гилякамъ, которые по рѣкѣ Поронай спустились съ сѣвера на югъ.

Когда айно состарѣется, то его всѣ уважаютъ; онъ остается дома, а зимой разсказываетъ разныя исторіи и легенды,

слышанныя имъ самимъ въ молодости. Онъ разсказываетъ про ужасныя войны съ японцами, про битвы во вражескихъ селеніяхъ. Онъ повторяетъ меланхоличныя, грустныя повѣсти и пѣсни, въ которыхъ съ охотниками и рыбаками случаются самыя страшныя приключенія, и въ которыхъ главными дѣйствующими лицами служатъ медвѣди, тюлени или фантастическіе звѣри. Эти легенды выслушиваются съ удовольствіемъ, даже съ почтеніемъ, потому что старики, даже самые неразвитые, выше молодыхъ: они много видѣли и много жили. Когда умираетъ старикъ, горе всей деревни бываетъ неописуемо, его оплакиваютъ съ неутѣшнымъ рыданіемъ; айно очень боятся смерти, и нерѣдко можно видѣть, какъ айно рыдаетъ на могилѣ неизвѣстнаго ему человѣка.

Болѣзни, которымъ подвержены айно и которыя часто посѣщаютъ ихъ, происходятъ отъ отсутствія гигіены и отъ грязи; болѣзни кожи очень часты и должны быть несомнѣнно приписаны возьнѣ съ гніющей рыбой; часто болятъ легкія, существуетъ и туберкулезъ, однако рѣже, чѣмъ можно было бы думать. Самымъ страшнымъ би-

чомъ является оспа; на берегахъ Наибы въ 1894 отъ этой болѣзни умерло болѣе ста айно. Японцы въ 1895 году занесли имъ ужасную инфлюэнцу; отъ нихъ также пришелъ и сифилисъ.

Айно въ настоящее время малочисленнѣе, чѣмъ были прежде, и, кажется, раньше у нихъ было больше дѣтей. Когда больной мучается нервной болѣзнью, оспой или какой другой болѣзнью, то говорятъ, что въ него вошелъ нечистый духъ и что его надо изъ него выгнать; они глубоко вычищаютъ очагъ, молча окружаютъ больного и со страшными криками бьютъ его; бросаютъ на полъ нѣкоторыя душистыя травы, бѣгаютъ, страшно жестикулируютъ, потрясаютъ оружіемъ, чтобы испугать нечистаго духа. Шаманъ, если онъ есть въ селеніи или по сосѣдству, приходитъ и прибѣгаетъ къ колдовству; если попадется русскій врачъ, то тотчасъ же обращаются за помощью къ нему. Шаманъ, покрытый большой шляпой, увѣшанной талисманами, входитъ къ больнымъ только ночью.

Человѣкъ, чувствующій приближеніе смерти, выражаетъ свою послѣднюю волю, которая всегда исполняется. Когда онъ испу-

стилъ послѣдній вздохъ, ему закрываютъ глаза, завертываютъ циновкой, сдѣланной изъ

Семья айно.

спеціально нарѣзанныхъ въ болотѣ травъ, и несутъ на мѣсто, которое онъ обыкновенно занималъ въ домѣ, при чемъ ногами оборачиваютъ къ двери. Плачутъ обильно;

потомъ мужчины выходятъ и, пока женщины съ рыданіями валяются около трупа, приготовляютъ деревянный гробъ.

На другой день умершаго кладутъ въ гробъ и хоронятъ около дома, но не очень глубоко. Около него кладутъ вещи, которыя могутъ понадобиться ему: трубку, табакъ, ножъ, огниво. На могилѣ водружается инао и втыкается остріемъ въ землю копье; на инао грубо представленъ полъ умершаго. На одномъ изъ такихъ кладбищъ я нашелъ голову тюленя, у котораго въ ноздряхъ было инао, и никто не объяснилъ мнѣ значеніе этого.

Воровство черепа тюленя, положеннаго на могилѣ, составляетъ преступленіе, а воровство черепа медвѣдя еще болѣе тяжкое; можно понять, какой опасности подвергся бы путешественникъ, который чтобы обогатить антропологическую коллекцію собиралъ бы человѣческіе черепа.

Только благодаря ссыльно-каторжнымъ, я могъ достать нѣсколько череповъ для музея; они одни указывали мнѣ мѣста, гдѣ можно было достать ихъ.

Послѣ смерти айно, наслѣдство дѣлится между дѣтьми, если умершій не опредѣлилъ

иначе. Орудія охоты и рыбной ловли переходятъ къ сыновьямъ; снасти, горшки, кухонныя принадлежности остаются дочерямъ. Жены продолжаютъ жить въ домѣ умершаго, составляющемъ семейную, а не частную собственность. Раздѣлъ производятъ старики; братъ можетъ располагать только личными своими вещами, и всегда по традиціи главою дома дѣлается старшій сынъ умершаго.

Имя умершаго никогда больше не произносится, и если посторонній произнесетъ его передъ кѣмъ-либо изъ членовъ семьи, то послѣдній опускаетъ голову и ничего не отвѣчаетъ. Дѣти никогда больше не говорятъ о своемъ отцѣ; умершихъ всѣ боятся, вотъ почему память о нихъ плохо сохраняется.

Слѣдовательно, въ памяти народа остается только нѣсколько легендъ: у айно нѣтъ исторіи.

Айно любятъ разсказывать старинныя исторіи, напѣвать любовныя пѣсни; въ нихъ повѣствуется, какъ возлюбленные оплакиваютъ смерть любимой имъ или ею подружки или друга; женщины менѣе матеріальны, чѣмъ ихъ мужья, и прославляютъ

ловкость, храбрость и честность своихъ мужей; правда, и мужья оплакиваютъ своихъ женъ, но больше, кажется, жалѣютъ о хорошемъ обѣдѣ, котораго теперь у нихъ нѣтъ. Вотъ куплетъ характерной пѣсни:

«Никогда я не найду подобной тебѣ хозяйки! Какой хорошій обѣдъ умѣла ты готовить мнѣ; на свою добычу я бросаюсь, какъ собака; жиръ течетъ у меня по бородѣ и рукамъ, и я потомъ съ такимъ удовольствіемъ облизываю ихъ!»

Разсказывается, что жены прежде умирали на могилахъ своихъ возлюбленныхъ, а на берегу моря показываютъ камень, который называютъ Печальной: онъ грубо похожъ на женщину. Море отняло у нея ея мужа, котораго она днемъ и ночью звала на берегу; она отказывалась ото всякой пищи и, не двигаясь, стояла на одномъ мѣстѣ; черезъ нѣсколько недѣль понемногу ея крики смолкли, и жители деревни увидѣли, что она обратилась въ камень.

Когда случаются недоразумѣнія между деревнями или отдѣльными личностями, собираются вмѣстѣ старики и судятъ. Воровство наказывается строго; какъ мнѣ говорили, туземцу-вору отрубается палецъ.

Когда путешественникъ Поляковъ покидалъ страну айно, онъ былъ обворованъ женщиной; онъ никогда и не подозрѣвалъ, что ей въ наказаніе отрѣжутъ три пальца.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ есть судья — *чача*, родъ начальника деревни, который, умирая, передаетъ дѣятельность своему любимому сыну. Преступленія очень рѣдни, и до прихода русскихъ они наказывались очень строго. Недавно еще приглашали всѣхъ мужчинъ селенія поочередно колоть ножами убійцу. Потомъ его зарыли живымъ вмѣстѣ съ убитымъ.

Глава XII.

Медвѣжій праздникъ у айно.—Религіозное почитаніе медведей.—Канунъ праздника.—Слово къ жертвѣ.—Жертвоприношенія.—Послѣ жертвоприношенія.

Айно, какъ впрочемъ и гиляки, каждый годъ ловятъ молодого медвѣженка; они запираютъ его въ деревянную клѣтку, а наиболѣе уважаемой изъ ихъ женщинъ поручается съ самой строгой заботливостью кормить его. Когда животное достигнетъ двухъ лѣтъ, айно приглашаютъ своихъ сосѣдей и во время страннаго празднества,

подробности котораго будутъ описаны дальше, торжественно закалываютъ медвѣдя, поручая ему различныя просьбы къ лѣсному богу, около котораго теперь будетъ жить его душа. На медвѣдя не смотрятъ, какъ на бога, онъ только вѣстникъ, котораго божество милостиво выслушиваетъ. Его имя настолько почитается, что имъ надѣляютъ гостя, посѣщеніе котораго имъ кажется честью; я иногда слышалъ, когда входилъ къ айно:

— А! вотъ пришелъ медвѣдь.

Все разнообразное населеніе Сибири оказываетъ медвѣдю одинаковый почетъ. Самоѣды, живущіе по берегу Ледовитаго океана, говорятъ, что онъ надѣленъ безсмертной душой и что онъ произошелъ отъ преступной связи женщины съ нечистымъ духомъ. Остяки бассейна рѣки Оби называютъ его сыномъ неба, и всякій охотникъ, встрѣтившій медвѣдя, хотя и убиваетъ его, но потомъ проситъ у трупа прощенія. Уральскіе башкиры увѣряютъ, что медвѣдь сынъ могущественнаго божества и знаетъ все. Обитатели Алтая говорятъ, что въ это животное пришла мысль преобразиться одному хану. Это превратился въ него не

ханъ,—отвѣчаютъ тунгузы рѣки Амура,—а духовное лицо и колдунъ!

— Онъ больше, чѣмъ животное, и меньше человѣка,—серьезно говорилъ мнѣ одинъ старый киргизъ;—но онъ сильнѣе перваго и умнѣе второго; хотя сейчасъ онъ далеко отъ насъ, но онъ наблюдаетъ за нами и слышитъ все, что мы о немъ говоримъ.

Буряты Байкала утверждаютъ, что разъ богъ ѣхалъ на лошади; по дорогѣ онъ встрѣтилъ самаго сильнаго изъ всѣхъ людей, который повалилъ его. Взбѣшенный такимъ приключенiемъ, богъ превратилъ человѣка въ медвѣдя; послѣднiй сохранилъ свою силу и свой умъ и получилъ нѣкоторыя божественныя свойства, важности которыхъ вполнѣ люди никогда не узнаютъ.

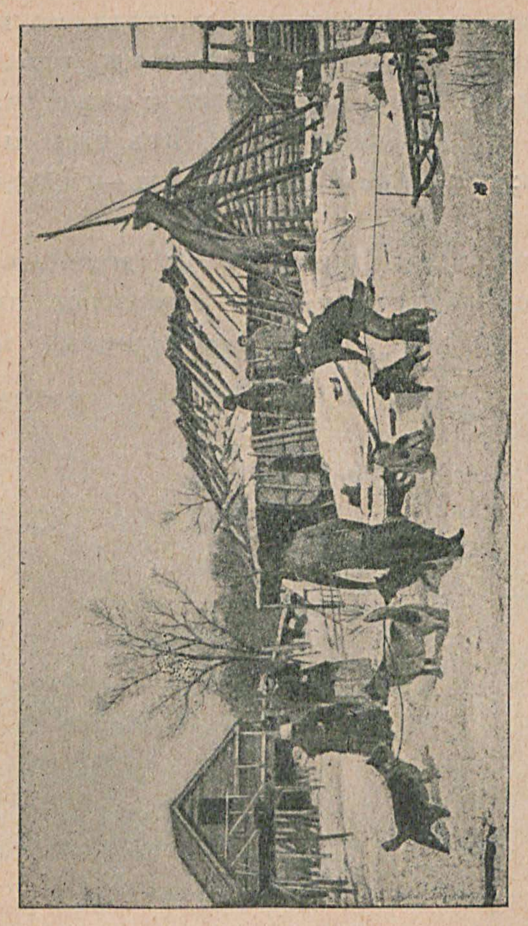
Бѣдные монголы, исповѣдующiе буддiйскую религiю, говорили мнѣ, что Богочеловѣкъ, живое воплощенiе Будды, живетъ въ одномъ тибетскомъ монастырѣ и воспитываетъ медвѣдя, совѣтовъ котораго и слушается. Нѣкоторые орочены смотрятъ на медвѣдя, какъ на падшаго бога, побѣжденнаго сильнѣйшимъ богомъ.

Кромѣ того я замѣтилъ, что сибирскiе инородцы не любятъ произносить слово

медвѣдь; они говорятъ: *старичокъ*, *хозяинъ лѣса*, *уважаемый*, *ученый*, а чаще всего они называютъ его однимъ короткимъ и характернымъ словомъ: *онъ*. Другіе болѣе фамильярны и называютъ его *братцемъ*; для русскаго крестьянина онъ просто *Мишка*. И Мишка очень хитеръ и уменъ; онъ иногда бываетъ также и добръ и не трогаетъ людей, осмѣлившихся потревожить его уединеніе и испугавшихся при видѣ его.

Даже въ Европѣ медвѣдю оказываютъ особенное уваженіе, вполнѣ заслуженное, какъ говорятъ наиболѣе извѣстные укротители, которые видятъ въ медвѣдѣ самаго умнаго и самаго способнаго къ обученію дикаго звѣря. Нѣмцы вдоль береговъ Рейна называютъ его *дядюшкой*, а во всѣхъ зоологическихъ садахъ клѣтка Мартына окружена больше всего; успѣхъ его можно видѣть въ Ботаническомъ саду. Въ Петербургѣ онъ пользуется еще бо́льшимъ успѣхомъ: онъ возитъ телѣжку, играетъ со своими товарищами къ великому удовольствію публики; а въ обширной клѣткѣ сидятъ медвѣжата, которымъ дѣти даютъ пить медъ и которые съ благодар-

ностью лижутъ руки у своихъ благодѣтелей.

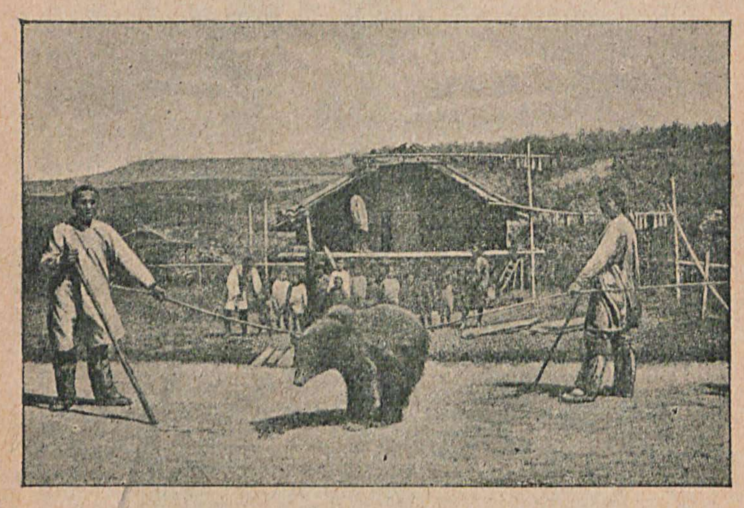

Отправленіе на медвѣжій праздникъ у айно.

Медвѣжій праздникъ на Сахалинѣ бываетъ какъ у гиляковъ, такъ и у айно.

Политическіе ссыльные, жившіе между гиляками и изучившіе ихъ нравы, утверждаютъ, что праздникъ у этихъ по крайней мѣрѣ инородцевъ совсѣмъ утратилъ свой религіозный характеръ; кажется, что этого праздника у нихъ нѣтъ ужъ и совсѣмъ; такимъ образомъ онъ—праздникъ айно.

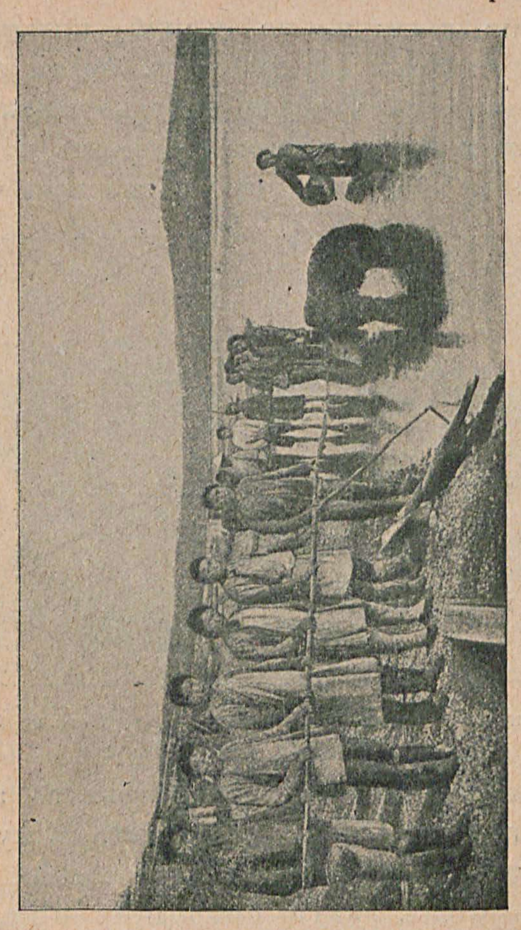
Медвѣдь, который у айно долженъ будетъ сдѣлаться героемъ и жертвой праздника, ловится въ лѣсу совершенно моло-

Прогулка медвѣдя.

дымъ; онъ запирается въ деревянную клѣтку кубической формы недалеко отъ дома

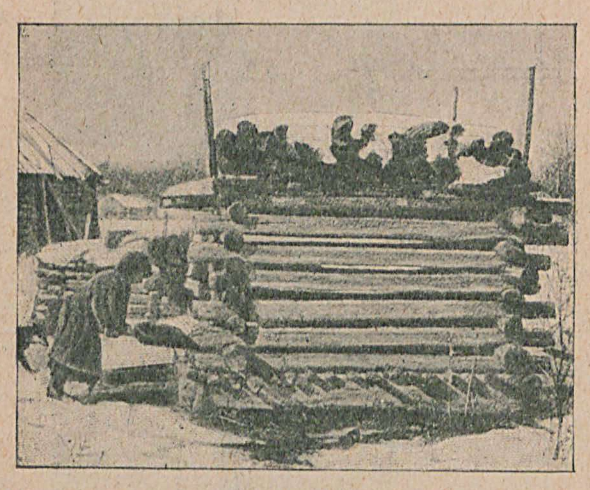
своего хозяина и выходитъ изъ нея только лѣтомъ, когда его на длинныхъ веревкахъ

Купаніе медвѣдя.

водятъ купаться въ сосѣднюю рѣчку; все населеніе поселка слѣдуетъ за нимъ и на-

дѣляетъ любовными словами. Почти всегда онъ принадлежитъ самому богатому жителю поселка, но всякій пользуется честь платить за его кормъ. Обыкновенно ѣду ему носитъ какая-нибудь уважаемая старушка, но иногда его кормятъ и молодыя дѣвушки; онъ получаетъ свою часть

Клѣтка, въ которой запертъ медвѣдь, гдѣ его кормитъ какая-нибудь женщина.

отъ всѣхъ кушаній, которыя ѣдятъ айно, и часто даже наилучшую часть. Ему даютъ уху, сухую семгу, собачье мясо, а лѣтомъ—ягоды, дикую смородину и малину, на которыя медвѣди всегда очень лакомы. Пища подается ему на деревянной лопат-

кѣ, которую просовываютъ сквозь прутья клѣтки.

Медвѣжій праздникъ совершается всегда зимой и ночью. За два или за три дня сходятся айно изо всѣхъ деревень, даже и изъ довольно отдаленныхъ; надо быть очень больнымъ или очень важнымъ, чтобы не присутствовать на праздникѣ. Предшествующій празднику день посвященъ плачу, а наканунѣ этого дня особенно много пьютъ, пляшутъ и поютъ.

Мужчины приготовляютъ инао различной величины; эта—такая работа, которой женщины безъ грѣха не могутъ совершать; когда готовы инао, надо приготовить обѣдъ, слѣдовательно, убить нѣсколько собакъ. Между тѣмъ женщины ткутъ изъ волоконъ поясъ, который долженъ быть надѣтъ на медвѣдя во время жертвоприношенія и на который навѣшиваются маленькіе мѣшочки, куда понемногу кладутся всѣ приготовленныя для праздника блюда: сухая рыба, тюленій жиръ, собачье мясо, рисъ, табакъ и т. п. Это—провизія на дорогу, довольно долгую, которую должна совершить душа медвѣдя, идя къ божеству. У дѣвушекъ своя отдѣльная

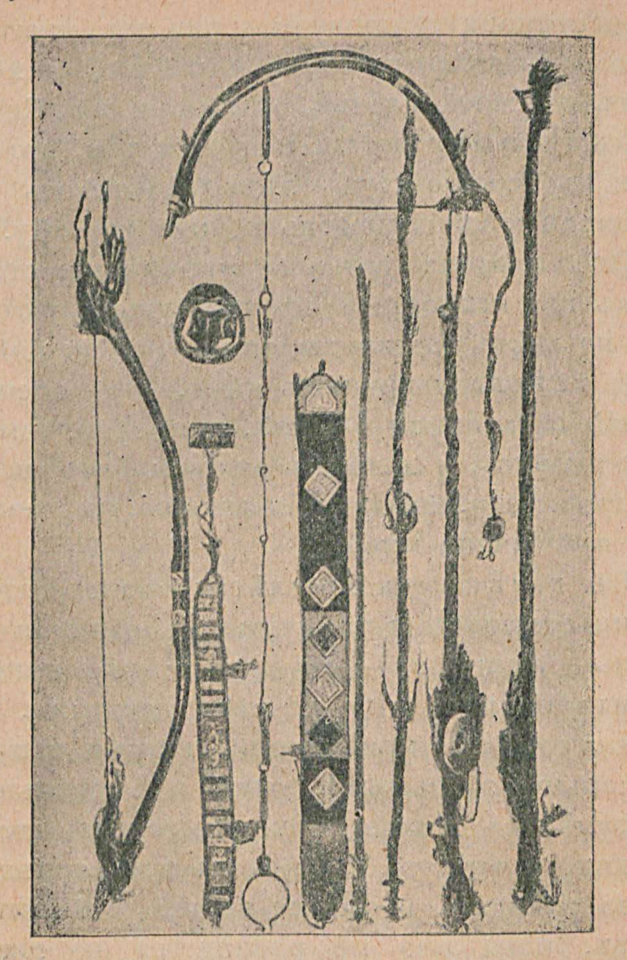
работа: онѣ изъ волоконъ и травы дѣлаютъ длинныя серьги, которыми украсятъ голову жертвы.

Приготовленіе инао къ медвѣжьему празднику.

У старухъ свое дѣло, и ихъ роль тоже не менѣе утомительна. Разставившись на четвереинькахъ, почти лежа на животѣ, вокругъ клѣтки, положивъ голову на руки, онѣ плачутъ, стонутъ, рыдаютъ. Какъ только старуха пріѣзжаетъ въ селеніе, она слѣзаетъ съ саней и направляется къ клѣткѣ, чтобы принять участіе въ этомъ дикомъ концертѣ. Старухи смѣняютъ другъ

друга и, кончивъ свой чередъ, идутъ въ

Предметы медвѣжьяго праздника.

одну изъ хатъ поселка ѣсть и спать.

Понятно, что отъ такого спектакля медвѣдь становится нервнымъ; онъ понимаетъ, что готовится что-то необычайное, и ходитъ по своей клѣткѣ, мрачно ворча. Сигналъ къ плачу всегда подается той, которая въ теченіе двухъ лѣтъ заботилась о медвѣдѣ и каждый день носила ему ѣду.

Эти продолжительныя причитанія старухъ въ настоящее время существуютъ не во всѣхъ деревняхъ; они почти совсѣмъ уже исчезли у южныхъ айно. Это очень дикій и смѣшной обычай, и прежде, чѣмъ продолжать, я долженъ заявить, что всѣ подробности, слѣдующія дальше, тщательно провѣрены мною.

Въ домѣ и около клѣтки происходятъ танцы; мужчины танцуютъ съ одной стороны, женщины — съ другой; аккомпанементъ производится не инструментами, а невнятными, ритмическими звуками, испускаемыми закрытымъ ртомъ и гортанью. Разумѣется, для церемоніи не совершается никакого туалета: у айно есть всего только одна рубашка, и онъ ее носитъ до тѣхъ поръ, пока она не распадется на лохмотья.

Всѣ эти приготовленія, работы, танцы

и причитанія продолжаются два или три дня. Когда наступаетъ послѣдній вечеръ, все уже готово:—собаки убиты и сварены, тюленій жиръ дымится, рисъ кипитъ, табачныя листья измельчены, чашки наполнены *саке*, рисовой водкой, съ которой айно познакомились отъ японцевъ. Вечеромъ въ домѣ владѣльца медвѣдя происходитъ сцена оплакиванія. Хозяинъ выставляетъ на показъ всѣ свои богатства: японскія сабли, первобытныя копья, мѣха,— все это разложено въ глубинѣ его хаты, украшенной новыми инао. Въ большинствѣ деревень сцена оплакиванія бываетъ коротка, а все еще теплое саке развязываетъ языки и радуетъ сердца.

Около двухъ часовъ утра старики поднимаются, выходятъ изъ хижины и направляются къ клѣткѣ медвѣдя, передъ которой еще воетъ нѣсколько неутомимыхъ старухъ. Наиболѣе краснорѣчивый изъ стариковъ, уважаемый всѣми, даетъ знакъ; всѣ смолкаютъ, и онъ обращается кротко къ медвѣдю съ длинною рѣчью. Формы рѣчи бываютъ различны, смотря по самому оратору; но за исключеніемъ нѣсколькихъ

фразъ личной импровизаціи, основаніе ея всегда бываетъ одинаково.

«Не бойся, медвѣдь, уважаемый другъ, котораго мы всѣ любимъ. Ты самъ знаешь, какими добрыми мы были къ тебѣ. Вспомни свое рожденіе въ таинственномъ, ужасномъ лѣсу! Ты былъ еще маленькимъ, когда мы повстрѣчали тебя; что было бы съ тобою безъ насъ! Мы взяли тебя на руки, чтобы согрѣть, мы прижимали тебя къ своей груди, а, чтобы утолить твой голодъ, хорошо накормили тебя. Ты быстро повѣрилъ въ наши добрыя намѣренія, игралъ, какъ ребенокъ, лизалъ намъ руки и лицо. Но, накормивъ тебя, дорогой пріятель, мы могли бы отпустить тебя въ лѣсъ; мы—бѣдные люди, и лишній ротъ быстро уменьшаетъ наши скромные зимніе запасы, въ особенности, когда у новоприбывшаго такой аппетитъ, какъ твой,—говоримъ это безъ упрека. И однако мы взяли тебя къ себѣ; ты жилъ въ нашей деревнѣ, мы кормили и берегли тебя, какъ самаго дорогого нашего ребенка! Ты вѣдь помнишь все? А какую новую прекрасную мы устроили тебѣ клѣтку! А какое прекрасное купанье въ нашей рѣкѣ! А рыбы,

которыхъ мы ловили для тебя; собачьи ножки, которыя мы подавали тебѣ, а малина, которую наши жены и дѣти собирали для тебя, потому что онѣ знали твой вкусъ, лакомка! На самомъ дѣлѣ, старый другъ, ты лакомка, а въ лѣсу, въ которомъ тебѣ пришлось бы жить, ты никогда бы не удовлетворилъ своего аппетита. Зимою тебѣ было бы холодно въ снѣгу. а здѣсь мы заваливали твою клѣтку соломой, и ты спокойно спалъ въ теплѣ. Никогда у тебя ни въ чемъ не было недостатка. Посмотри, какой ты жирный, какой красивый!

«Сегодня мы устраиваемъ роскошный праздникъ, и на немъ ты будешь почетнымъ героемъ. Тебѣ дали уже понять объ этомъ крики, причитанія, танцы. Однако, ничего не бойся; мы не сдѣлаемъ тебѣ зла; мы просто хотимъ убить тебя и послать къ лѣсному богу, который любитъ тебя и котораго мы боимся. Мы угостимъ тебя роскошнымъ обѣдомъ, лучшимъ, чѣмъ всѣ, которые ты ѣлъ у насъ, а потомъ всѣ вмѣстѣ поплачемъ надъ тобой! Айно, который убьетъ тебя, самый лучшій изъ всѣхъ насъ стрѣлокъ; онъ здѣсь, онъ плачетъ и проситъ у тебя прощенія; ты

почти ничего не почувствуешь, все произойдетъ быстро!

«Ты хорошо долженъ понимать, что мы не можемъ всегда кормить тебя. Мы и такъ довольно сдѣлали для тебя; теперь твоя очередь пожертвовать собою для насъ. Ты попросишь у бога послать намъ зимою побольше соболей и выдръ, а будущимъ лѣтомъ въ изобиліи тюленей и рыбъ. Не забудь нашего порученія, мы тебя сильно любили, а дѣти никогда не забудутъ тебя!»

Тогда печально выходитъ женщина, ходившая за медвѣдемъ, и подаетъ послѣднія кушанья, предназначаемыя жертвѣ; она подаетъ ему ихъ черезъ рѣшетку, потомъ, какъ камень, падаетъ около клѣтки, разражаясь рыданіями. Волненіе скоро дѣлается общимъ, старухи снова принимаются за слезы, а мужчины глухо кричатъ. Медвѣдь, все болѣе и болѣе пугаясь, не рѣшается ѣсть, хотя иногда сквозь рыданія старики кричатъ:

— Ѣшь, старый другъ, наше дитя, ѣшь и не бойся ничего!

Голодъ однако беретъ верхъ, а запахъ вкуснаго тюленьяго жира, великолѣпнаго собачьяго филе, наконецъ, заставляетъ

медвѣдя рѣшиться; онъ дѣлается смѣлѣе и думаетъ въ успокоенiи своего аппетита найти конецъ всѣмъ своимъ невыносимымъ мученiямъ.

На горизонтѣ показывается легкiй свѣтъ, скоро начнется день, и сбѣгается молодежь; они вынимаютъ изъ клѣтки нѣсколько досокъ и стараются обмотать вокругъ тѣла медвѣдя веревку или ремень; они длинной палкой колютъ медвѣдя, чтобы онъ поднялся и имъ удобнѣе было наряжать его. Медвѣдь иногда очень слабъ, разозлившись, онъ старается кусаться и царапаться. Когда ремень надѣтъ, въ клѣткѣ оставляютъ только нѣсколько досокъ, и медвѣдь тотчасъ же выскакиваетъ наружу. Къ ремню привязаны длинныя веревки, за которыя ухватываются айно поровну съ каждой стороны медвѣдя. Животное можетъ теперь только идти впередъ или назадъ, движенiя вправо и влѣво совсѣмъ невозможны для него.

Теперь надо надѣть на него другой поясъ, о которомъ мы говорили выше, и который съ такой заботой приготовлялся женщинами; задача не изъ легкихъ, даже очень опасная, и только какой-нибудь смѣльчакъ, которому обильное возлiянiе

вина придало храбрости, способенъ на такое дѣло. Онъ приближается и долженъ быстрымъ движеніемъ просунуть руки подъ переднія лапы, въ то же время прижаться грудью ко лбу животнаго, чтобы не быть изгрызаннымъ. Медвѣдь часто бываетъ сильнѣе и больше человѣка; и частенько неосторожный пьяный валится и катается по снѣгу, привѣствуемый криками и ироническими шуточками зрителей; онъ снова бросается, изъ него течетъ кровь, но медвѣдь такъ энергично скрученъ, что не можетъ нанести довольно серьезныхъ ранъ; впрочемъ рана на подобномъ праздникѣ почетна и предвозвѣщаетъ радость и богатство въ цѣлой жизни. Молодой парень всегда хочетъ отличиться передъ женщинами и стариками.

Когда поясъ надѣтъ, молодежь прокалываетъ уши медвѣдю и вставляетъ въ нихъ длинныя сережки, приговленныя дѣвушками. Его заставляютъ сдѣлать три круга около клѣтки, кругъ вокругъ дома хозяевъ и вокругъ дома старика, произносившаго рѣчь. Если медвѣдь слишкомъ раздраженъ, его надо тащить, онъ не съ особеннымъ удовольствіемъ соглашается на различныя дѣйствія церемоніи. Иногда

онъ однако понимаетъ, что всякое сопротивленіе безполезно, и повинуется безъ жалобнаго рычанія. Иногда встрѣчаются болѣе практичные медвѣди, которые унюиваютъ дорожную провизію, подвѣшенную къ поясу, разрываютъ мѣшки и пожираютъ содержимое.

Тогда медвѣдя привязываютъ къ дереву, предварительно украшенному инао и около котораго есть другое дерево, также убранное, но менѣе торжественно. Медвѣдь вертится вокругъ дерева, а къ нему приближается назначенный ораторъ, держа въ рукѣ длинную палку. Его рѣчь иногда бываетъ очень долга, она продолжается до первыхъ лучей солнца; въ нѣкоторыхъ деревняхъ не бываетъ первой рѣчи, а отеческія восхваленія старика говорятся только подъ жертвеннымъ деревомъ.

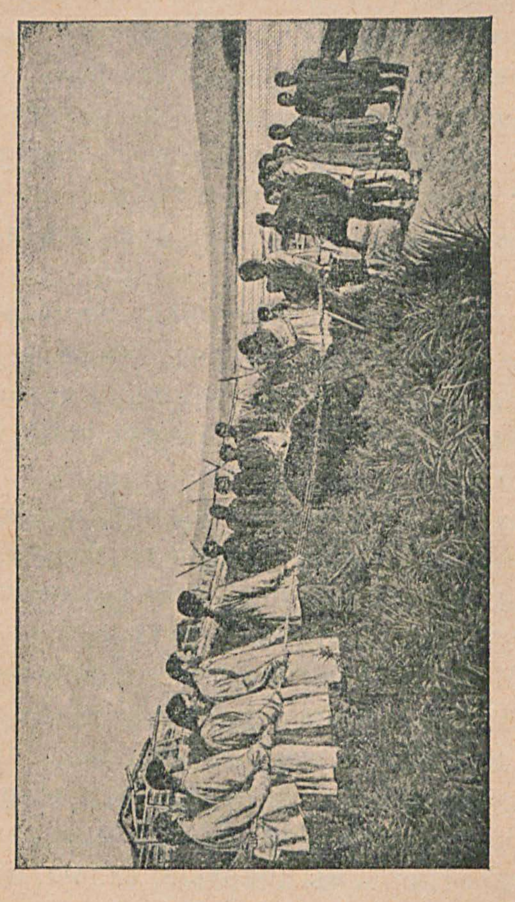
— Вспомни,—кричитъ старикъ,—вспомни! Я снова напомню всю твою жизнь и услуги, оказанныя нами тебѣ! Теперь ты долженъ исполнить свою обязанность. Не забудь что я просилъ у тебя: ты скажешь богамъ, чтобы они послали намъ богатство; чтобы наши охотники возвращались изъ лѣса нагруженными рѣдкими мѣхами и звѣрями съ питательнымъ мя-

сомъ; чтобы наши рыбаки находили много тюленей на берегу и въ морѣ, и чтобы ихъ сѣти трещали отъ тяжести рыбы. Мы надѣемся только на тебя; злые духи смѣются надъ нами, они часто причиняютъ намъ зло, но они склонятся передъ тобой. Мы давали тебѣ пищу, а, слѣдовательно, и радость и здоровье; теперь мы убьемъ тебя, чтобы ты въ вознагражденіе послалъ богатство намъ и нашимъ дѣтямъ.

Все болѣе раздражающійся медвѣдь слушаетъ всѣ эти рѣчи; онъ вертится вокругъ дерева и печально реветъ. Чтобы придать ему мужества и чтобы показать ему, по какой дорогѣ онъ пойдетъ, противъ него къ сосѣднему дереву привязываютъ собаку.

Какъ только покажется первый лучъ солнца, айно, вставъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ медвѣдя, беретъ лукъ, цѣлится въ сердце и пускаетъ смертоносную стрѣлу въ несчастное животное. Какъ говорилъ старикъ, обыкновенно выбирается лучшій стрѣлокъ, и смерть почти всегда бываетъ мгновенна. Тотчасъ же стрѣлокъ, отбросивъ лукъ, бросается на землю около трупа, а женщина, которая каждый день приносила медвѣдю пищу, съ рыданіями валится рядомъ

съ нимъ; старики и старухи подражаютъ, имъ плачутъ и кричатъ.

Жертвоприношенiе.

Тогда мертвому звѣрю приносятъ немного пищи, рису, дикаго картофеля, говорятъ съ нимъ, оплакиваютъ его, благо-

дарятъ его. Испуганныя дѣти убѣгаютъ всѣ въ слезахъ, другія радуются, что они такъ храбры, что могутъ безъ страха подойти къ трупу. Съ почтеніемъ поднимаютъ инао, составлявшіе украшеніе умершаго; потомъ отсѣкаютъ у животнаго голову и лапы, а самого его тотчасъ разрываютъ; шкура будетъ употреблена въ дѣло, изъ нея сдѣлаютъ шубу или одѣяло, ее можно будетъ продать; но лапы, а, въ особенности, голова—священныя вещи. и было бы большимъ грѣхомъ продать ихъ или даже отдать; отвѣтственность человѣка, совершившаго подобное преступленіе, была бы ужасна.

Возбужденныя видомъ и запахомъ крови деревенскія собаки подходятъ ближе, желая также принять участіе въ готовящемся пиршествѣ; ихъ грубо гонятъ.

— Мой дѣдъ,—говоритъ какой-нибудь старый айно,—училъ меня, что наши предки не позволяли женщинамъ ѣсть праздничное мясо; на это смотрѣлось, какъ на нарушеніе святыни; мы же, стоящіе меньше нашихъ отцовъ, мы довольно слабы, чтобы прогнать женъ; тѣмъ не менѣе мы осмѣливаемся прогонять собакъ.

Еще теплая кровь медвѣдя выпивается

всѣми присутствующими. Шкура отдается какому-нибудь старику; онъ осторожно держитъ ее и бережетъ, какъ портретъ ребенка. Мясо медвѣдя варится, потому что обычай запрещаетъ жарить его. Если спросить причину этого, айно отвѣчаютъ:

— Это дѣлается такъ потому, что всегда такъ дѣлалось; причины этого мы не знаемъ, но дѣлаемъ то, что дѣлали наши дѣды, которые сами научились тому же у своихъ дѣдовъ.

Впрочемъ, такой же отвѣтъ можно услышать каждый разъ, когда спрашиваешь объясненія каждаго изъ звѣрскихъ многочисленныхъ дѣйствій, совершающихся на этомъ странномъ празднествѣ.

Любопытная подробность: шкура и вареное мясо не могутъ вноситься въ домъ черезъ дверь. Однако вообще дома айно не имѣютъ оконъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, построенныхъ по образцу русскихъ домовъ. Тогда айно влазитъ на крышу и спускаетъ мясо, голову и шкуру черезъ дымовое отверстіе. Шкура старательно складывается въ одномъ изъ угловъ прямоугольнаго очага, голова медвѣдя обыкновенно кладется на шкуру, вставивъ небольшія палочки въ уши. Такъ какъ было

бы несправедливо, если бы собака, убитая для указанія дороги медвѣдя, не почиталось послѣ жертвоприношенія, то ея голову кладутъ тоже около очага. Головамъ двухъ убитыхъ животныхъ предлагаютъ рису, дикаго картофеля, а рядомъ съ головой медвѣдя кладется огниво, трубка и табакъ.

— Онъ внимательно слушатъ наши разговоры,—говорила мнѣ одна женщина,— а иногда даже шевелитъ ушами.

Обычай требуетъ, чтобы приглашенные, прежде чѣмъ разойтись, съѣли все животное однако, оставляется нѣкоторая часть для тѣхъ, кого удержала болѣзнь. Мы уже видѣли, что запрещается давать хоть маленькій кусочекъ священнаго медвѣдя собакамъ, также воспрещено и приправлять его: воспрещено употребленіе соли и перца. Обѣдъ продолжается долго; пьютъ, танцуютъ, и снова пьютъ; потомъ, когда прошло опьяненіе, мужчины голову героя праздника несутъ въ лѣсъ; они кладутъ ее на груду костей, гдѣ бѣлѣются черепа медвѣдей, убитыхъ на прошлыхъ празднествахъ.

Приглашенные возвращаются къ себѣ домой на саняхъ, запряженныхъ собаками;

они уходятъ домой безъ большой церемоніи; у сахалинскихъ айно никогда не говорятъ другъ другу: до свиданья или прощай.

Я только одинъ разъ и то съ большимъ трудомъ могъ добраться до одного такого небольшого холмика изъ череповъ и костей. Лѣсъ, какъ и всегда на Сахалинѣ, былъ почти непроходимый; приходилось ступать по гніющимъ стволамъ и раздвигать непролазную чащу. Конечно, айно смотрѣли бы на меня, какъ на врага, если бы они знали, что я взялъ нѣсколько медвѣжьихъ череповъ для естественно-историческаго музея; черепъ медвѣдя навсегда долженъ лежать въ большомъ лѣсу, гдѣ родился медвѣдь; совершенное мною воровство было святотатствомъ.

Въ Найбучи я разспрашивалъ нѣсколькихъ интересныхъ айно о подробностяхъ прошлыхъ празднествъ. Мы собрались въ самомъ большомъ домѣ поселка; жители сосѣднихъ деревень присутствовали ежедневно и принимали участіе въ нашей бесѣдѣ; я нѣсколько разъ хотѣлъ узнать о происхожденіи этой церемоніи.

Отъ нихъ я узналъ, что медвѣдь всегда знаетъ про ожидающую его участь онъ рѣшилъ подчиниться судьбѣ, потому что

знаетъ, что онъ долженъ быть убитъ

Медвѣжьи стрѣлки.

для собственнаго блага и для блага людей. Если онъ боится, то это дрожитъ только

его тѣло, а не душа; однако мученіе пугаетъ его. Если онъ раздраженъ и отбивается, это значитъ, что кто-нибудь обидѣлъ его; онъ добръ, но онъ ни за кѣмъ не признаетъ права оскорблять или раздражать его. Все это хорошо доказывается фактами. Душа убитаго медвѣдя постоянно мститъ тѣмъ, кто обидѣлъ его или заставилъ страдать.

— Мы разсказываемъ тебѣ не сказки,— сказалъ мнѣ одинъ айно,—а правду!

Однако эта правда была настоящей сказкой, которая могла родиться только въ головѣ народа-ребенка.

ГЛАВА XIII.

Медвѣдь у гиляковъ.—Охотничій праздникъ.—Пиршество и различныя игры.—Вѣрованія и обычаи.

По мнѣнію айно, медвѣди чувствуютъ большое презрѣнія къ женщинамъ; но съ этой точки зрѣнія у гиляковъ они много цивилизованнѣе и галантнѣе. На самомъ дѣлѣ, чтобы объяснить страсть гиляковъ къ охотѣ на медвѣдей, разсказывается слѣдующая легенда.

Два брата съ сестрой, жили въ хижинѣ на берегу рѣки и на опушкѣ лѣса; ихъ родители умерли, и они жили вмѣстѣ

очень дружно. Однажды, когда братья были въ отсутствіи, проходившій медвѣдь замѣтилъ дѣвушку; онъ нашелъ ее хорошенькой и, несмотря на ея крики, утащилъ ее. Братья возвратились домой; безпокоясь, что не видятъ сестры, они начали искать ее, звать, но все напрасно. На пескѣ были замѣтны широкія лапы медвѣдя, и братья подумали, что ихъ сестра погибла въ зубахъ плотояднаго звѣря; они рѣшили отомстить за нее, умершую или живую. Они объѣхали весь сосѣдній лѣсъ, обшарили всѣ уголки, но медвѣдя не нашли; они рѣшили идти дальше и осмотрѣть гору. Черезъ нѣсколько дней ходьбы они замѣтили хижину, изъ которой вился дымокъ, и они не могли удержать крика изумленія, увидѣвъ сидѣвшую передъ дверью свою сестру. Медвѣдь, влюбившійся въ нее, берегъ ее и, принявъ человѣческій образъ, сдѣлалъ ее своей женой. Братья поняли это и пустили двѣ стрѣлы въ сердце медвѣдя. Они привели испуганную сестру въ свой домъ, но она отказывалась отъ всякой пищи и умерла отъ истощенія и голода: жизнь для нея была теперь невыносима безъ ласкъ, съ которыми ее познакомилъ медвѣдь. Вотъ, чтобы отомстить за эту женщину, гиляки

охотятся на медвѣдя въ сахалинскихъ лѣсахъ.

Нѣкоторые разсказы и пѣсни доказываютъ также, что гиляцкій медвѣдь большой шалунъ, а туземцы утверждаютъ, что онъ вечеромъ любитъ на лѣсной опушкѣ поухаживать за женщинами. Молодежь пользуется этимъ, чтобы относить свои грѣхи за счетъ медвѣдя.

Гиляки заключаютъ медвѣдя въ клѣтку и также торжественно закалываютъ его зимой, но церемонія у нихъ носитъ намного менѣе религіозный характеръ, чѣмъ у айно; они обращаются съ медвѣдемъ намного фамильярнѣе. Разсказывать объ этомъ праздникѣ, значило бы повторять предыдущій разсказъ, впрочемъ очень упрощенный, потому что подробности гиляцкаго праздника менѣе многочисленны и менѣе смѣшны и отличаются отъ праздника айно только незначительно.

Гиляки не оказываютъ такого глубокаго, какъ айно, почтенія къ медвѣдю, но высказываютъ большой почетъ тому изъ среды своихъ, кто отличится подвигами въ охотѣ на медвѣдя. Подобный охотникъ носитъ у пояса небольшую палку, число зарубокъ на которой указываетъ количе-

ство убитыхъ имъ медвѣдей. Охотникъ ставитъ въ лѣсу западню; медвѣдь, привлеченный приманкой, приводитъ въ движеніе западню и пронзается стрѣлой; часто также гилякъ нападаетъ на медвѣдя съ ружьемъ въ рукѣ; еще болѣе храбрые употребляетъ только лукъ и ножъ, которымъ они работаютъ съ несравненной ловкостью. Настоящій гиляцкій медвѣжій праздникъ справедливѣе было бы назвать охотничьимъ праздникомъ: онъ происходитъ всякій разъ, какъ гилякъ убьетъ медвѣдя, и заслуживаетъ того, чтобы описать его.

Недалеко отъ спокойной деревни, въ которой дѣтишки играютъ съ собаками, раздается крикъ; нѣсколько человѣкъ заставляютъ дѣтей замолчать и прислушиваются, чтобы убѣдиться, что они не ошиблись. Голосъ, еще далекій, кажется, приближается и уже слышится побѣдный крикъ: это модулирующій крикъ, крикъ - пѣсня, какъ говорилъ мнѣ одинъ гилякъ. Охотникъ быстро приближается, повторяя: ойонтъ! ойонтъ! Это слово само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, но оно объявляетъ, что убитъ медвѣдь, а вскорѣ показывается и охотникъ, весь въ крови, съ доказательствами своего подвига; на самомъ дѣлѣ онъ

тащитъ шкуру медвѣдя и несетъ его голову. Всѣ мужчины бьютъ маленьками палочками по звучной деревянной доскѣ; работавшія въ домы женщины съ любопытствомъ выходятъ наружу, дѣтишки скачутъ отъ радости, собаки лижутъ кровь, текущую со шкуры и головы; охотникъ молчитъ, останавливается и любуется торжественнымъ пріемомъ, такъ какъ знаетъ свою заслугу.

Тогда мужчины начинаютъ разспрашивать его: какъ онъ убилъ медвѣдя, далеко ли отсюда осталось тѣло? Надо пойти, найти его, принести въ деревню, потому что дикіе звѣри и птицы, привлеченные запахомъ, можетъ-быть, уже устраиваютъ изъ него пиршество, на которое не имѣютъ права. Тогда охотникъ беретъ управленіе толпой и ведетъ своихъ друзей къ тому самому мѣсту, гдѣ лежитъ его окровавленный трофей.

На другой день друзья, окрестные жители извѣщаются, что готовится большой обѣдъ и что всѣ приглашаются на него; указывается мѣсто, гдѣ будетъ происходить празднество, недалеко отъ того мѣста, гдѣ обыкновенно складываются кости медвѣдей, убитыхъ на охотѣ. Гиляки, часто ходившіе, по крайней мѣрѣ прежде, вдоль

Пороная до селеній айно, выучились у нихъ дѣлать грубыя инао, которыя они зовутъ нао. Ихъ дѣлаютъ не во всѣхъ деревняхъ, но кое-гдѣ я видѣлъ ихъ. Къ обѣду устраивается родъ стола, украшенный нао; если обѣдъ устраивается на берегу рѣки и если надо переплывать ее, чтобы отнести въ лѣсъ послѣ обѣда кости, то и сама лодка украшается нѣсколькими нао. Обѣдъ состоитъ не только изъ медвѣжьяго мяса, но и изъ риса, иногда изъ бобовъ, и постоянно изъ дикаго картофеля и вишень. Мясо варится на воздухѣ въ большихъ горшкахъ; частью оно варится, частью жарится. Мужчины могутъ ѣсть медвѣдя въ обоихъ видахъ, но женщины согрѣшатъ, если осмѣлятся дотронуться до жаренаго медвѣдя; на празднество онѣ приглашаются только лѣтомъ, но варить мясо и готовить его зовутъ ихъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой.

Голову медвѣдя, предварительно изрубленную, подаютъ на столъ. Мужчинамъ иногда подзываютъ ребенка, которому на минутку кладется на лобъ черепъ медвѣдя при крикахъ:

— Познакомься со старымъ товарищемъ!

Дѣти вообще отказываются отъ такой забавы и плачутъ; нѣкоторыя, болѣе храб-

рыя, берутъ медвѣдя за уши, за что и получаютъ похвалу отъ собранія: это—молодцы; они сами черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаются превосходными охотниками.

За обѣдомъ постоянно предсѣдательствуетъ какой-либо почетный гость, чаще всего старикъ; его называютъ *Нархъ*, и въ теченіе всего этого дня приглашенные должны оказывать ему почетъ.

Шкура звѣря то кладется на столъ, то вѣшается около гостей. Когда все готово къ обѣду, зовутъ гостей, потому что есть люди, которые пришли только посмотрѣть и не имѣютъ возможности принять участія въ празднествѣ. Мужчины тогда помѣщаются въ кругъ около хижины, а женщины вокругъ горшка. Молодежь разноситъ рисъ и картофель, начиная съ наиболѣе уважаемаго гостя и кончая менѣе значительнымъ.

Хозяинъ дома разсѣкаетъ медвѣдя и одѣляетъ всѣхъ; раздѣлъ бываетъ труденъ, потому что важно дать каждому понемногу различныхъ частей животнаго: надо части дѣлать съ виду равныя, выдѣляя немного стариковъ, а особенно Нарха; кромѣ того каждый гость получаетъ косточку, а Нархъ—грудную кость.

На столѣ лежитъ спеціальный ножъ,

которымъ гости должны рѣзать свое мясо; если они забудутъ эту подробность и вытащутъ изъ кармана свои собственные простые ножи, то послѣдніе дѣлаются собственностью хозяина дома. Необходимо, чтобы амфитріонъ получилъ что-либо отъ стола: вѣдь онъ убилъ медвѣдя и даетъ празднество; онъ расходуетъ на обѣдъ свою провизію и получаетъ только одну славу, которая кажется ему пріятной, но недостаточной. Про его подвигъ узнаютъ и прославятъ его далеко.

Однако онъ надѣется на нѣкоторую выгоду особеннаго характера. Каждый гость вытаскиваетъ изъ кармана снурокъ и обматываетъ имъ полученную кость; и всѣ эти веревочки, обматывающія кости, подаются въ подарокъ хозяину дома; Нархъ, получившій огромную кость, долженъ обмотать ее длиннымъ ремнемъ изъ кожи тюленя или дельфина.

Приглашенныхъ заставляютъ ѣсть до тѣхъ поръ, пока больше уже они не могутъ, и тогда только женщины получаютъ свою долю; имъ также даютъ по маленькой косточкѣ, которую онѣ должны обмотать сухой травой,—новый подарокъ, еще менѣе значительный.

Порціи мяса бываютъ часто очень велики, и невозможно все поѣсть; каждый вставляетъ въ оставшійся кусокъ палку и уноситъ домой. Въ домѣ хозяина остаются только однѣ кости. Хозяинъ и его жена принимаютъ участіе въ обѣдѣ, если только ихъ пригласятъ къ столу гости.

Потомъ между молодежью устраиваются игры, борьба и скачки. Скачутъ на одной ногѣ, кто проскачетъ дальше; потомъ идутъ скачки въ высоту, черезъ веревку, до которой надо при скачкѣ дотронуться ногой. Вдругъ Нархъ поднимается и говоритъ, что время ѣхать; тотчасъ же всѣ расходятся, не прощаясь. Когда гости разъѣхались, хозяинъ дома подсчитываетъ расходы и видитъ, что вышли всѣ запасы. Впрочемъ, гиляки очень бѣдны, и поэтому, они на самыя простыя вещи смотрятъ, какъ на божество.

— Домохозяину, — говорилъ мнѣ одинъ молодой гилякъ, — всегда остаются не безцѣнные предметы.

Что онъ такъ называлъ, были кости, обмотанныя веревочками, кусочки дерева, которыми гости вытирали руки послѣ обѣда, и вода въ горшкахъ. Шкура составляетъ собственность охотника, который мо-

жетъ продать ее за хорошую цѣну; къ несчастью, она продается не цѣлой, потому что голова и лапы уже предварительно отрѣзаны. Чтобы высушить, ее растягиваютъ на солнцѣ; но необходимо, чтобы къ югу на должна быть обращена стороной, покрытой волосами; голова медвѣдя оставляется въ домикѣ, построенномъ на сваяхъ и служащемъ складомъ рыбы, откуда потомъ она переносится въ глубь лѣса. Охотникъ не долженъ терять ремня, обматывающаго эту голову, потому что, разъ ремень потерянъ, охотникъ во всю жизнь не убьетъ ни одного медвѣдя.

Черезъ нѣсколько дней послѣ праздника хозяйка идеть къ гостямъ за блюдами и корзинками, которыя она дала, чтобы отнести домой остатки мяса; каждый гость долженъ положить туда подарокъ,—немного риса, табаку или картофеля. Только послѣ такого посѣщенія обычай позволяетъ ея мужу идти на охоту.

Хорошо, что семьи охотниковъ приносятъ жертву духамъ, властителямъ лѣса; послѣдніе многочисленны, требовательны и злы. Женщины не имѣютъ права присутствовать при жертвоприношеніяхъ: ихъ присутствіе не нравится духамъ; одни муж-

чины бросаютъ въ лѣсу табачные листья, зерна риса, а божества тѣмъ доказываютъ имъ свое удовлетвореніе, что не причиняютъ имъ зла и наводятъ ихъ на дичь. Въ то время, когда отецъ охотится, дѣти не должны рисовать ни на деревѣ, ни на пескѣ, потому что тропинки въ лѣсу сдѣлаются такими же замкнутыми, какъ и на рисункѣ, и охотникъ рискуетъ заблудиться безъ всякаго выхода.

Одинъ ссыльный, пожелавшій научить гиляцкихъ дѣтей русскому языку, заставлялъ иногда ихъ читать и даже писать; но родители запрещали имъ писать, когда одинъ изъ нихъ былъ въ отсутствіи; письмо казалось имъ очень запутаннымъ рисункомъ, а ихъ суевѣріе возбуждалось при мысли объ опасности, что по такому рисунку придется ходить охотникамъ въ лѣсу!

Медвѣжій праздникъ у гиляковъ лѣтомъ составляетъ родъ охотничьяго праздника; однако они больше рыбаки, чѣмъ охотники; понятно, что богъ воды сталъ бы завидовать своему лѣсному собрату, если бы и въ его честь не устраивали церемоній. Поэтому гиляки каждый годъ также приносятъ жертвы воднымъ божествамъ, посылающимъ имъ тюленей и рыбъ. Они

собираются въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на берегу моря или рѣки; сюда приносятъ деревянныя блюда, наполненныя рисомъ и, въ особенности, сухими дикими ягодами. Самый краснорѣчивый гилякъ произноситъ этимъ божествамъ небольшую рѣчъ и бросаетъ имъ подарки. Церемонія всегда заканчивается обѣдомъ, къ которому приглашаются одни мужчины.

Водныя божества еще больше боятся женщинъ, чѣмъ лѣсныя; они ненавидятъ женщинъ, потерявшихъ ребенка; что же касается до женщинъ беременныхъ, то достаточно одной изъ нихъ пройти вдоль берега, чтобы на нѣсколько мѣсяцевъ убѣжала напуганная рыба.

Грѣшно также лить въ рѣку грязную воду; въ нее нельзя также плевать, а одинъ туземецъ упрекнулъ меня однажды, зачѣмъ я бросилъ остатокъ курившейся папиросы въ рѣчку Наибу; двойной грѣхъ: я оскорбилъ бога водъ и погасилъ одного изъ духовъ огня.

№ 28. **Карамзинъ.** Наталья боярская дочь. Пов., ц. 5 к.
№ 29. **Митропольскій.** Мятель. Разсказъ, съ рис., ц. 5 к.
№ 30. **Андерсенъ.** Гадкій утенокъ, съ рис., ц. 5 к.
№ 31. **Черскій.** Св. Нина, просвѣтительница Грузіи. Изд. 2-е, ц. 5 к.
№ 32. — Св. Филаретъ Милостивый. Изд. 2-е, ц. 5 к.
№ 33. — Елизавета Тюрингенская. Изд. 2-е, съ рис., ц. 5 к.
№ 34. — Божья воля. Разск., ц. 5 к.
№ 35. **Лебуле.** Петруша. Ц. 5 к.
№ 36. **Чеховъ, Ан.** Бѣлолобый. Разск., съ рис. М. 99 г., ц. 3 к.
№ 37. **Бр. Гриммъ.** Золотой гусь. Сказ.
№ 38. **Толстой, Л. Н.** Кавказскій плѣнникъ. Разск., съ рис. М. 99 г. ц. 5 к.
№ 39. **Ксавье де-Местръ.** Параша Сибирячка. Истор. разск., съ рис. М. 99 г., ц. 10 к.
№ 40. **Оржешко, Эл.** Въ зимній вечеръ. Разск., ц. 10 к.
№ 41. — Могучій Сампсонъ. Разск. М. 99 г., ц. 10 к.
№ 42. **Эд. де-Амичисъ.** Отцовская сидѣлка. Разск., съ 2 рис. М. 98 г., ц. 4 к.
№ 43. **Черскій, Л. Ф.** Подвигъ. Грузинское преданіе. Изд. 2-е. М. 99 г., ц. 5 к.
№ 44. — Милосердіе. Восточн. сказаніе. М. 99 г., ц. 5 к.
№ 45. — Солнышко Тоуэра. Ист. раз., съ рис. М. 99 г., ц. 5 к.
№ 46. **Стрѣлочникъ Лизъ.** Изъ разск. Дженни Ледлоу. М. 99 г., ц. 5 к.
№ 47. **Юноша, Кл.** Дѣдушкинъ питомецъ. Разск. М. 99 г., ц. 15 к.
№ 48. **Додэ, Ал.** Козочка господина Сегена. М. 99 г., ц. 3 к.
№ 49. **Диккенсъ.** Скряга Скруджъ. Изд. 3-е. М. 99 г., ц. 20 к.
№ 50. **Эд. де-Амичисъ.** Дѣвочка, спасшая поѣздъ. Разск. М. 99 г., ц. 3 к.
№ 51. **Разина.** Первые подвижники земли русской. М. 1900 г., ц. 10 к.
№ 52. **Разинъ.** Разореный годъ. Ц. 20 к.
№ 53. — Гетманъ Степанъ Остраница. Ц. 20 к.
№ 54. **Голова.** Петина просьба. Ц. 5 к.
№ 55. **Козловъ.** Три поэмы. Ц. 15 к.
№ 56. **Коринфскій.** Пасха царя Алексѣя, ц. 5 к.
№ 57. **По, Эд.** Золотой жукъ, ц. 10 к.
№ 58. **Золя, Эм.** Любовь къ животнымъ, ц. 10 к.
№ 59. **Гребенка.** Записки студента. Путевыя записки зайца, ц. 15 к.
№ 60. **Толстой, Л. Н.** Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Ц. 3 к.
№ 61. **Никольскій.** Послѣдняя пуля. Разсказъ, ц. 5 к.
№ 62. — Михрютка. Разск., ц. 10 к.
№ 63. **Сысоевъ, В.** Работникъ Ѳома, ц. 10 к.
№ 64. — Счастье Онуфрича. Ц. 10 к.
№ 65. **Иванинъ.** Денщикъ Лаврушка. Ист. разск., ц. 10 к.
№ 66. **Митропольскій.** Евпатій Коловратъ. Ист. разск., ц. 10 к.
№ 67. **Тепловъ.** Иванъ Калита, собиратель земли русской. Историч. очеркъ, ц. 10 к.

Библіотека сказокъ.

№ 1. Шесть лебедей. Сказка бр. Гриммъ, съ рис. М. 94 г., ц. 3 к.
№ 2. Король Дроздова Борода. Сказка бр. Гриммъ, съ рис. М. 96 г., ц. 3 к.
№ 3. Воронъ. Сказ. бр. Гриммъ, съ рис., ц. 3 к.
№ 4. Бѣлолицая невѣста и сестра ея Чернавка. Сказка бр. Гриммъ, съ рис. М. 99 г., ц. 3 к.
№ 5. Вѣщая птичка. Сказка бр. Гриммъ съ рис. М. 99 г., ц. 3 к.
№ 6. **Андерсенъ.** Сидень. Сказка, съ рис. М. 99 г., ц. 10 к.
№ 7. — Садовникъ и его господинъ. Сказка, съ рис. М. 99 г., ц. 5 к.
№ 8. — Золотой кладъ. Сказка, съ рис. М. 99 г., ц. 10 к.
№ 9. — Камень мудрости. Сказка, съ рис. М. 99 г., ц. 10 к.
№ 10. — Дикіе лебеди. Сказка, съ рис. М. 99 г., ц. 5 к.
№ 11. **Жоржъ-Зандъ.** Заколдованный или говорящій дубъ. Сказка, ц. 15 к.
№ 12. — Грибуль. Сказка, съ рис. М. 99 г., ц. 20 к.
№ 13. Волкъ и семеро телятъ. Сказка бр. Гриммъ, ц. 3 к.

Цѣна 1 руб.

